ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

4'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

4

ЧИТАЙ В АПРЕЛЕ

Эдуард Успенский. Красная Рука, Черная Простыня, Зеленые Пальцы. Повесть. 52.
Ирина Андрианова. Клюся. 64.

Черная курица. 5.
Марина Москвина.
Владимир Друк.
Юрий Нечипоренко.
Тим. Собакин.
Игорь Иртеньев.
Александр Дорофеев.
Андрей Усачев.
Лев Яковлев.
Борис Минаев.
Олег Григорьев.
Светлана Винокурова.
Николай Ламм.
Олег Кургузов.
Сергей Седов.
Андрей Антонов.

«Пионер»ское агентство «ФАКТ». 2.

«Кораблик» в «Треугольнике НЛО». 50.

На обложке: рисунок И. Панкова.

«Черная курица». С. 5.

Страшная повесть для бесстрашных школьников. С. 52.

С. 64.

...Мы знаем: 1. Любит детей. 2. И котят. 3. Часто смеется. 4. Скромен в одежде и в образе жизни. 5. Хороший шахматист. 6. Любит кататься на велосипеде.

Это почти все. Еще немного, но не много знаем о нем. И что тут такого важного: любит детей! Мало ли кто любит детей!

Как это странно... Так ценим, так любим — и так мало знаем лично. У нас есть институт Ленина, собирающий всякую бумажку с его пометкой, а сам Ленин — человек нами еще до сих пор полностью не изучен и не освоен до конца.

...Если мы будем подходить к великому человеку Ленину с такими же мерками, с какими подходят к обычным патентованным великим людям, мы не добьемся ничего. Мы будем ловить руками пустой воздух.

...Весь мир навсегда узнал Ленина — революционера, ниспровергателя, мыслителя, созидателя социалистического государства, бойца, ученого, партийца, вождя и писателя. А за Лениным, неотделимо от него, стоит Владимир Ульянов — живой, вечно активный, открытый, общительный, остроумный и, главное, вполне доступный, понятный окружающим.

...Ленин среди коммунистов — действительно человек оттуда, из будущего».

Из очерков Михаила Кольцова «Ленин».

120 лет
со дня рождения В. И. Ленина

НАБОЛЕЛО

Вокруг видео

...Издав боевой клич, Брюс Ли нанес «воздушный удар» последнему оставшемуся злодею. Злодей упал на землю. Он был мертв. По ритуалу Брюс Ли набросил на тело босса мафии кимоно и низко поклонился...

В зале зажегся свет. Зрители стали выходить на улицу.

Многие говорят, что видеобоевики воспитывают убийц и негодяев. Я думаю, что это не так. Не все боевики рекламируют насилие. Положительные герои боевиков дают нам с экранов уроки мужества и благородства. Я ненавижу насилие, но с удовольствием взгляну, как положительный герой одолеет еще парочку злодеев. Лишь бы этот герой не потерял облик человека и не превратился в робота, карающую машину.

Но в наших видеосалонах фильмов, пропагандирующих именно добро и мужество, пока мало. К сожалению, многих кооператоров волнуют прежде всего деньги, а добро или зло они рекламируют в своих фильмах, им наплевать. А в государственных салонах, которых, кстати, очень мало, показывают те фильмы, которые можно увидеть в обычном кинотеатре или по телевизору.

Около метро «Варшавская» я случайно заметил афишу видеосалона:

«ГОРЯЧАЯ ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА», 21.45.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ».

У афиши стояли два парня. Примерно мои ровесники.

— Пошли на «Резинку»? — спросил один.

— Так ведь не пустят,— почесал затылок другой.

— О,— махнул рукой первый,— ерунда. Это только пишут, а пускают всех.— И он, гогоча, начал рассказывать содержание фильма.

Интересно: владельцам видеосалонов хотелось бы, чтобы их дочери и сыновья были похожи на мужчин и женщин из фильмов под грифом «Только для взрослых»?

В видеосалоны я хожу редко. Но когда иду, мой папа ворчит: «Опять кормишь этих проходимцев». И действительно, полтора часа удовольствия — рубль, иногда полтора, иногда два. Честно ли это? В салоны больше ходят дети и подростки, но не всякий ребенок может достать рубль-два. Я знаю случаи, когда ребята, чтобы достать деньги на видеофильм, запускали руки в чужие карманы и кошельки.

Поймите, я не против видео, я против того, чтобы детей и подростков кормили всяческой «видеогрязью», да еще сдирали за это приличные деньги.

Сергей Громак,
7-й класс.

ОТ РЕДАКЦИИ

Есть ли среди вас, дорогие читатели, те, кто побывал в видеосалонах некооперативных? Напишите нам, много ли их в вашем городе? Какой там репертуар? Какие цены на билеты?

А мы постараемся в следующем выпуске ПАФа встретиться с представителями Мосгоркиновидеопроката и задать им один вопрос: может ли государство составить конкуренцию кооперативным видеосалонам и если может, то в скором ли будущем?

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Портрет пионеров

«У нас в школе многие малыши не хотят вступать в пионеры, а некоторые старшие ребята вообще считают, что пионерская организация не нужна. Ну, что за люди у нас в школе? Неужели еще где-нибудь есть такие?»

Нина Ветрова, г. Ленинград.

Знаете ли вы, что такое социологическое исследование? Это когда в результате опроса очень многих разных людей выясняется их общее мнение на ту или иную проблему. Об одном таком социологическом исследовании рассказал **Сергей Борисович Цымбаленко** на страницах первого номера детского вестника «Мост», который создается всесоюзным агентством «Юнпресс». Посмотрите на коллективный портрет сегодняшних пионеров.

Нужна ли пионерская организация? — «Да» — считают 49% ребят, «нет» — 15%, «не знаю» — 30%. 92% опрошенных октябрят хотят стать пионерами. 22% октябрят уверены, что это произойдет само собой. 40% главной подготовкой к вступлению в пионерскую организацию считают хорошую учебу, более 20% думают, что их примут за дисциплинированность, около 10% — за знание правил октябрят и пионеров. Лишь единицы называют высокие нравственные качества, общественно полезную деятельность как необходимые условия для вступления в организацию.

Среди 14—15-летних положительно оценивают пионерскую жизнь 44%, отрицательно — 8,9%, затрудняются ответить — 47%. Говорят, что вступали в пионеры: «чтобы быть как все, не выделяться» — 35%; «потому что пионерская жизнь казалась интересной» — 16,5%; «по указанию взрослых» — 7%; «потому что это обязанность каждого» — 5%.

Где и как действовать пионерской организации? 57,5% ребят за то, чтобы создавать отряд в классе, 21% — вне класса, но в школе; 7,4% — по месту жительства; 6,3% — при кружке, секции; 3% — при заводе, фабрике.

Чем заниматься в отряде? «Учебой» — так считают 48,3% опрошенных. Борьбой с хулиганством — 43%, заботой об инвалидах, престарелых — 25,6%, заботой о младших — 19,5%. Больше всего сторонников охраны природы — 50%, работать в службе быта хотят 12%, в пионерских цехах, на фабриках — 9,7%, заниматься научными исследованиями — 6,7%, художественная самодеятельность привлекает 6,1% пионеров, редакционная работа — 8%, моделирование — 7,7%, спорт — 19%. Весело проводить время желают 13,7%. Столько же готовы бороться с недостатками взрослых.

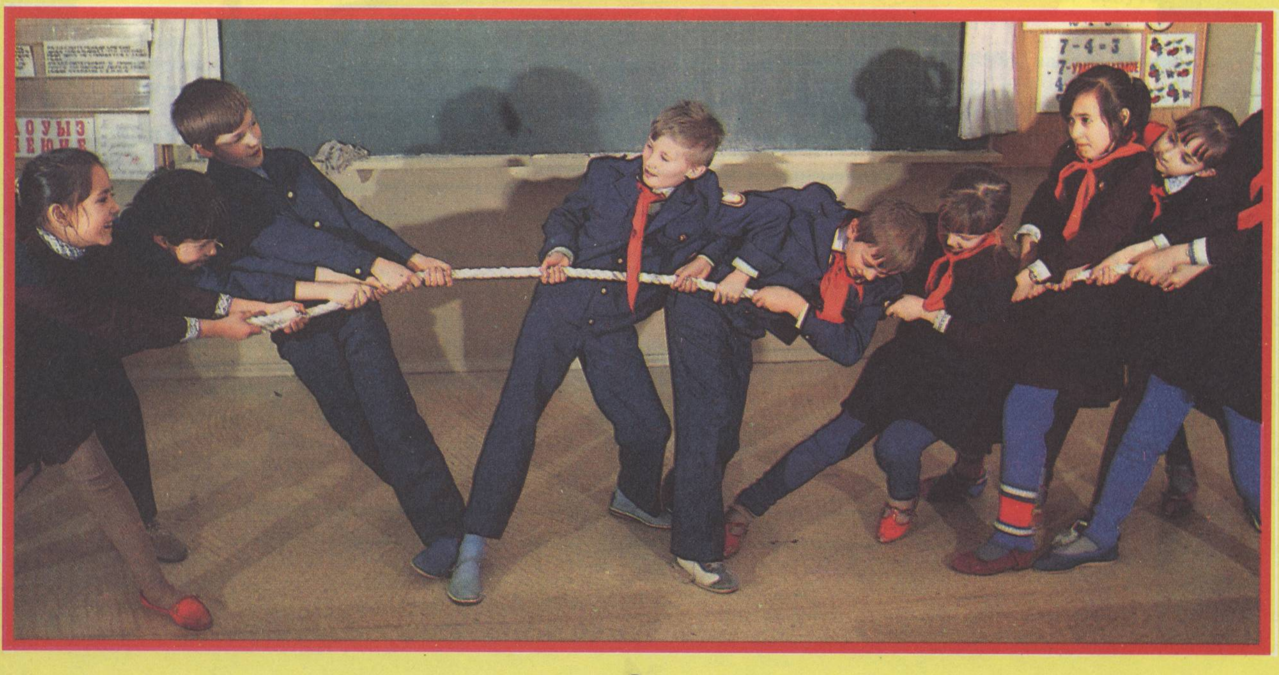
При желании вы можете провести такое исследование и у себя в отряде, в дружине. Составьте вопросы, раздайте анкеты, а потом подведите итоги. Интересно, что получится у вас?

ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Вплоть до недавнего нашего прошлого школы у нас в стране были раздельные — для мальчиков и девочек. Кроме того, и у мальчиков и у девочек были свои журналы. Для юных кадетов, например, существовал «Журнал воспитанников военно-учебных заведений», который знакомил мальчишек со всякими премудростями армейской жизни. Например, такими:

«Если господь наделил тебя красотой, пригожеством и ростом, и дородством, и постановкой молодецкой, да к тому же ты и не глуп, так держись одного знания, ремесла, мастерства — ефрейторского; съешь собаку целиком по фронтовой части... Если же, не тая греха безвинного, сам видишь ты в натуре своей какую-нибудь закорючину, т. е. спородился ты не больно казист и глядишь маленько мухрышкой, купи, брат, тавлинку берестяную, да на грош зеленчака мозговертного, попотчуй ротного закройщика или пригонщика амуниций и бей челом его милости о научении тебя премудрости ковыряния иглой, не то шилом».

«Журнал для воспитанников военно-учебных заведений», 1838 г.



«ПИОНЕР»СКОЕ **ФАКТ** АГЕНТСТВО

НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ 2000 ГОДА

Сегодня в стране 43 миллиона школьников. 16 миллионов из них — учащиеся сельских школ.

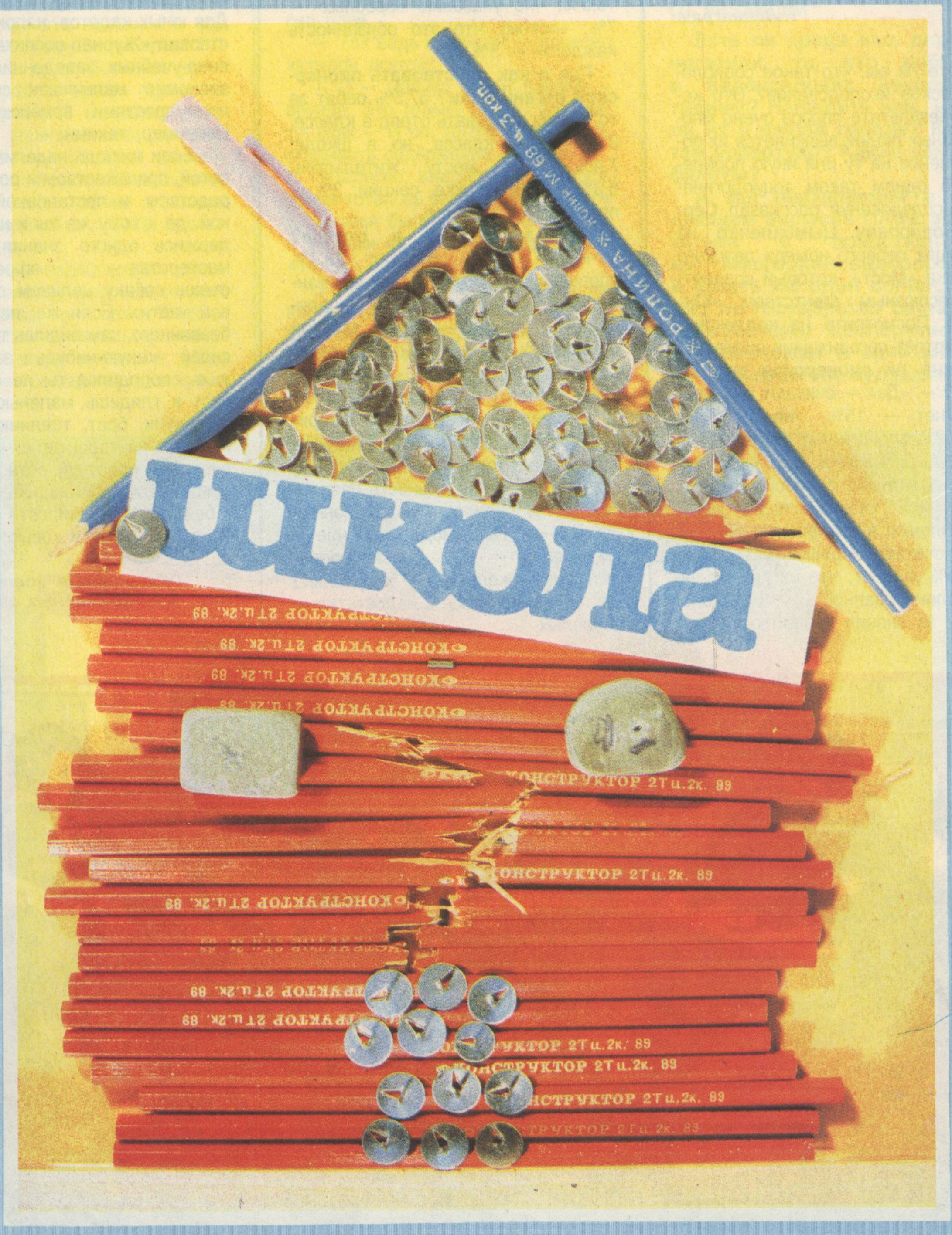
За последние десять лет число заболеваний сельских школьников увеличилось в 5 раз.

Почти половина всех выпускников сельских школ ограничена в выборе профессии из-за ослабленного здоровья.

В стране сегодня 96 тысяч сельских школ. 68 тысяч из них — без центрального отопления, 84 тысячи — без водопровода.

6,6% зданий подлежат сносу, здесь учится 1 миллион детей. Капитального ремонта требует 18,7% сельских школ. Всего в таких зданиях учится 3,5 миллиона детей.

Правительство выделило на строительство сельских школ 10 миллиардов рублей. Но этого хватит только на то, чтобы построить школы на 3,2 миллиона ученических мест. 1,3 миллиона детей все равно останутся в не пригодных для учебы зданиях.



Фотографии А. КРУПНИКОВА.

Выпуск подготовила Т. ВОЛОШИНА.

Если кто-нибудь думает, что «Черная курица» — это название какой-нибудь сказки,— он ошибается. Так назвала себя компания молодых (но по сравнению с вами, читатели «Пионера», не очень молодых) и начинающих прозаиков и поэтов. Этих начинающих прозаиков и поэтов наш журнал как бы пестует, чтобы, когда они станут знаменитыми и классиками, мы могли гордиться и говорить: «А этот классик в «Пионере» первый рассказ (или стих) напечатал!» Если кто-нибудь думает, что через

несколько страниц после «Черной курицы» можно будет прочесть что-нибудь еще (про космос, дальние страны или пионера Федькина),— он тоже ошибается. То есть еще будет страшная повесть для бесстрашных школьников Эдуарда Успенского, который был бы рад и сам вступить в ряды «Черной курицы». Но его не принимают: он уже знаменитый.

В общем, весь четвертый номер будет состоять из стихов, рассказов, повестей и мудрых мыслей их авторов. А если кто-нибудь спросит, как все это понимать, то мы ему ответим: считайте это нашей первоапрельской шуткой.

Черная курица

ПУСТЬ БУДЕТ вопящий от счастья, восторженный, обожженный несправедливостью, презирающий тупое самодовольство взрослых дядь и теть — да! здравствует! такой! человек! который даст двести очков форы манекенным персонажам, еще время от времени встречающимся в литературе.

ПУСТЬ БУДУТ жалость, печаль, грусть, извечный сюжет о сироте, Том Сойер, Оливер Твист, «Судьба барабанщика», рождественские истории и еще десятки, сотни примеров — совершенно несопоставимых.

ПУСТЬ БУДЕТ и шальная, легкомысленная, со свистом в ушах проза, вольная, немудреная, полоумная — так, побасенки да приколы — проза неги и наслаждения; гуляешь иногда зевакою по улицам и видишь — батюшки-святы,— какого только народу земля не носит — и длинноносых, и пучеглазых, и ушеострых, и хорькозубых мордоворотов!

ПУСТЬ БУДУТ доноситься из того «живого» уголка, где «Еж» и «Чиж», голоса Даниила Хармса, Александра Введенского, Николая Олейникова, Юрия Владимирова, а вместе с ними игра, парадокс, мрачноватые закоулки непредсказуемой повседневности, приключения души!

ПУСТЬ БУДУТ поток сознания и импрессионизм, философская притча и сюрреализм * — они помогут нам честно рассказать об усложнившемся, запутанном мире, в котором мы живем.

ПУСТЬ БУДЕШЬ ты, школьник начала 90-х,— ты ведь помнишь строчки Высоцкого про сломанные крылья,— твои крылья только прорезаются, и никуда от этой боли не деться,— так помоги им окрепнуть, иначе полета не получится.

ПУСТЬ БУДУТ перепутанные «должен», «надо», «хорошо», «плохо», «нельзя» и т. п.— настоящая литература перемешивает, переворачивает их, смеется над ними, чтобы дать возможность самим учиться переживать непосредственный опыт на огромном поле воображения, кстати, умение разучиваться не менее важно, чем умение учиться.

ПУСТЬ БУДЕТ жить молодая литература — растрепанной, немытой, не очень-то важной птицей — черной курицей, которая ходит повсюду, глотает всякую дрянь, копошится под ногами у кухарки, а та ее бранит и не знает про нее главное, что на самом деле это самый настоящий принц, важный и могущественный в своем царстве, с кодексом чести и благородства.

Спасем черную курицу от кухаркиного ножа!

* Что означают эти слова, редакция понятия не имеет. Кто интересуется — пусть спросит у учительницы.

Женька Путник, ученица седьмого класса школы-интерната № 73, мечтающая стать инспектором уголовного розыска, обнаруживает нечто подозрительное в том, что все взрослые — сотрудники интерната — расхаживают в одинаковых меховых шапках, правда, разных мастей и различной пушистости. Из чего шапки? Канадский волк? Бразильский тушкан? Камышовый кот? Не звери ли это, исчезающие с лица Земли?

Глава 7. Жизнь многомерная

«Азбука криминалистики,— думала Женька.— Перед тем как огорошить человека: «Ты украл шапку?» — подумай, что ты знаешь о личности обвиняемого, о его характере, сноровке, волевых качествах... А то все свалят на тебя, доказывай, что ты не верблюд».

Женька облазила чердак и теперь спускалась в подвал, в раздевалки. Что-то ей подсказывало: шапку не украли. Воровство в интернате не практиковалось.

Дежуришь, например, по спальне, наводишь порядок в тумбочках, столько всякой всячины лежит, можешь взять, а не берешь. Хотя иной раз и хочется. Зато удовлетворение от собственной честности колоссальное!

Кража вряд ли. А вот припрятать с целью насолить, таких случаев сколько угодно.

Подвал — место в интернате серьезное. Там были такие углы и закоулочки, ты спрячешься, не найдут. Кто-то из ребят нюхал там табак и чихал во всю ивановскую по сто раз кряду. Полгода его искали, так и не обнаружили. Пока сам не прекратил, бросил вредную привычку.

Там же старшеклассники, бывало, рассядутся на чемоданах и вместо прогулки играют в карты.

Чемоданы стоят на дощатых полках плечом к плечу фамилиями наружу. Эти интернатские чемоданы с ума могут свести своими фамилиями: Подкидышев, Ядов, Кащеева, Грущук, Одиноков, Малявка...

Имена даются людям не так уж закономерно, а все же с Малявки, наверное, в жизни спрос маленький. Не то что вон чемодан Валерика Могучего. Как быть с такой фамилией? Ведь ей худо-бедно нужно соответствовать.

А каково простому смертному жилось под фамилией Вечный? На Новодевичьем кладбище на новой территории справа воздвигнуто ему надгробие.

Очень уместно на чемодане смотрится Женькина фамилия Путник. Женьке она, как и чемодану, здорово подходит.

Тапочек везде навалом. Если их собрать и поставить рядом, интернатскими тапочками можно опоясать земной шар. Вид у них оторви и брось, непарные, без шнурков. А стоптанные! Ясно, что эти тапки огонь, воду и медные трубы прошли.

Женька направилась в глубь подвала. Две красные лампочки в тупике почти не давали света. Они горели, как густые огни концевого вагона в поезде, на котором осенью уехала мама.

Женька свернула в каптерку. Тут хранились дворницкие и уборщицкие орудия труда. Из-под ватника, встревоженный, выполз и побежал по стене солидный черный паук без одной ноги. Женька стала следить за путем паука, следовать взглядом по горячим его следам, и вдруг — этот-то момент и есть самый жгучий — паук привел Женькин взгляд к Витиной Паничкина — шапке!!!

Почти под потолком обитала ушанка. Она! Цвета вороньего крыла. Кто-то в сердцах ее на гвоздь забросил. И снять ее было возможно либо при помощи метлы, либо соорудив пирамиду из банок мастики и перевернутых ведер.

Метла не сработала. Шапка крепко засела на гвозде. Женька полезла на ведра, вцепилась в меховое ухо... Ведра качнулись, поехали по банкам... Леденящий кровь треск! И Женька загремела с шапкой, а шапкино ухо ухнуло отдельно.

Попорченная шапка Паничкина жгла руки и требовала отмщения. Ее хотелось бросить

---

* Журнальный вариант.

и смыться. Но Женька подвергла шапку тщательному осмотру. В результате выяснилось:

первое: на шапке нет фабричной метки;

второе: изделие сшито классно, комар носа не подточит. Самый красивый мех на лобовом козырьке. Все остальное строго симметрично. Ворс по всей шапке в одну сторону ложится, волосок к волоску. Под меховым колпаком стеганая подкладка. Сквозь повреждения в подкладке просматривается скорняжный шов, мех к меху, по принципу «пельмень».

Напрашивался вывод: Витина шапка и, как говорится, иже с ней — продукт незаконного промысла. Их КТО-ТО шьет. И, чует Женькино сердце, по спекулятивной цене продает. Кто? Из кого? Вот два вопроса, которые встали перед Женькой во всей неразрешимости.

До лучших времен она скрыла под ватником шапку, оторванное ухо положила в карман и самовольно отправилась в Зоологический музей.

Женька вынырнула из метро на проспекте Маркса. Угол улицы Горького и Моховой. Все-таки ни с чем не сравнимое удовольствие для непривычного к центру человека пройтись по Моховой. А чем изведаннее этот путь, тем он любимей.

Женька будет учиться тут на юридическом. И каждый день пробегать под козырьком старого «Националя», где в любой мороз без шапок иностранцы в лапсердончиках с жизнерадостными, в высшей степени белозубыми улыбками.

Наш зубной врач рассказывал: пришла в поликлинику одна американка, сняла зубы, дала ему посмотреть. Так он всем носил — показывал: не зубы, а игрушка!

Этот путь Женька выучит наизусть, на память, шаг за шагом, как стихотворение. Журнальный киоск. Телефоны-автоматы. Театральная касса.

Дворами пойдешь — срежешь угол, выйдешь на Герцена, а там до Зоологического музея рукой подать.

Все дышит историей в этих дворах. Здесь учится Юрин друг в Первом медицинском. Он говорит, у них в институте такие древние аудитории, кино можно снимать про Сеченова и Боткина.

Нижние окна старинные, мутные, грязные, заглянешь — пол глубоко, но видно, что там студенческая столовая. Люди макароны с котлетами уплетают, яблочный компот пьют.

Глянула Женька в соседнее окно — господи боже! На металлическом столе мертвец! Бледные вокруг него лица, согбенные фигуры в белых халатах с огромными книгами на коленях.

Анатомичка, морг, жуть.

Жизнь многомерная! Все перемешалось: алые «тойоты», серебристые «вольвы», геологоразведочный институт, студенты-геологи с волевыми подбородками, кухня ресторана, швейцары, официанты, толстые тетки какие-то в кожаных пальто, шум машин, звук шагов, снег, смех, болтовня... И тишина, шелест страниц, запах формалина, публика, расположившаяся на железных стульях анатомического театра.

Ну, правда, потом звенит звонок, они захлопывают книги: бац, бац, «Руководство по анатомии» — и идут, идут на улицу Горького, выходят, и пошло-поехало, зима и жизнь ощущаются еще сильнее!..

В Зоологическом музее мимо скелета мамонта Женька проследовала туда, где «посторонним вход воспрещен», и заблудилась среди стеллажей, костей, аквариумов и высоких распахнутых дверей.

Входи в любую, вроде никого нет. Никакой скученности не наблюдается. И очень сильная бесприютность. Сыростью пахнет, старостью. Столы почему-то повернуты спинами к окну.

Женька выдвинула ящичек, а там труха. Высохшие травы экспедиции 1902 года в Монголию и Китай.

Как привидения, из-за шкафа появились два серьезных подвыцветших гражданина. У них шел спор, тягучий, на целый час. О некоей мухе. Один называл ее циклопической, другой — всего-навсего гигантской.

Первый давай примерами давить из учебников и монографий, что и куда более мелких насекомых именовали циклопическими. Тот спор длился и длился, и если туда заглянуть, то и сейчас можно застать их спорящими.

По коридору пробежала тепло одетая сотрудница с полной банкой сверчков. Женька кинулась за ней. Тетя юркнула в отдел рептилий. Среди разбросанных бумаг, печатных машинок, географических карт она открыла террариум с песком. По песку сновали ящерицы гекконы.

— Кушайте! — стала хлебосольная женщина угощать гекконов сверчками.— Ах ты, мой миленький, ты мой хорошенький крымский геккончик! Что это у тебя на губе? Надо к ребятам отнести, чтобы тебя полечили.

— Откуда столько сверчков? — спросила Женька.

— Разводим! — ответила сотрудница.— Интересуешься жизнью гекконов? — Она взяла с полки банку. В ней тоже был геккон, только заспиртованный.— Такырная круглоголовка! — с гордостью сказала подруга гекконов.— Исчезнувший вид. Двадцать лет такого не видали.— Она открыла банку, взяла его под мышки и вынула из спирта, чтоб уж никаких преград не существовало между ним и ею.

В конце концов Женька отыскала отдел млекопитающих. В отделе над микроскопом стоял дедуля с белой бородой, видимо, профессор.

— Вот мех,— говорит Женька, выуживая из кармана ухо Вити Паничкина.— Вы можете сказать, что это за зверь?

— А запросто! — ответил профессор.— В один момент, визуально — на глаз.— Он взял ухо и пригляделся.— Не тигр, не тапир, не кенгуру... Не песец... Не нутрия и не норка... Не соболь, не кролик, не нерпа, не бегемот...

Визуально не получалось.

— Сверим по коллекции! — предложил профессор.— У нас есть громадная коллекция шкур.

Ничего похожего.

— Может, кто из грызунов? — озабоченно сказал профессор.— Тогда это темный лес. К тому же у одной особи может быть бок одной масти, спина — другой, живот — третьей, подшерсток — четвертой, ость — пятой. Криминалистика этим занимается. А мы зато,— профессор повеселел,— сейчас изучим микроструктуру волоса!

Он выдернул волосок и стал изучать его под микроскопом.

— Если есть волос северного оленя,— сказал он,— его ни с кем не спутаешь! Это так кажется, что он такой, как все. А под микроскопом он полый! — Профессор засмеялся. Но вскоре опять загрустил.

— Теряюсь в догадках,— сказал он.— Боюсь, что придется исследовать белковый состав,

провести так называемый серологический анализ...

— Это песье ухо,— взглянув краем глаза, определил гардеробщик. Он зашел отдать ключ и в ту же минуту вышел.

— Точно! — крикнул профессор.— Как мне в голову не пришло?! Работник гардероба Степан Федорович прав. Ухо не ухо, а мех собачий.

Глава 8. Не в пешке счастье

В Москве дули ветры с Ледовитого океана.

И как нельзя более кстати пришлась Вите Паничкину возвращенная ушанка. Урок труда, на котором он вновь ее обрел, всю целиком, с незаметно пришитым ухом. Паничкин вел задушевно, шутил, напевал, а на Женькин вопрос, из чего, если не секрет, пошита ушанка, с гордостью ответил: «ИЗ ГОРНЕГО КОЗЛА».

— Ерунда! — тихо сказала Женька.

— Что ерунда? — обернулся Репин.

— Она у него из собаки.

— А ты откуда знаешь?

Женька отмолчалась. Неохота рассказывать про Зоологический музей. Это было предварительное расследование, в результате которого она выяснила сущность преступного события: где-то, неизвестно где, по-видимому, в глухой деревне, страшные небритые мужики в сарае забивают собак, шьют из них шапки и тут торгуют.

«Нужно,— записала в своем блокноте Женька,— первое: выявить торговца ушанками в интернате; второе: проследить, куда он поедет, реализовав товар; третье: застукать кожедеров на месте преступления, вынудить сознаться в содеянном и предать шайку в руки правосудия».

«Кто продает? — думала Женька, перебирая в уме обладателей ушанок. Ей почему-то казалось, что распространитель ради рекламы должен и летом ходить в продукции преступного синдиката.— Оловянникова? Владимир Петрович? Стоп! Это шахматист. Ну, конечно! Он носит шапку не снимая. И именно к нему сегодня приходил мужчина нестоличного типа с мешком...»

Женька уцепилась за эту версию и после обеда — ненавистных щавелевых щей, жидкой гречки в горячей железной тарелке — установила за шахматистом настоящую слежку.

Огромными шагами с мешком на плече Борис Викторович удалялся от интерната в сторону автобусной остановки.

Он сел на сто первый автобус. И Женька в последний момент впрыгнула туда вслед за ним.

В сто первом народищу! Теплыми и надежными кажутся чужие спины в толпе. За каждую, в случае чего, можно спрятаться, на каждое незнакомое плечо опереться.

На Новочеремушкинской Валетов вышел и прямым ходом направился в охотничий магазин. Женька ждала его у витрины. Он встал в очередь.

У прилавка три наших современника с удавьими физиономиями и фосфорическим взглядом выбирали ружье и требовали нож.

Продавец:

— У вас билета нет! Предъявите охотничий билет!

А они не отстают от него, дай им нож, дай ружье.

Это собрались какие-то преступники, убийцы, у которых руки в крови. Мы привыкли, смотрим на это, как на обычный магазин, а тут чучела, капканы, удавки, пули — орудия пытки. Словно ты попал в мир средневековья.

Шахматист приобрел манок на утку, тоже довольно подлое изобретение, как и рыболовный крючок с наживкой. Есть, что ли, людям нечего? Можно всегда найти чем питаться. Сыр — калорийная пища, редиска с репой, творожные сырки...

Ведь живут вегетарианцы, не умирают. Наоборот, у них организм, как они говорят, незашлакованный.

Кто его знает, может, человечество придет к этому, будет выращивать сине-зеленые водоросли или петрушку с укропом и ими питаться. А мясо будут есть не по праздникам, а в самые черные дни.

Но, говорят, и трава тоже издает какие-то вопли, когда ее срезают. Короче, прав индийский народ. Идут, веточкой машут перед собой, чтоб не раздавить кого-нибудь, не пройти по трупу.

Валетов вышел из охотничьего, сунул манок в карман и отправился вдоль по Черемушкинскому бульвару.

Бульвар был молод, верхушки деревьев едва доставали Борису Викторовичу до ушей. За тоненьким стволом не схорониться, поэтому преследователь держался от преследуемого на почтительном расстоянии.

...Валетов свернул в гастроном. С фонарного столба вороны ощипывают объявления и куда-то уносят. Как раз то, что предназначено для отрыва. Вроде они вовсю меняют квартиры, нуждаются в собрании сочинений Жорж Санд, подзорной трубе и горнолыжном снаряжении.

Подстерегая Валетова, Женька от нечего делать стала читать объявления. «Куплю...», «Продам...», «Приглашаю...», «Обучаю...», «ПРОПАЛА СОБАКА. Бульдог. Белый. Альбинос. На носу палевые пятнышки. Пол — самец. Имя — Алмаз. Нашедшего отблагодарю. Семен Семенович Хворостухин. Телефон...».

Вдруг слышит:

— Путник! — Женька вздрогнула.— Ты что тут?!

Это был Валетов. В одном кармане пальто у него, как известно, лежал манок, из другого торчало полпалки украинской колбасы.

«Манком подманивает, колбасой подкармливает, хлоп — и в мешок»,— лихорадочно соображала Женька.

Между тем преследователь на глазах превращался в преследуемого. Слишком далеко она зашла и заехала, подобные путешествия приравнивались к побегу. А в интернате вели ожесточенную борьбу с побегами, даже краткосрочными. По-медицински называли их «синдромом перелетных птиц». Это, говорили, такой сдвиг по фазе, к нему очень склонны детдомовцы и старики.

Холщовый мешок отделял Бориса Викторовича от Женьки. Что в нем? Шапки? Шкуры? Убитый пес Хворостухина? Обстоятельства требовали изменения тактики ведения следствия. И Женька ее изменила.

— Что в мешке? — коротко спросила Женька.

Этот вопрос пригвоздил шахматиста к месту. Желая скрыть свое душевное смятение, он весь напрягся и сглотнул.

— Это...— сказал он сконфуженно,— это... комбинации.

«Час от часу не легче,— пронеслось в голове у Женьки.— Как низко пал гроссмейстер! Он спекулирует женскими комбинациями».

Валетов нагнулся и стал развязывать мешок. Коварство гроссмейстера было несомненным. Сейчас он выудит какую-нибудь поросячьего цвета — и попытается купить Женькино молчание. Эх, Борис Викторович, тоже мне, «пока мыслю — существую...».

Дул ветер с Ледовитого океана. Валетов распахнул мешок. Внезапно вихрь белых листков взметнулся перед Женькиным носом, взмыл, вознесся над гастрономом. Исчирканные, исписанные какими-то буквами и цифрами листки в своем свободном парении разлетелись кто куда, отчасти сыпясь на головы прохожим.

Прохожие ловили и ошарашенно читали:

«Ф:е 7+!. Важный ход, цель которого — оголить неприятельского короля!»

«К:е7!. Конь сделал свое дело. Черные попадают в цугцванг».

«Брать ладью равносильно гибели!»

«Не в пешке счастье!»

«Черным не сладко!»

«Не за горами рукопашная!»

Женька кинулась их подбирать, а Борис Викторович запихивать обратно в мешок — игры-молнии, темпотурниры, опровержение голландской и староиндийской защит, решения задач, игры по переписке...

— Брат привез,— бормотал он,— не знают с мамой — печку топить ими или что... Жена тоже. «Полны,— говорит,— шахматными позициями антресоли». И в учительской не разрешают хранить. Накопилось за жизнь! Я все партии записываю. С женой вечером играю и записываю. Она засыпает, когда со мной играет, а я — вот гляди — купил свисток. Задремлет, а я: «Кря-кря!»

И Борис Викторович забросил на плечо мешок со своим «железным» алиби.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОСПОДА УДАВЫ

Глава 1. Федя — бархатные губки

Версия насчет Валетова рухнула. Надо было строить новую. Похищен бульдог. Вот нить к раскрытию преступления.

Произойди кража только что, легко было бы отыскать вора по следам рук, ног, ножного протеза, если таковой имеется, зубов, одежды и так далее. К тому ж сопутствующие следы пса!

Однако прошло больше суток, следы испорчены. Их замела метель, затоптали прохожие. Единственное оставалось Женьке — опрос очевидцев.

У магазина стояли двое. Один щербатый — зуб-дырка, зуб-дырка и родинка на щеке.

— Я сумки шью с тряпок,— говорил он.— Сто лет сносу не будет, понял?

А друг его отвечал:

— Понял — недонюхал!..

— Простите! — вмешалась в их разговор Женька.— Недавно на этом месте пропал бульдог.

— Вчера у Феди какао пили,— сказал щербатый.— На кухне бульдожка! Мордоворот! Я ему сразу сказал: «Если ты меня укусишь — я тебе такое сделаю!..» У Феди был один — кусался. Тогда я встал на четвереньки и быстро сам его покусал. И он не вылезал из-под стола весь вечер. Понял?

— Понял — недонюхал! — сказал друг щербатого.

Везет же иногда! Первый встречный — свидетель! Так, может быть, если найдет вдохновение, тогда все удается и все получается!..

— ...А кто такой Федя? — спрашивает Женька.

— Дружок мой,— отвечает щербатый.— Бывший клоун. Мы его зовем «Федя — бархатные губки». Выпьет какао — и сразу целоваться. Годами рассказывает, как он там — в цирке. В раж входит, чечетку отбивает на газете. На стадионе сейчас работает ночным сторожем.

— Где живет ваш знакомый Федор? — спрашивает Женька.

— Купи сумку — скажу. Всего три рубля.

— У меня только рубль!

— Давай.— Они приняли рубль. Видно было, что эти двое вели совершенно бездуховную жизнь.

— Учти,— крикнули они вслед,— к Феде без какао и соваться нечего! Из Феди без какао слова не вытянешь. А живет он во-он там, первый дом за шашлычной...

Женька позвонила Хворостухину. Без дальних проволочек они встретились. Пачка какао оттопыривала пальто у него на груди.

И они пошли к Феде.

Стучали-стучали, даже ногами барабанили. Из Фединой квартиры неслись заунывные звуки зурны.

— Да что ж это за музыка? — нервничал Хворостухин.— Домового ли хоронят, ведьму ль замуж отдают?

Наконец вышел Федя в штанах времен войны с саламандрами. Штаны у него держались на бельевой деревянной прищепке.

— Есть разговор,— сказал Хворостухин.

Федя зажмурился. Он им был так не рад!

Из мебели Федя безраздельно владел кроватью и табуретом. На стенке висел плакат — реликвия былой цирковой Фединой славы. На нем был изображен Федя в гриме и вверх ногами. Вокруг него летали воздушные шары, а на ноге у Феди доверчиво покоился земной шар.

— Где мой Алмаз? — очень сурово спросил Хворостухин.

Федя попятился.

— Алмаз! — объяснял Хворостухин.— Английский! Белый! Размером с табурет! Отдай его!!! — кричал Хворостухин, заглушая концерт современных узбекских композиторов.

— М-м-м!..— часто-часто заморгал Федя.— М-м-м!..

— Он глухонемой,— простонал Хворостухин.

И тут вспомнил о какао!

Федя, как его увидел, сразу весь просиял и потянулся к пачке. Но Семен Семенович проворно спрятал ее за спину.

— Выбирайте,— говорит,— чего больше хочется: чтобы я отдал вам какао — марки «Золотой ярлык» — или позвал милиционера?

— Ты катишь на меня,— воскликнул бывший клоун,— необоснованный баллон! Драгоценности — не по моей части!..

— Добрый, добрый Алмаза! — причитал Хворостухин.— За триста пятьдесят рублей мне достали его. Детей любит! Маму мою! Жену! Не было случая, чтобы он тронул кого, укусил! Хотя может любую кость перегрызть! — И Семен Семенович почему-то показал на свою руку в районе предплечья.

— Друг! Ты про кобеля? — сообразил Федя.

— Бульдог!.. Альбинос!..

— Белый?

— Белый!

— Хвоста нету?

— Нету!

— На морде пятнышки? Тут и тут?

— Да!!!

— Не видел,— говорит Федя.

Хворостухин, сжигая свои корабли, засунул какао в карман.

— Шучу! — сказал Федя.— Был бульдог.

— Добром прошу, выключи радио,— попросил Хворостухин.

— Не могу,— сказал Федя.— Я плачу за радио, поэтому я слушаю все, что передают.

— Но как ты его заманил? — недоумевал Хворостухин.

— Секрет на секрет. За мной все собаки увязываются. А я их переправляю. Дружку своему — Фиме Придорогину.

— Как ехать к Фиме? — спрашивает Женька.

— Какао вперед!

Хворостухин отдал.

— По Казанской дороге. Деревня Слизнево. Но уговор: Фиму Придорогина не бить!

«Федя — бархатные губки» был настоящим другом.

Глава 2. Животное! Назад к природе!

Сели в электричку. Женька у окна. Хворостухин рядом. Повеяло дыхание свободы. Я люблю больше всего — отплывать, менять курс, переезжать с места на место, а то, в общем, все надоело: один и тот же вид из окна.

Особенно хорошо, когда ты лежишь на верхней полке в пароходе, поезде или летишь в самолете и мимо окон проплывают незнакомые дома, реки, облака. Вот это я люблю. Мне нравится плыть, и плыть, и плыть, и ощущать, что ты пропускаешь школу.

Конечно, влетит за это дело — на ночь глядя в какое-то Слизнево. Надо было Юрику позвонить. Он поехал бы с ними. Мало ли! Банда ведь! Разветвленная банда!

Темнеет. А Семен Семенович задиристый, но хилый. Он сам признался: «Я, Жень, чуть какая опасность — цепенею, и все. И ничего не делаю». Сможет ли она его защитить, если что.

В интернате будут песочить — ладно. Кто это сказал? Главное, не забиваться трусливо в угол, подвиг за подвигом, вот и не узнать мир!

Вся Женькина семья склонна к подвигам.

Папа — лавинщик! Палит по лавинам из пушек.

Мама восхищается героическими личностями. Читает газету и говорит папе:

— Надо же! В девяносто девять лет человек покорил Фудзияму! Я бы могла влюбиться в такого! А ты бы мог полюбить женщину, которая в девяносто девять лет покорила Фудзияму?

— Ну, конечно,— ответил папа,— Фудзияма — это же не хухры-мухры!

Юрик вообще «профессиональный герой». То на Севере из ледяной воды вытащил двух утопающих детей! То на практике в колхозе вытащил телят из горящего телятника. А однажды он спас от смерти Женьку, когда она в лодке подавилась огурцом. Другой бы растерялся, а Юрик — нет. Он взял ее за ноги и так стал трясти, что огурец выпал и упал в воду!

— Алмаза, Алмаза, на кого ты меня покинул? — бормочет Хворостухин.— Мы с ним и на день не расстаемся! Я в санаторий в Анапу приехал с ним по профсоюзной путевке. Они: «Мы не принимаем с собакой». А я им: «Куда ж я ее теперь дену?» Они: «Да куда хотите. Снимите ей квартиру». Я снял ему комнату с видом на море.

«Алмаза, Алмаза,— думала Женька.— Хоть бы ты жив был!.. А то Хворостухин свихнется. Чтобы их всех скособочило, кто убивает собак!»

Платформа пустынная. Снег под ногами скрипит. Зашагали к огням по сосновому лесу. На каждой ветке высокий столбик снега. Тень корабельной сосны раскачивается на снежной дороге.

Деревня какая-то глухая, не тронутая прогрессом. Заборы. Заборы. В огородах копны сена под снегом, как спящие мамонты. Дым из труб валит прямо к звездам. В целом мире не найдешь такого звездного неба, как над деревней Слизнево, над домом двадцать три по улице Каракозова, где проживает ужасно подозрительная личность — Фима Придорогин.

Темень. Холод. Сарай на замке. Не дозовешься никого, не докричишься, если бандиты окажут

сопротивление. А кому им сдаваться-то? Хворостухин от одной лишь таинственной слизневской атмосферы заранее оцепенел. Стоит на крыльце ни жив ни мертв. Хорошо хоть, они небезоружны! Женька нащупала в кармане пугач: трубку, набитую серными головками от спичек, с гвоздем на резинке. Крайне опасная штука, может даже палец оторвать, правда, самому стрелку.

«Вот оно,— думала Женька, влево и вправо устремляя взор, горящий подозрением,— гнездо преступников. Нашла! Эх, не готовы они с Хворостухиным брать сейчас банду. Надо бы подкрепление! Но придется пойти на риск. Для бедолаги Алмазы каждая минута дорога».

— Тук-тук-тук,— робко постучал Хворостухин.

Открылась дверь. Вышел коротко стриженный человек в тренировочном. Во всем его облике было что-то от марсианина, как мы это, земляне, себе представляем.

— Товарищ Придорогин? — спросил Семен Семенович, отчаянно струсив.

— Ну, Придорогин,— ответил Придорогин.

— Алмаза, бульдог мой, я извиняюсь, не у вас? Вместо ответа Придорогин ударил Семена Семеновича в лицо лучом карманного фонарика, от чего тот вконец оцепенел. И даже выстрел Женьки из пугача, который разбудил бы и покойника, не произвел на него ни малейшего впечатления.

Не дрогнул и Придорогин. Зато у него дома послышалось: «Шлеп!» Как будто бы кто-то со страху свалился с дивана.

— Бру-бру-бр-р-р! — донеслось до них.— Брабру-бры!..

— Алмаза!!! Это он! Я узнаю его! Дорогу, Придорогин! — Внезапно Семен Семенович вышел из оцепенения и вскрикнул так, услышав голос друга, как вскрикнул бы в подобной ситуации лишь Д'Артаньян или Сирано де Бержерак.— Я тебя одной левой сделаю,— пригрозил он и добавил: — Хвощ! Хлыст! То есть Хлыщ!

До этого момента Женька держалась позади и вроде бы на подхвате. Вначале она представляла собой группу наблюдения; бабахнув из пугача — группу быстрого развертывания, теперь, чуяло ее сердце, пришло время действовать группе захвата и, более того, группе задержания!

— Тимуровцы! — она закричала, обращаясь к созвездию Гончих Псов.— Сюда! Бей в барабаны, свисти в милицейские свистки! Бандит Придорогин ворует собак! Он шьет из друзей человека шапки!..

— Какие шапки? — спросил Хворостухин и вдруг заплакал.— Что ты несешь? Какие шапки?

— Не слушай ты ее,— сказал Придорогин.— Иди сюда, не плачь.

— Нервы сдали,— признался Хворостухин.

Нет смысла описывать вам ликование Семена Семеновича и его верного альбиноса. Пес был в порядке, холеный, мордатый, вмиг выскреб дочиста миску с геркулесом, влез на диван, прижался к Хворостухину, вздохнул и замер.

— Я кровать твою воблой обвешаю,— важный от смущения, запел Придорогин. Слух у него был идеальный. И неожиданно спросил: — Кушать будете?

Женька думала, что Хворостухин откажется. А он говорит:

— У нас в дороге нигде нельзя поесть. А во Франкфурте-на-Одере кругом бутербродики с фаршем.

— Что ты там забыл? — спрашивает Придорогин, а сам кочан белой капусты на доске шинкует.

— По турпутевке ездил от КБ,— простодушно отвечал Семен Семенович.

— Ты, наверное, такой,— говорит Придорогин,— Пизанскую башню тебе обязательно надо посмотреть или... как их... египетские пирамиды. А собака сиди в четырех стенах, жди, скучай!..

Он капусту приправил постным маслом, дал компоту обоим из вишен без косточек. Жареную рыбу — «ледяную».

— Ты любишь «ледяную» рыбу? — спросил он у Женьки.— Я ее люблю, она чистая и простая.

— Алмаз отдыхал со мной на курорте Кавказа! — сказал Хворостухин в свое оправдание.

— Пес в городе не пес,— отрезал Придорогин.— Вы их губите в городе! Ваши дворы — это чистый рассадник заразы. Битые стекла, пыль, грязь, загазованность, инфекция!.. Там же ВСЁ притупляется у ВСЕХ! Где выносливость? Где быстрый бег? Острый слух? Обоняние? Зрение? Неприхотливость? На человека махнул я рукой, это ветвь тупиковая. А животное надо спасать. Я из партии зеленых.

— Пес — наша связь с природой,— не соглашался Хворостухин.— Мы для этого его и вывели!

— Вы обманом его вывели,— сказал Придорогин,— в каменные джунгли, бетонные колодцы.

— Сгущаете краски! — с укором сказал Хворостухин.— За городом тоже никто не застрахован. У нас участковый врач купил щенка. Бешеные деньги! Уезжал в отпуск, не знал, куда деть, попросил санитарку, дал ей шестьдесят рублей. А санитарка — к ней в получку очередь становится, чтоб долги получить,— взяла отвезла к себе в деревню и выпустила, та бегала с дворовыми собаками. И — боже! — что она привезла! Чудовище разнолапое!..

— Подобные случаи порочат мою идею,— с грустью отозвался Придорогин.— Идея такова: «ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ РАДИ САМИХ ЖИВОТНЫХ!» А не для забав человека. Я занимаюсь собаками, утками, дальше — лебедями, потом — морские свинки... Но в первую очередь псы... Я их у вас забираю и по своему усмотрению пристраиваю: для охоты на зверя, для охраны жилья, пастухам для пастьбы...

— За сколько «пристраиваете»? — язвительно спросил Хворостухин.

— Недорого,— отвечал Придорогин.— Мне нужны средства, чтобы поддерживать свою организацию.

— Какую организацию???

— «ЖИВОТНОЕ! НАЗАД К ПРИРОДЕ!». Я его председатель и единственный член. Я должен платить ворам, обеспечивать гигиену в доме — это мой перевалочный пункт, уход за животными на высшем уровне, квалифицированный ветеринар, кормежка, вывод блох, глистов, чистка псов пылесосом «Ветерок», если кому надо — выщипывание, стрижка. Далее: отучение от вредных привычек методом вкусопоощрения. Твой, кстати, грыз поводок. Но с этим дефектом покончено. Благодаря мне.

— Большое спасибо! — сказал Хворостухин.

— А, интересно, кто он? К чему приспособлен? — спрашивает Придорогин.— Я обо всех сочиняю плакаты. Вот о щенке породы «бигль»:

«Тибетский терьер — всем собакам пример».

«Особенность эта порода имеет, что чумкой она никогда не болеет!»

«Отличнейший сторож и преданный друг и взрослым, и детям заполнит досуг!»

«Охотиться могут на зверя любого, еще где щенка вы найдете такого?»

И отдельно печатными буквами приписка:

«Бигль жил в семье Ульяновых».

— А твой? — Фима Придорогин свернул плакат в трубочку.

— Мой — наркоман,— объяснил Семен Семенович.— Их в Англии в полиции держат — на поиск наркотиков. Но он артист! Он мастерски изображает «бешеного». Алмаза! Сделай «бешеного»!

Алмаз кинулся изображать «бешеного» с такой радостью, будто это как раз и есть его естественное состояние. Он стал кататься по полу, щериться, закатывать глаза и вдруг как даст обильную пену изо рта.

— Фантастика! — сказал Придорогин и в вазочку насыпал сушек.— Ты любишь сушки? — спросил он у Женьки.— Я очень люблю простые сушки.— И наломал для нее штуки три.

Кончилось тем, что они выпили на посошок по стаканчику наливки. При этом Семен Семенович пожелал Придорогину не подвергать городских собак и собаководов столь мелочной опеке. В ответ Фима Придорогин провозгласил тост: «За вольную жизнь» и «За всех ночных путников»,— что не могло не покорить Женьку, фамилия которой, как вы помните, была Путник.

И все же, уходя, она взглянула на вешалку: что, интересно, у него за шапка? Шапочка висела вязаная, с помпоном. На прощание Придорогин вручил им для пса бутылку немецкого тривитамина.

— Почему? Почему мы так плохо думаем о людях? О наших прекрасных советских людях? — бормотал Хворостухин по дороге к станции.— Как язык повернулся, ей-богу, вопить про какие-то шапки.

— Я всегда всех подозреваю,— сказала Женька.— Это спасает меня от разочарований.

— Но ты лишена удивления!..

— Неприятного!

Электричка была почему-то маленькая, нестандартная, детская вроде. Трем человекам на скамейке мало места. Все очень тесно сидели, прижавшись друг к другу. Стекла запотели. Общее тепло распространилось по вагону, в зимней электричке здорово чувствуется родство по теплу. Сонное покачивание, позевывание, пошмыгивание носами...

— Я кровать твою воблой обвешаю,— тихо напевал Хворостухин.

Спал Алмаз на полу под лавкой.

«Еще одна тупиковая версия»,— думала Женька.

Однако эта история имела продолжение, причем самое неожиданное.

Глава 3. Оценка за независимость

Что за дикие сны снятся! Громадные самолеты, летящие низко, над самой головой; поющие негры, расшатанные стулья, письма, которые шлешь, а они приходят обратно.

Женька читала сонник — его продавали глухонемые в поезде: морковь — стыд и помидоры — стыд, могила — забвение. А это все к чему? Может, к тому происшествию, которое случилось на днях в интернате?

Учитель рисования, он же скульптор, Роберт Матвеевич Посядов решил подарить городу свой монумент — скульптурную композицию «Встреча». Гигантская девушка — вся порыв — мчит куда-то, а мимо нее сломя голову — тоже весь порыв — дует юноша в пальто.

Край платья и пола пальто соприкоснулись на ветру, а в обожженной глине слепились — не разлепишь. То есть они и разлетаются, и в то же время едины! И этот парадокс во всяком, кто любовался композицией, будил романтические чувства. То, чего так не хватает районам наших новостроек.

Скажем, тот дом, в котором я живу, он ужасен. Вид из окна простой, демократичный — крыши пятиэтажек, гаражи, помойки, много домиков — энергетических распределителей. Ни дерева, ни куста, во дворе снег сходит чуть ли не в июле. В воздухе миазмы.

А все ж иной раз возвращаешься домой — и тягучий, неуверенный из нашего дома голос скрипки.

Так вот это пиликанье я смело приравниваю к дружескому подмигиванию и к дружескому подмигиванию — дар городу скульптора Посядова.

У Роберта Матвеевича, как у голубя, совсем нет плеч, только шея и живот. С пузцом, в пестром свитере, солнечно волосатый, он вечно улыбался. Как японец, который и о печали сообщит с улыбкой... И был он дико невезучий.

Мороженщику помог — тот застрял на железнодорожных путях со своею тележкой — весь исцарапался. Завхозу помог тащить стулья — ударился стулом. Зуб болел, хирург расстучал, пожал плечами, вырвал, а не тот. Мастерскую его на два метра кипятком затопило, откачали, он ушел, чтобы сохло. А туда — кошки, нашествие, набег, кошачья свадьба. Нанесли блох. Приходит — блохи на него кинулись и ну кусать. Он спасся бегством. Жена ему резиновые кальсоны сделала. Он надел кальсоны, резиновую куртку и пошел их травить из пульверизатора, на котором нарисована блоха в гробу. Так чуть сам этим делом не отравился.

Ему даже нянечка тетя Таня посоветовала освятиться — окропить себя святой водой,— что его кто-то сглазил или заколдовал.

Из-за проклятой невезухи Роберт Матвеевич панически боялся летать на самолете. Просто не верилось, чтоб такой человек мужественный, такая у него толстая шея, на самолете боится летать. С извиняющейся улыбкой рассказывал он об этом. И все мы, интернатские дети, относились к Посядову с отеческой теплотой.

Свой монумент Роберт Матвеевич выставил во двор. Он ждал, когда за ним пришлют машину. Ему хотелось, чтобы «Встречу» воздвигли возле кинотеатра «Ангара». Но почему-то, как ни странно, за ней не приезжали. Это всем нам было обидно. А Роберт Матвеевич — тот вообще каждый раз выбегал на шум автомобиля.

И вдруг — о ужас! — что такое? Шел Фред Отуко утром в мастерскую — он у Посядова лепил бюст Конопихиной — и видит: от скульптуры «Встреча» отбиты головы и руки и кое-где отколоты куски!

Фред поднял шум. Сбежались Паничкин, Григорий Максович, толпа ребят. Владимир Петрович скрепя сердце позвонил в милицию.

— Свершен акт вандализма,— сказал он.— Прошу приехать — разобраться. Я думаю, это не наши.

Приехал старший лейтенант, студент-заочник юридического факультета. Он с величайшей добросовестностью вертел в руках руки и головы пострадавших героев монумента и крепко подозревал в содеянном интернатских воспитанников.

Так он и поверил, что это не они! Из-за интерната у него весь участок — повышенной вороватости. То в магазине «Продукты» — там, где самообслуживание,— поймают интернатского с ватрушкой! То после рейдов «тимуровцев» герои войн и революций нет-нет да и недосчитаются чего-нибудь. А в доме сорок семь дробь тридцать три полковник переезжал, на минуту оставил в подъезде диван, приходит, а его нету. «Что за жизнь! — кричал полковник.— На минуту нельзя оставить в подъезде диван!!!»

«Так,— логически размышлял милиционер. У него было умное милиционерское лицо, острое, с острым носом.— Ночью шел снег. И на отломленных членах тоже снег. Значит, дело происходило ночью. Из этого следует,— продолжал он сложную цепь умозаключений,— нанес повреждения монументу тот, кто ночью не спал, следовательно, утром не выспался и — как следствие этого — проспал сегодня физзарядку! Вот ключ!»

И он спросил:

— Кто утром из старшеклассников не вышел на зарядку?

— Ну, я,— отозвался Грущук Алексей.

— Причина?

— Хроническое плоскостопие!

— А может, не выспался? — глядя в упор на Алешу, спросил милиционер.

— Вопрос под ответ подгоняешь, лейтенант! — с довольно дьявольской улыбкой ответил Алеша.

С досады, что ход мыслей угадан, милиционер пригласил Грущука в отделение. Если б не Григорий Максович и вовремя не подоспевший Роберт Матвеевич — все, увели б Алешу на допрос.

Грущук был редкой птицей в этом интернате: он был абсолютно одинок. Ни мам, ни пап, ни бабушек, ни деда, ни родственника завалящего — седьмая вода на киселе — никого.

Правда, однажды его усыновили. Он маленький, покладистый был, тихий, все песню пел: «Галактика, Галактика, Галактика...» — чем, собственно, пленил своих приемных родителей.

Однако при ближайшем рассмотрении в Алеше обнаружился дефект: он грыз ногти. Алешину маму, работника питания, это, понятно, раздражало. Она пыталась отучить сынка от вредной привычки, намазывая ему пальцы горчицей. Тут проясняется второй недостаток: Алеша — чудовищный аккуратист. Мало того, что после горчицы он руки начал мыть сто раз на дню, он мамины бальные платья, за уголки прищемленные дверцей шкафа, аккуратно подрезал ножницами, чтобы не торчали.

«Порядок освобождает ум!» — ответил Алеша бессмертным афоризмом Григория Максовича, когда разъяренные домашние поинтересовались, зачем он это сделал.

По этим ли причинам или по другим приемные родители от него тоже отказались. Он был ДВАЖДЫ ОТКАЗНИК и этим бравировал. Он скоро осознал всю бессмысленность жить покладистым в этом лучшем из миров, бросил петь про Галактику, закурил и тихое прошлое сменил разбойным настоящим. Он жил в интернате, мечтал стать портным и уехать в Париж.

В шитье он показывал высший класс, шил отчаянные вещи — писк моды, чудо авангарда! И продавал их по сногсшибательной цене. Всю выручку он складывал на сберкнижку. У него у единственного из нас были связи с сберегательной кассой.

Никто из интернатских не мог позволить роскошь приобрести у Грущука обновку. Но все мечтали, это ясно, хотя бы кепочку заполучить «от Грущука», не говоря о куртке и штанах.

Так он добился, что всегда всеобщее внимание было приковано к нему. И он его подогревал всеми возможными и невозможными способами.

Он потому и сцепился с милиционером, хотел лишний раз пофорсить. Григорий Максович это понимал. Он все понимал, наш Григорий Максович, защитник обездоленных, опора горемык.

— Вы защищаете малолетних преступников,— сказал ему милиционер.

— Вы делаете заявления, граничащие с оскорблениями! — сказал Григорий Максович.

— С них все как с гуся вода! — сказал милиционер.

— Ошибаетесь! — возразил Григорий Максович.— «Трудные» дети — они только снаружи ершистые, а в душе — тонкие и ранимые.

— Во-во,— подтвердил одноклассник Грущука, тоже из десятого, по кличке «Мочало».

Вообще-то он Мочалов, а в узких кругах его звали Моча. Но Григорий Максович ярился. «Не допущу,— говорил,— чтобы вы унижали достоинство друг друга. Зовите по крайней мере Мочало, это звучит уважительно».

Мочало ходил в черных перчатках с металлической кнопкой на запястье и с вырезом, как бы для поцелуя. Говорят, он публично мог сожрать кошку. А вместо самоподготовки посещал подпольную секцию каратэ.

— Шалуны — это двигатели педагогической мысли! — сказал Григорий Максович, тесня милиционера.

Можно подумать, ему было не жаль скульптуры «Встреча». Это, конечно, ерунда. Для Григория Максовича, любившего все виды пластических искусств от Микеланджело до Роберта Матвеевича, факт раскокошивания означал конец света.

Но надо знать его, чтобы понять, почему он всегда и везде совершенно насмерть стоял за трудновоспитуемых! Он называл их «шалунами» — людьми, которые стремятся преобразовать мир.

Однако мир, он считал,— это театр, где взрослый — режиссер, а дети — актеры. Взрослый распределяет роли, ребенок играет, вживается в образ, импровизирует. С годами сам черт не разберет, где он — где роль, порученная ему кем-то в детстве, порою злонамеренно или по глупости.

Встречаются «режиссеры», говорил Григорий Максович, которые как-то умеют внушить человеку, не вполне уверенному в себе, ощущение полного убожества.

Что вырастут за люди, если им каждый день впиривают: «Трус!», «Гнус!», «Шельма!», «Двоечник!». Или чего пуще: «Бандит с большой дороги!»

Что выйдет из Веры Водовозовой, если ее папа

без конца твердит, что Вера — «спиногрыз»? И это самое безобидное из всего!

Что из Алеши Грущука? Он еще не родился, когда от него на сто лет вперед все отреклись и открестились.

Что из Мочалова — при таком к нему отношении участкового милиционера?!

Есть и другие «режиссеры», развивал свою теорию Григорий Максович. Они ставят странные пьесы, где старые идеалы человеческого сердца — доброта, бескорыстие, благородство — верный залог неудач. А грубость и жадность приводят к успеху и процветанию.

Кулаками и пятаками, когтями и клювом надо отбрыкиваться от этих «режиссеров». Что может ребенок противопоставить обывателю? Только независимость!

В Нью-Йорке в школе ООН дети получают оценку по НЕЗАВИСИМОСТИ! Примерное поведение — это как можно больше тупоумия. Прилежание — высунутый до колен язык. Пассивное, послушное существо там не ценится. В почете человек, имеющий высший балл по независимости!..

— А Мочалов и Грущук матерятся! — возражал на это Витя Паничкин.

— Стоит ли об этом при милиционере? — заколебался Владимир Петрович.

Он высоко ставил честь мундира нашего интерната. Он прикипел к нему, он прожил тут свою жизнь. И, состарившись, давно уж не директор, он приходил сюда: придет и пройдет все от чердака до подвалов и выйдет во двор, который он веснами наполет заставлял нас поливать из резиновой кишки. Двор, в котором когда-то ожидала иной, счастливой судьбы скульптура «Встреча».

— Плохое скрывать — оно все равно вылезет,— сказал Витя.— Я им еще маленьким за это дело язык чуть не вырвал — тянул!

— Ты сам, Витя, материшься,— сказал Мочало.

— Как ты смеешь говорить мне «ты»? — обиделся Витя.

— А что? Неправда? Скажи, Козявка!

Козявка, крошечный восьмиклассник, «рыба-прилипала» Мочалова, подтвердил.

— Я заикаюсь,— говорит Паничкин.— Мне доктор разрешил... вставлять.

— Я тоже заикаюсь,— гордо сказал Григорий Максович.— Заикаюсь, но не матерюсь. Знаете, что говорил Эммануил Кант? «Больше всего меня удивляют две вещи — звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас».

— А я говорю, пройдемте в отделение! — уперся милиционер.— Там разберемся!

И тут явился Роберт Матвеевич. Он все уже знал, ему рассказал Фред.

— Прошу вас, уйдите,— попросил он милиционера.— Я не хочу знать, кто это сделал. Если у него есть совесть, она его будет мучить.

Роберт Матвеевич в распахнутом тулупе стоял рядом с Фредом. И все стояли с ними, не расходились.

Женька догнала милиционера.

За ними некоторое время плелся Козявка, но скоро отстал и с редкой для «рыбы-прилипалы» независимостью зашагал в школьный корпус.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Они подумали и решили...

Групповая фотография на фоне горизонта

«НЕЗАВИСИМОСТЬ. НЕПОХОЖЕСТЬ. ИСКУССТВО ДЛЯ ДУШИ» — вот такие слова я бы написала на вымпеле яхты, которую, подумав, они решили назвать «Черная курица». Почему для души? Увы, душевность нынче у нас в дефиците. Как мы долго высмеивали название дореволюционного детского журнала «Задушевное слово»! Но ведь именно по задушевности истосковались дети и взрослые.

Литературное общество — это всегда братство родственных душ, проверенное временем, которое сплачивает и разлучает. И люди, решившие поднять над маленькой яхтой в огромном океане Литературы вымпел «Черной курицы», знают друг друга немало лет. Команда эта ведет свое легкое судно в открытый океан в стороне от привычных морских путей, стараясь не лавировать

Владимир ДРУК

Вечерняя поверка

(СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ)

иванов — я
петров — я
сидоров — я
так точно — тоже я

к сожалению — я
видимо — я
видимо-невидимо — я
патефонов — я
мегафонов — я
магнитофонов — я
стереомагнитофонов — я
цветотелевизоров — я

в лучшем случае — я
в противном случае — тоже я
в очень противном случае — опять я

здесь — я, тут — я
к вашим услугам — я

рабиндранат тагор — я
конгломерат бугор — я
дихлорэтан кагор — я
василиса прекрасная — если не ошибаюсь — я

между важными крейсерами, пиратскими парусниками и суетливыми катерками.

Наверное, трудно найти более непохожих матросов, чем эти — на палубе яхты «Черная курица». Щелкнем фотоаппаратом...

Вот толстяк с уверенным голосом и громовым хохотом, похожий сразу и на Карлсона, и на Санчо Пансу. Он чрезвычайно гордится тем, что его частушками расписывают парты, стены и заборы, принимая за фольклор двоечников, а пьесы вот-вот поставит какой-нибудь малоакадемический театр.

Рядом — кто-то стеснительный, на морского волка явно не похожий. Сразу видно — приключения души, скрытые от посторонних глаз, волнуют его больше похождения везучего супермена.

А этот?.. Чем не персонаж из российского вестерна — смесь лейб-гусара с бравым десантником. Меланхолично набрасывает в дорожном альбоме цветными мелками пестрые лоскутки уплывающего берега. Рисунок напоминает старинный орнамент, который восстанавливал он когда-то на стенах древней мечети. Так и в его рассказах за одним слоем событий, описаний проступают второй и третий.

На корме девушки. Одна, стриженная под мальчишку, склонилась над листом ватмана, рассматривает лихой набросок третьеклассника из Ясеневской школы, где она учит рисованию. От нее мы узнали исповедь подростка, ощутившего себя художником. В его школьной тетрадке — портреты люберов и металлистов, наброски городских крыш и подвалов, «бензиновых» снов...

Уверенней всех на яхте держится ее рыжая соседка. Еще бы — она летала на воздушном шаре, посещала стоянки мамонтов! Словно из разноцветных хрустальных кубиков складывает она свои истории.

А кто это там подпирает мачту? Длиннющий, худой, похожий на Дон Кихота? Под мышкой книга «Школа для дураков» и журнал «Биофизика». Он не признает границ между взрослой и детской литературой. Ну что ты с ним сделаешь?

А этого вальяжного, крупногабаритного бородача легко принять за Робинзона Крузо. На первый взгляд он неповоротлив и ленив, но это обманчивое впечатление. Он запросто возьмет интервью у любой знаменитости, он готов лететь на самолете в Барселону на шахматный турнир или на громыхающем «газике» в Шиханы (что в каких-то 120 километрах от Саратова) на встречу со школьниками. А в Намангане многочисленные поэты давно уже приготовили для него плов и подстрочники стихов.

А что за «таинственный незнакомец» в дымчатых очках дремлет на палубе в раскладном кресле? Этот знает толк в иронии и парадоксе, а значит, и в жизни.

Теперь о тех, кто расположился в каютах. «Лебеди идут на сеноко-о-ос, ежики идут на водопо-ой...» Тренькает гитара. Ясное дело, это другой бородач, придумавший себе, подобно Даниилу Хармсу, псевдоним неожиданный и кусачий. А еще из приоткрытой двери торчит босая нога и отбивает такт. Ее владелец умеет не хуже своих героев превращаться во всех-всех-всех: от мальчика Леши до индийского йога или отчаянного королевского шута, говорящего сильным мира честные и неприятные слова. А в соседней каюте кто-то смешит до слез рассказами про папу, маму и про себя. Кто-то выкидывает очередной умопомрачительный фортель не только в стихах, но и в жизни. Кто-то просит не отвлекать от общения с музой и собакой Линдой. А кто-то разыгрывает новые приключения Петушкова, не расстающегося с самоваром. И еще кто-то, и еще... Но о них в другой раз.

Все они год назад подумали и решили отчалить на яхте «Черная курица». И еще они подумали — это нормально, что они такие разные. А плавание ведь только начинается — берег слишком близко, горизонт слишком далеко. И еще они подумали... Впрочем, об этом они расскажут сами.

Лола ЗВОНАРЕВА

там, где не вы — я
там, где не я — я
песня последняя
песня бескрайняя

я — як-истребитель
я — член профсоюза
и мною гордится страна

я-я — хали-гали
я-я — трали-вали
и я из окошка видна

сначала справа я
а после слева я
такая нежная
и перезрела-я
такая тонка-я
и непрозрачна-я
така-я бе-ла-я
така-я мрач-на-я

летает Я — МОЯ
не просто Ё — МОЁ;
такая явная
такая стремная

но я другое я...
я семь на восемь я...
я восемь на семь я...

не сравнятся со мной
ни леса ни поля
мирные люди — я
и бронепоезд — я

и везувий — я
и вергилий — я
и василий — я

и скажу вам не тая
мистер твистер — тоже я

чем более я
тем менее я
тем не менее — я

а ты?
а ты такой холодый
а ты такой красивый
а ты такой свободный
такой точь-в-точь как я

ну вылитый я
ну выбитый я
ну выбритый я
ну тыбритый я

забритый, забытый, заброшенный я
хороший и очень хорошенькая

шпрехен зи дойч? — я
шпрехен зи дойч? — я
шпрехен зи дойч? — я

их-бин — я — зи — нихт —
фор — ферпшрехен —
ферботен — гут — я!

КТО ЕСЛИ НЕ Я?

Я ЕСЛИ НЕ Я!

Расслабьтесь,
это я
пришел...

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Игорь ИРТЕНЬЕВ

Вертикальный срез

Посвящается А. С.

Я лежу на животе
С папиросою во рте,
Подо мной стоит кровать,
Чтоб я мог на ней лежать.

Под кроватию паркет,
В нем одной дощечки нет,
И я вижу сквозь паркет,
Как внизу лежит сосед.

Он лежит на животе
С папиросою во рте,
И под ним стоит кровать,
Чтоб он мог на ней лежать.

Под кроватию паркет,
В нем другой дощечки нет,
И он видит сквозь паркет,
Как внизу другой сосед

На своем лежит боке
С телевизором в руке.
По нему идет футбол,
И сосед не смотрит в пол.

Но футбол небесконечен,
Девяносто в нем минут,
Не считая перерыва
На пятнадцать, на минут.

Вот уж больше не летает
Взад-вперед кудрявый мяч,
И служитель запирает
Расписныя ворота.

И сосед, разжавши пальцы,
Уроняет на паркет
Совершенное изделье
Из фанеры и стекла.

И следя усталым взглядом
Телевизора полет,
Он фиксирует вниманье
На отверстии в полу.

Но напрасно устремляет
Он в него пытливый взор,
Потому что в нашем доме
Этажей всего лишь три.

Считалочка

Раз.	Шесть.
Два.	Семь.
Три.	Восемь.
Четыре.	Девять.
Пять.	Десять.

Юрий НЕЧИПОРЕНКО

Мой отец — начальник связи

ПОВЕСТЬ*

Рисунки О. СТАЦЕВИЧ.

1. Начальник связи

Мой отец — начальник связи —
это было первое предложение, которое я сочинил в первом классе. Учительница сказала:
Дети
а теперь
пусть каждый из вас
сочинит
предложение
Я протянул руку — спросите меня, спросите, Евдокия Климовна!

Но вначале спросили двух правильных девочек, а потом только меня. Я встал и громко сказал:

— Мой отец — начальник связи! — а в классе все засмеялись. И чего они смеются — это же чистая правда. И потом, это было предложение про папу, а все, что связано с папой...

Например, мотоцикл. Трехколесный — папа на нем все время ездит. И когда мы собираемся на огород...

Всем сотрудникам связи дают огороды, и мы туда ездим, и сажаем картошку, подсолнухи, огурцы...

Две сестры, уцепившись друг за дружку, помещаются в коляске, мама садится на заднее сиденье, а я — впереди всех, обняв ногами бензобак, расставив руки, я держусь за руль, я распластался, как лягушка-путешественница, я смотрю вперед, откуда с шумом вырывается дорога... Тугой воздух расстегивается у лица. Запахи деревьев и трав пронизывают нас.

Мы мчимся, подставив лица ветру, навстречу попадаются мушки и жучки — и разбиваются с размаху о скулы, о лоб, залетают в рот — они живут в ветре, и мы живем в нем сейчас! Мы делаем ветер и двигаем его... Мы идем под сто — ну и жарит же папа — еще, давай еще — скачет, дрожит стрелка на спидометре — вот это да!

Уезжают поля, обсаженные посадками, вдоль дороги — деревья — они появляются вдали, разгоняются — и вот уже летят мимо — гибкие, летучие деревья. А вот и гром гремит — дождик собирается, а нам нипочем — мы в брезенте, мы врываемся в мелкий дождь и запах, запах дождя и электрический вкус воды у лица...

Мы закутаны, как куколки, в плащи, на голове — кепка — чтоб не надуло, а сестры переживаются под брезентом — наверное, толкаются там ногами — ох, и вредные эти сестры!

* Журнальный вариант.

2. Связь

Связь — это такая важная... Что? Не штука. И не работа. А что?

Непонятно. И тем важней.

А-а! Только что я догадался, над чем все смеялись в классе — связи-то никакой нет! Как можно быть начальником связи? Связь — это между чем-то или кем-то.

Но я же слышал, все говорят, и папа говорит — «Пойду в связь». Значит, это название, имя чье-то — потому надо брать в кавычки и писать так: «Связь».

Нет, врешь — никакое это не имя, а то можно подумать, что это река или человек какой называется. И зачем человеку такое дурацкое имя?

Нет, а что же такое связь? Это место, где работает папа,— дом с покатой крышей, и телефонистки в нем — тетки все время занятые — они суют в дырки такие штуковины с проводками. И стеллажи с трещотками — трещотки перескакивают, дергаются — тррак — и есть соединение! Эти трещотки теперь — вместо теток, тетки сидят в одной комнате, их становится все меньше — приходят рабочие, ставят шкаф с трещотками — а тетку долой — нечего ей ерундой заниматься, пальцы в дырки совать. Так и меняют тетку на сотню трещоток.

3. Пахнет воском

Папа молодой. У него почти нет седых волосков. Папа лежит на диване, читает газету — а над диваном ковер — там драконы коричневые друг в друга переходят по кругу. Загорелые, облезлые драконы...

Мы толпимся вокруг — две сестры и я. Сестры галдят: «Папа, ты у нас совсем молодой!»

У папы черные волосы, и каждый волосок хорошо заметен — как штрих мела на черной доске. Папа читает газету. Я подлезаю сзади. «Па, а вот волосок белый, можно, я вырву?»

Папа пахнет воском. И кожа загорелая — как воск, из которого делают соты. Старые соты переплавляются на новый воск — рядом с летней кухней у нас стоит специальный ящик с наклонным дном — там солнце распаляет воск, он течет медленными струями, и получаются внизу лужи разных цветов — оранжевые, коричневые, золотые.

А потом воск идет на переделку — из него надавливают пластину с шестиугольными вмятинами — план застройки для пчел, и они там собирают соты, как люльки — тысячи младенцев, и заполняют их медом до краев. По ним прохаживается пчелиная начальница с названием «матка» в свите из здоровенных бездельников, которые зовутся «трутни» — они там трутся с ней, жужжат — а она откладывает яички в каждую ячейку — такая умная — ни одной не пропускает — и потом закупоривает их и там счастливчики личинки лопают и лопают вкуснейший мед — и превращаются опять же в пчел. Из меда, значит, сделаны все пчелы — из меда и из воска... И есть еще отдельные ячейки для трутней — их терпят для развода — и иногда закладывают матку тоже. Но она только одна бывает в улье, и как только вылупится вторая — там драка начинается, голосование — жужжат которые «за» и «против», оттуда вылетают и носятся по воздуху как бешеные — папа говорит «скаженные» — и прицепляются на дерево. Это праздник для пасечника — надо только аккуратно собрать всех пчел в сачок и новый им подставить улей.

А эта матка — такая загадочная — начальница... И почему все бесятся вокруг и носятся за ней?

Пчелы кусучие — как в палец или в зад ужалят своим жалом! А папу пчелы не кусали. Видно, они его за своего принимали... Он возится с ними, окуривает дымом, переставляет в улье рамки, вытаскивает соты с медом.

Мы тащим рамки к центрифуге, раскручиваем ручку, и сила оборотов высасывает мед из каждой люльки, куда их натаскали пчелы.

Круговорот подсолнечного света, облизываешь пальцы, и меда толстая струя подрагивает, наполняя ведра...

4. Крыса в меду

Мы потащили на мусорник выбрасывать банку с медом. Здоровая банка, трехлитровая. Весной мы достали ее из кладовки, открываем, а там крыса засахаренная: она забралась в мед, обожралась — а назад уже вылезти не смогла — и утопла. Мед затвердел — и крыса в нем сохранилась отлично — как в мавзолее. Папа рассказывал, как из Мавзолея Сталина вытаскивали — нечего ему там лежать, он плохого много сделал, людей поубивал...

Папа велел нам выбросить всю банку. А жалко — столько меда там оставалось... Папа говорит, что ложка дегтя портит бочку меда. Непонятно, ну и что что ложка дегтя, пусть даже столовая ложка, большая — но бочка — это же так много... Правда, бывает такой яд сильный — к нему нельзя даже притронуться — он может целый миллион людей

отравить. Лучше выбросить от греха подальше...

А если кто отравился ядом — можно его медом спасти? Мед такой полезный — мы каждый день его едим — намазываем на хлеб — или в воде растворяем... Папа говорит, что надо утром натощак — тогда никакая болячка не прилипнет. Смешное слово — «натощак»!

5. Пиратская команда

Дом с островерхой крышей.

Когда я прихожу сюда под вечер, меня встречают тетки и конфеты дарят.

— Какой большой ты вымахал! А узнаешь меня?

Я вежливо киваю.

Тут у меня есть важные дела.

Я прохаживаюсь между стеллажами.

Они стоят на красном линолеуме в здоровом зале.

Шумят — тррак-тррак-там перескакивают шагоискатели, как крабы.

Мне хотя б одного достать.

Познакомиться поближе, как он устроен,— выпотрошить краба.

Еще — тут под полом расползаются, как змеи, кабели — во все стороны к телефонам тянутся жилистые щупальца в свинцовых шкурах.

Жилки цветные. Надо пополнить их запасы.

Мне они нужны для дела — я паяю схемы.

Еще тут я углядел в подвале стеклянные большие банки.

В них содержится кислота, которая сжирает цинк, и от ее злости образуется там напряжение.

Наверное, у них найдется банка, в которой цинк уже сожрали, я не откажусь — в такой прекрасной банке можно устроить аквариум для рыб.

Дверь в красный уголок.

Место скучное — валяются неинтересные журналы и стоит бильярд обшарпанный.

Но как раз здесь под полом хранятся требуемые мне банки.

Надо только приподнять вот эту ляду.

Однако связисты повесили тут череп с костями.

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ! НЕ ТРОГАЙ! НЕ ВЛЕЗАЙ — УБЬЕТ!

Так что не очень хочется сюда влезать.

На черном фоне белый череп — словно флаг пиратский.

Тут еще, правда, транспарант про съезд у них висит — куда они все пририсовывают палки — XXI, XXII, XXIII — а слов и не меняют — во хитрые пираты!

Они тут торчат и ждут, пока авария случится — тогда ватагой всей бросаются на грузовик, кидают туда лопаты, кошки железные — в которых по столбам лазить — и помчались!

Папа на мотоцикле впереди — как разведка — а они толпою сзади.

Вообще они мне нравятся — незлые, молодые дядьки...

В красном уголке когда торчат — шары толкают в бильярде и хохочут.

Папу уважают.

Они там то напьются или влезут, куда не надо — их папа из вытрезвителя, из милиции выручает — набирает номер начальника и говорит — послушай, Николай Иваныч, до тебя попал один мой парень...

Дружная команда — несутся по степи под всеми парусами, и когда на линии обрыв — найдут, разроют или столбы поставят — и все исправят.

Жизнь интересная — бывает, на шахте заночуют — когда серьезная авария или там буря, ураган. Всегда им надо быть наготове — такое дело — связь...

6. Щуп

Разгуливаю я по связи, смотрю нечестными глазами — что бы слямзить?

Но, в общем, ничего я не краду.

Скорее — принимаю.

Сделаю такой вид — они и сами догадаются, что мне нужно.

И даже отказываюсь вначале.

Но недолго.

Им-то что — у них такого добра — завались, а я утащу к себе да разберу, как устроено, а потом для дела приспособлю...

И связь меня тоже принимает.

Ну, как сказать, когда я слышу этот шум трещоток — он такой заманчивый и добрый, и кажется, что кто-то тут живет большой — по-разному живет: то лампочками замигает, то засвистит, как сверчок...

Есть такой у папы щуп — напряжение слышит — в наушниках ууууу гудит, когда к проводу подносишь. С помощью него связисты обрыв под землей чувствуют: где ууууу замолчит — там и обрыв. Под Новый год попался этот щуп мне в руки — и я решил проводку пощупать. В стене гудит проводка электрического света, к телефону подношу — он тонко так попискивает. Пошел я погулять вдоль стеллажей, подвожу щуп к крабикам железным — и они заголосили все: те — жалобно и быстро, другие — важно и протяжно: «занято», «не отвечает». Вдруг слышу — слово, другое — заговорили на человечьем языке — во лафа! Говорят по нескольку штук сразу — кому бутылку под Новый год купить, кого встретить, поздравляют, радуют, радуются, договариваются, желают здоровья — и женщины крабики, и дети среди них — ожили все, как в сказке...

И папа — начальник в этой связи — как волшебник главный.

И кого там только нет... Вот уборщица в тапках, белая, морщинистая — всегда меня погладит, в улыбочке лицо рассыплет на части — ласковая.

Потом оказалось, что она ключ подобрала и потихоньку у папы из сейфа деньги таскала — он зарплату туда положит, маме часть на пропитание выдаст, а потом глядь — денежки-то тю-тю... Вот и чудеса. А еще инженер был в связи. Странное слово — «инженер» — на инжир похоже — такой фрукт заморский пухленький. Его никто на работу брать не хотел — боялись попробовать, что он за инженер такой. А папе-то что — будь ты хоть из Перу, только человек хороший... Но не получился хороший — окреп, закруглился, брюшко отрастил — захотелось ему в начальники выйти — и стал он на папу пописывать. И пошли помехи в связи, и пробои — посыпались комиссии, заседания, горкомы, бесы разны, будто листья в ноябре... Но это было потом, а сейчас — он начальник связи, волшебник в силах, и мы летим на трехколесном мотоцикле, я обнимаю ногами бензобак...

7. Ворона Галка

Папой можно только гордиться. Это чувствовали все. Даже ворона, которую мы подобрали на улице. Или это была галка? Так мы ее звали — «Галка». Она никого не уважала, кроме папы. Могла клюнуть, если неудачно ее возьмешь или задразнишь — она была очень чувствительной вороной, и в вопросах чести очень разбиралась. И что кому дозволено. Но

все-таки она не так заносилась, чтобы ставить себя главнее папы.

Когда мы собирались вместе, Галка садилась у папы на плече, и при этом если каркала — то деликатно — в сторону. И в разговоре участвовала — все время переводила клюв с одного на другого — и если кто-то говорил стоящее, присоединялась — каррр — негромко так, но внятно сообщала, как визирь, свое веское мнение папе на ухо — каррр... Она вписалась в иерархию нашей семьи, заняла в ней высокое положение...

Потом она подросла, окрепла — и улетела. Мы долго вспоминали о ней, узнавали ее во всякой птице, что подлетала к нашему окну. И рассказывали — опять ночью кто-то прилетал и клювом в окно стучался — да, все слышали — кто-то стучался. Конечно, это она — кто же еще может быть? Надо обязательно на ночь окна оставлять открытыми...

Она была очень молодая, эта ворона,— у нее клюв был с желтой каемкой. Мы ее так и дразнили, чтобы она не зазнавалась,— желторотик! И когда она улетела, было очень жалко... И тревожно за нашу высокомерную ворону — как-то она приживется в птичьей стае да заведет ли себе семью — или как там у них, ворон, это делается?

8. Рассказы

Мы сидим, собравшись в кучу, и свет настольной лампы... папа рассказывает про свое детство. Мы выпрашиваем:

— Па, а про удава расскажи, ну про удава...

— Какого удава?

— Ну, того, что в деревне всех перепугал,— ты говорил — змея большая!

— А, правда, видел я такого змея...

И папа рассказывает про огромного змея, что из реки вылазил и катался по деревне колесом, и про то, как у них в хате жил уж, охочий до молока,— он все норовил в миску голову сунуть — приходилось его по носу ложкой охаживать — и про то, как на сеновале сестра спала с гадюкой — та забралась к ней под сорочку — но не укусила, и про то, как в деревне колдовали, и что если срастаются на огороде несколько колосьев вместе — то жди беды, и про черный глаз... Мы слушаем — и верим, верим — нет, папка наш не соврет никогда...

Но, конечно, теперь ту речку чистейшую загадили комбинатом и никакая тварь там не живет. И так, как раньше в церкви пели,— уж не поют, и так богато, как в тринадцатом году жили,— уже не живут односельчане...

Папа рассказывает про войну. И все его истории мы выучили наизусть — а все равно клянчим:

— Ну па, ну расскажи, па!

— Да я уже вам рассказывал...

— А мы забыли. Кто к кому на фронте ходил — ты к брату или он к тебе?

Папа раззадорился:

— Конечно, я к нему — и два раза!

— О, па, ну расскажи — а как первый раз? А потом — твой брат, он что — на француженке женился?

— Да нет, не женился — привез с собой — а мать не разрешила...

— Воо — па, ну расскажи, ну паа!

Мы вокруг папы, и свет настольной лампы, и Галка на плече, и папа начинает:

— Мы тогда стояли в Польше...

Выслушиваем знакомый рассказ и ревниво оберегаем от нововведений:

— Ты ж говорил, что брат был на передовой!

— А, хитрые, запомнили — а говорите, что забыли,— так нас папа проверяет.

А потом мы начинаем на него нападать — хочется посмаковать любимые места:

— А француженка, которую брат привез, была красивой? А как они говорили — по-французски?

— Па, а как ты парашютиста ловил?

— А правда, па, тебя антибиотики спасли?

— Да, когда меня привезли в госпиталь — командир части сказал врачам — вот вам бочка спирта — только чтобы вылечили нашего радиста! Они и дали мне сульфидина. Он на вес золота был тогда, и мне бы без него — каюк...

9. Рана в небе

Я раньше играл в войну, придумывал — мол, мы и они, и как мы им вставим. А кто они? Ну, враги — беляки там, американцы...

А однажды вышел я из папиной связи на порог — и увидел, как солнце в красное садится — словно в небе рана, и облака — как вата кровавая — и так мне стало страшно... Я почувствовал — нет, не хочу, чтобы кого-то убивали, и сам никого не хочу убивать, что все это — понарошку, а по-настоящему — не хочу, не хочу... Страшно не только за себя — за папу и за сестер своих — никому не надо погибать...

Я раньше все папу подзуживал — ну па, ты хоть одного немца убил? А он мне отвечал — нет, не убивал, стрелял только из винтовки куда-то, а так бог миловал — никого не убивал.

Мне тогда казалось, что тут папа слабинку дал — как же так: всю войну прошел — а никого не убил. А сейчас я обрадовался — конечно, если на тебя лезут, надо защищаться — но все-таки лучше живую душу не трогать — люди все разные, и никого нельзя от жизни отрывать...

Папа воевал в авиаполку — радиостанцией командовал, чинил ее, чтобы можно было с самолетами связь держать...

У папы есть медали — «За отвагу», стальная, «За боевые заслуги», бронзовая, и еще — «За оборону», «За взятие», «За восстановление»...

И есть еще серебро — монета большая немецкая. Там кайзер выдавлен — папа от него отщипывает кусочки и использует для припоя. Серебро — очень полезное: от него бактерии дохнут, и оно электричество проводит хорошо. Его используют для связи. На реле контакты из серебра — по ним ток бежит и радуется — приятно ему в серебре да в золоте жить — ток он такой — у него губа не дура!

10. Бандюга

Папа провел сигнализацию из летней кухни к нам в дом, а то каждый год к нам в кухню кто-нибудь лазит. Там и нет-то ничего — только печь да погреб, в который мы на зиму картошку складываем — да еще банки с компотами и вареньями. Однако они все равно лазят — уж не знаю почему — может, надеются, что раз в нашем доме начальники живут, то кухни жирные — сервизы там или запасы вин необыкновенные. Я думаю, кто один раз к нам слазит — уже больше его не заманишь, не будет же он трехлитровую банку с яблоками тащить. Но всегда находится новый человек, который у нас в кухне еще не побывал. И ему интересно слазить. А папе интересно его поймать — надоело все время окна новые вставлять и решетками украшать... Вот папа и провел такую связь в кухню и поставил реле — чтоб если окно или дверь отворили — а у нас дома сигнал — как у рыбака на удочке — клюет!

Раз случилась история — сработала среди ночи папина сигнализация. Схватил он ружье, крикнул соседям — и вниз. Подходит тихонько к кухне — а там мужик внутри возится. Высветил его папа фонариком — руки вверх! А мужик посмотрел на папу и говорит — ты же в меня стрелять не будешь, браток... И как дернет ружье за ствол на себя! А у папы палец на спусковом крючке — и двустволка как бахнет! Он хитрый, бандюга — в сторону ствол направил и под мышкой у себя ружье разрядил. Тут они вроде на равных с папой оказались. Однако у мужика ножик был...

Крики во дворе раздались — соседи разбудились. Стало ясно, кому тикать — как прыгнет мужик мимо папы в дверь — и ходу! По двору бежит — а у нас ворота далеко — и мимо подъезда проскочить надо, а оттуда соседи — мужички крепенькие высыпают...

Тут я должен признаться, что историй таких было несколько — и сюжет раздваивается — одних ловят: сосед Федор Петрович с кочергой выбежал — и в ноги бандюге ее вставил. Тот навернулся — и повязали его. Но тот, который папе ружье разрядил,— сбежал. Потом в милиции сказали, что он рецидивист опасный, его папе на фотографии показывали.

11. Памятник

Стоял в скверике у нас памятник — белая фигура из мела. А потом вдруг пропал — только тарелка из-под него осталась в земле. Дело было так: вызывают папу в трест и говорят, что едет комиссия серьезная из области или из Украины, а может, из Москвы. А кто-то догадался, что Ворошилов в нашем сквере уж очень подозрительно на Сталина похож. Я никогда не вглядывался — ну, френч помню — а может, они все друг на друга похожи или скульптор, который из мела точил, был специалист по Сталину, а тут вдруг Ворошилов — ну и получилась накладочка — вроде брата родного. Комиссии же это ни к чему знать — это наше дело, на кого он похож,— он же у нас стоит, а не у них. Однако комиссия настырная, и, перед тем как пить с дядьками из треста, она может и в это влезть. На нем не написано, что он Ворошилов, а в жизни его никто не видел... И люди меняются с годами и даже на фотографии бывают непохожими на себя, а в скульптуре и подавно. Поэтому тут мысль пришла — чтоб не занимать голову комиссии лишними делами — лучше этого брата убрать. Мы его поставили — мы его и снимем, сейчас

уже не модно мелованных людей среди деревьев расставлять. Однако как убрать — тут вспомнили о папе — он специалист на все руки, мастер. Послушай, Дмитрий, ты тут со своими ребятами-связистами...

Папа собрал своих связистов и говорит:

— Только ж вы никому, ребята... Будем Ворошилова снимать.

Подождали, пока народ угомонится на улице, обмотали его, бедного, стальными проводами и давай тянуть... А он не гнется — потому что крепкий — этот скульптор мел крутого замеса взял — на века!

— Пошел!

Вначале голова, а потом и весь накренился.

Вот это уж и совсем неприлично — потому что если памятник стоит, то он стоит, и никто его не замечает. Если же его нет, то нет — и тоже никто не замечает,— ну, поговорят — мол, нет,— и забудут.

А если вроде и стоит и не стоит — то это не памятник, а, наоборот, глумление... Неудобно.

Надо спешить, потому что глумление никто не должен видеть и даже сами, кто его делает, в том числе — это действует вредно.

А памятник возьми да и окажись с арматурой — то есть он только сверху белый из мела, а внутри железный — одна голова подкачала.

Тянут стальными проводами — памятник крошится, а не уступает — будто Геракл связку связистов дюжих парней выдерживает.

Ночью белая фигура видна издалека, и что ей плохо делают, тоже очень заметно. Комиссия может получить нежелательные сведения.

Тут папа догадался, что делать:

— Руби ему, ребята, ноги!

Ножовкой по металлу их перепилили, связисты — они народ запасливый, у них все есть. Подраскрошили, конечно, снизу — получился уже скорее бюст. Его тихонько сняли.

— Куда девать?

— Копай, ребята, яму!

Тут же в кустах сирени отрыли могилу — и памятник похоронили.

12. Инструменты

Папа и часы может починить, и мотор исправить у мотоцикла, и шкаф из дерева выстрогать, и обрыв найти в связи — и запаять... У него инструментов... Пинцеты, молоточки, круглогубцы, надфили, метчики для резьбы, сверла... Одних паяльников три штуки. Отвертки для часов — совсем тонкие, как иголки. Даже станок есть токарный с электромотором.

И все время у папы что-то пропадало. Он меня подозревал:

— Где надфиль, где плоскогубцы?

А я и сам не знаю,— может, брал — а куда дел — не помню. Конечно, так не скажу.

— На место положил,— говорю.

Нельзя же папу обижать — найдутся где-нибудь.

— Ты из дому выносил? Друзьям давал?

Тут ответ ясен — не выносил, не давал. Иногда пропажа находилась. А то нет.

Но вот, пожалуй, единственная возможность разозлить папу — потерять какую-нибудь его необыкновенную штуку. И хоть я был виноват, все равно мне не нравился такой разговор — оставался какой-то осадок. Да что, ей-богу, все эти вещи — нельзя же из-за них унижать человека! И вообще, какому дураку пришла в голову мысль, что надо детей наказывать? Это в сто раз вреднее, чем прощать. Потом во мне накопится злоба, и я тоже буду мучить того, кто меньше.

Вон у сестры в классе наказали одного — он пришел домой и повесился на спинке кровати.

Неудобно, конечно, на спинке... Я вешаться не буду. Сейчас есть более простой путь — электричество. Суну по куску голого провода в розетку — и возьмусь руками. Один раз я так уже делал — но по недоразумению — просто интересно было... Ну, я вам скажу... Как долбануло током — я полетел с кровати на пол. Потом долго не мог отдышаться...

Почему так обижают человека, пока он живет, и начинают жалеть, когда умирает? Узнают что-то? А что узнавать — и так все известно.

— Нет, я им покажу!

— А что покажешь-то? Ну, подохнешь — и что? Подумаешь, герой!

Сложный это вопрос — жизни со смертью. Но, в общем, его всю жизнь решаешь, и главное — что всегда свобода выбора... Это от нас не уйдет. Так что пока еще поживем — может, что интересное покажут...

13. В одной связке

Такая странная у меня особенность — наверное, вы уже заметили — будто не имею я возраста. Вот что ни происходит — я словно со стороны слежу — будто это не я, а какой-то дядька в Ленинград ездит, с друзьями по ночам болтает — а сам я — ребенок. Как появилось во мне это «я», залетело, как птичка в клетку,— так там и сидит — и нисколько не изменилось. И когда дядька этот что отчебучит — я только удивляюсь — ну и чудак! Однако иногда мне удается на него повлиять — так мы с ним боремся потихоньку. Конечно, если кто психолог-психиатр-психопат — наговорил бы ерунды всякой — шизофрения там, расщепление... Как будто назвал — и получил объяснение. Господи, избавь нас всех от них с их прописями — это же душа живет и просыпается...

И в каждом человеке так может быть — не болезнь, а душа неизведанная — и никому не ясная — но юная она, подростковая — с вывертами бывает и чурается — но ведь и любит она, и привязывается, ласковая...

Бывает так — мой отец во мне пробуждается. Сижу я на кухне, глотаю картошку — вдруг движение локтя или плеча такое — когда за солью потянулся...— батюшки — да это же отец! И не то чтобы я видел, что он именно так это делает — нет, он прямо внутри ощущается, оживает. Интересно так — будто он в меня просыпается — понимаете, когда один человек спит, а просыпается — в другого?.. Так и он во мне шелохнется иногда — и «я» мое получается какое-то новое, как будто вырастает — и мальчик в этом «я», который отца видел, и дядька, и сам отец — он из нас самый главный...

Так что не раздвоение, а растроение получается, как минимум. И другие люди в меня залетают — да папа там все время живет.

Нет, не расщепление это — а, наоборот,— собираются они все вместе. И целым становятся и связным — да, словно в одной связке в горы поднимаются и туман — не видно друг друга — они перекликаются... И каждый несет свое — находит и несет, и помогают друг другу они, снимают, кому тяжело — перекладывают ношу. Легче становится...

Так бывает — даже не сон, не видел я такого сна. Нет, наяву — легко, несильно — но ясно слышу — вдруг кто-то мне сказал... И сейчас, когда пишу — сразу за тремя записываю — хотя, наверное, трудно разобрать — но я иначе не умею...

А все непросто в этом мире — и воск, который солнцем плавится, и золотистый мед, и матка — пчелиная начальница, и трутни, что трутся, и мел, мелованные люди... И горы белые. Вы видели? Да меловые горы — если мотоцикл довозит вас на речку, вы видите — она из молока, а берега все белые — как кисель застывший.

Эти горы когда-то были под океаном — и плавно на них осыпались рыб мертвые тела, скелетики сцеплялись, слагались из скелетиков кораллы, потом кораллы снова умирали — и меловую пыль вода давила сверху, спрессовывала в камни.

Потом и море высыхало — тогда когда-то приходили мы и загорали на пляже у реки, а дядьки кирками ковыряли камни, подводами возили мел — и в классе на уроке языка учительница брала твердо мел в руку и писала — и мел крошился в пыль, но оставались ровные слова, она их выводила, как по наущению Бога — внятные слова...

Я не чувствовал, не понимал я языка — я видел учительницу, и мне казалось, что она обнажена — мне становилось стыдно, как от поцелуя, я закрывал глаза — наверное, неприлично представлять любимую учительницу голой — опять какая-то начнется ерунда...

Она — такая серьезная...

Никак нельзя предположить, что у нее родятся дети.

И я задумывался о ее детях...

14. Шутка мотоцикла

Но здесь я рассказываю не о школе, не об учителях — я пишу о папе. Я помню все разы, как он меня ругал,— так редко это было. Но, может, с тех пор я сам с собой ругаюсь — достаточно всего один подать пример — ведь это так заразно — спорить и ругаться.

Когда я подрос, папа разрешил мне садиться за руль мотоцикла.

Вы знаете, какая есть шутка у трехколесного мотоцикла?

Когда поворачиваешь направо, переднее колесо переезжает дорогу люльке, зад задирается, и мотоцикл начинает сальто-мортале...

Мы мчимся на огромной скорости по прямой дороге, и я все прибавляю газу, и ничего не предвещает, папа сзади...

Выскакивает из посадки заяц — где-где смотри — вон там!

Вдруг посреди дороги колдобина — воронка — яма — я круто заворачиваю вправааа...

Во — папа выравнивает руль — зад мотоцикла опускается на землю.

— Да ты дурак,— так говорит мне папа,— как будто открытие...

С тех пор люблю я повторять эти сладкие слова — как будто каждый раз их говорит мне папа:

— Да ты дурак!!!

15. Живая шерсть

Мы едем к бабушке в деревню. За тыщу километров. На мотоцикле! Нас встречает папин брат — агроном, он кончил два института — да научился выпивать.

Бабушке надо исправить дом.

Папа с мотоциклом очень кстати — подвозит доски, черепицу...

Стучит молотком. Приколачивает доски, чинит крышу.

Я глажу своего друга — пса-дворняжку. Черный добрый пес лижет мне руки, нам хорошо вместе, я перебираю его шерсть. Мы обнимаемся на теплой земле в запахе сирени...

Вечер. Обнаружена пропажа. Куда-то делся сын. Папа и бабушка сбиваются с ног, носятся по двору, зовут — и находят меня в кустах сирени.

Очухиваюсь, удивляюсь — почему переполох — да, я спал с собакой, что такого?

С тех пор я сохраняю это блаженное ощущение — теплая земля, и мягкий пес с живою шерстью — мой друг, и голова его в моих руках, так хорошо с ним рядом...

А как он потягивается, зевает! И сейчас я расслабляюсь, как научил меня мой друг,— до хруста в суставах растягиваюсь, и глаза закатываю, и засыпаю...

Но речь не обо мне, о папе...

16. Начало

Начальник это от слова НАЧАЛ. А связь — между людьми, животными и небесами — СВЯЗЬ.

И с тобой у нас теперь есть эта связь — если прочитал хоть чуть-чуть, хоть название — а вдруг током ударит — слова все сильные — под напряжением: ОТЕЦ НАЧАЛ СВЯЗЬ. Страшно глаза подносить к ним, всматриваться, вдумываться — может произойти пробой.

А ну, как заголосит обрыв — в одной линии связи столько людей помещается, живет, голосит — помнишь, как я под Новый год с щупом их слышал? Если обрыв, так надо восстановить — и едет папа с ребятами-связистами — они и сильные, и запасливые — и все у них есть — отроют, отыщут обрыв — и спаяют, где жилки не выдержали.

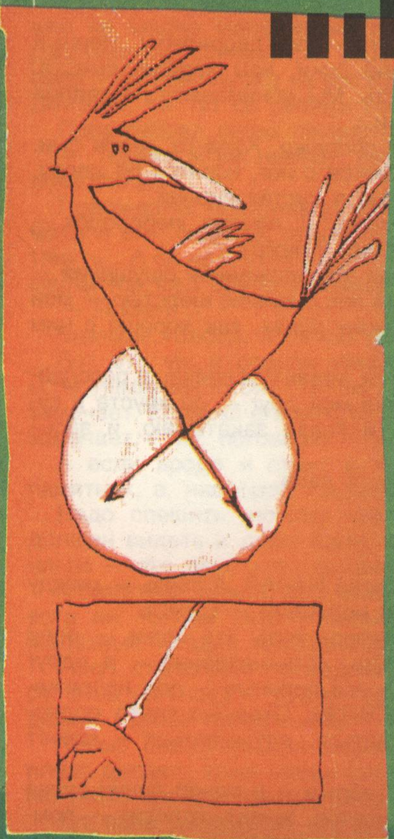
И говорите между собой, и договаривайтесь, и приезжайте друг к другу в гости, и чай пейте, и любите друг друга, и детей делайте — это связь живая, она нужна — под напряжением только чтобы было, под напряжением — хотя, конечно, и опасно, но только так и можно.

И сын мой — для него я — начальник связи, и передается в него все — слово, и жест, и поступок — усиливается под напряжением — и дальше пошло...

Мистика какая-то связь с ними со всеми, детьми этими, и когда они смотрят на тебя — сболтнешь что — а они положат в капитал, проценты нарастут — диву даешься — откуда что взялось...

Не знал я, когда первое свое предложение сочинил, что оно будет тут стоять... Вроде самые пустые — тьфу слова — а потом бац тебя током — они пришли через двадцать лет — вчера, когда вставил лист в машинку — письмо отцу написать — сестра передала, что он ждет моего письма...

А я написать не могу а почему не знаю папа
общие фразы здоров играю в волейбол
на работе в порядке
в командировку еду в Ленинград
в кино ходил с сестрой встречался
сын растет говорит папа поедем на поезде
а мотоцикла тут нет
и как я сына буду катать и чему научу
папа главное здоровье береги
папа не ходи под дождем
как твое изобретение и что придумали еще
напиши когда приедешь
мы все ждем тебя папа
берегись ты у нас один на всех
и совсем молодой
пиши
твой сын



...И тогда я подумал:

«О чем бы мне подумать? О плохом думать не хочется. О хорошем как-то не думается. Об остальном — и думать нечего! Вот бы кто-нибудь за меня поду...»

В дверь постучали. Вошел. Бегемот.

— Я,— говорит,— бездомный. Не угостите ли подножным кормом крупную рогатую животную?

Мы славно поужинали.

— О чем думаете? — спрашивает Бегемот.

— О праздном,— отвечаю я.— Ну, вот хотя бы о том, который нынче час.

Бегемот вытащил из кармана градусник, взглянул на ртутный столбик и говорит:

— Одиннадцать граммов показывают часы.

— Время в граммах не бывает,— возражаю я.— Это абсурд!

— Давайте думать об абсурде,— предлагает Бегемот.

— Чрезвычайно! — соглашаюсь я.— Кто первый?

— Позвольте мне,— говорит Бегемот.— Е2—Е4!

Мы славно пообедали.

— Так что же абсурд? — интересуюсь я.

— Абсурд — это адекватное отношение субъективной логики по отношению к неадекватным явлениям объективного мира,— послышался чей-то голос.

— Кто это сказал? — спросили мы с Бегемотом.

— Это я, Сказал,— ответил маленький Сказал и вылез из-под кровати.

— Молодец,— сказал я,— что правду сказал!

Тот даже зарделся от удовольствия:

— Я еще и не то могу сказать!

— Тогда север напротив,— шепнул мне Бегемот и уставился в зеркало.

В зеркале шагали четыре человека мальчиков и четыре человека девочек. Оба несли по резиновому облаку.

Мы славно позавтракали.

А маленький Сказал даже полпуговицы проглотил.

— Спасибо за корм,— оспасибил меня Сказал и тут же сказал:

— Между прочим, читается «туда-сюда» — одинаково.

— И мне пора мне и...— удивился я и, распахнув дверь холодильника, выпустил их в парк

Тим. СОБАКИН

Бегемот под зонтиком

Когда Бегемот на прогулку выходит,
то он надевает сухие галоши
и кожаный плащ с четырьмя рукавами
а также берет парусиновый зонтик,

который его защищает от ливня,
что падает вниз из упитанной тучи,
угрюмо повисшей над мокрой землею,
собой заслонившей высокое солнце,

которое ярко сияет на небе,
когда Бегемот на прогулку выходит,
закутанный в плащ и в галоши обутый
и молча несет парусиновый зонтик...

Рисунки Д. ГОНЧАРОВОЙ.

имени Культуры и Отдыха.

ТОГДА И ПОДУМАЛ Я: «Что же это было? Сказка?.. Вроде не похоже. Волшебством-то и не пахло! Фантастика?.. Вряд ли. Я же в другие миры не летал. Может, чепуха это или бессмыслица?.. Но ведь мы как раз искали смысл! Мы думали, что такое абсурд...»

Я посмотрел на часы. Они показывали мешок кроликов.

ПОДУМАЛ ТОГДА И Я: «Да это ж и был абсурд. Самый натурально полный!»

Я И ТОГДА ПОДУМАЛ, ковыряя остывшую пуговицу: «Не буду больше думать вовсе, а сочиню-ка лучше ряд стихотворений. Про того Бегемота. Такого славного! Они вообще поголовно славные. Все звери — славные животные, а эти — так вообще! Во что бы то ни стало (пишется в 6 слов), можно сказать...»

И тогда я поду... нет, я просто оторвал лист ветра и слепил из него.

НЕмножко НЕобычные
НЕстихотворения
с таким загадочным и несколько даже туманным посвящением —
СЛАВНЫМ БЕГЕМОТАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ!

Тим. СОБАКИН

Квадратный бегемот

ВОТКВА ДРАТНЫЙБЕГЕМОТ
О Т К В А Д Р А Т Н Ы Й Б Е Г Е М О
а с виду и не скажешь
что квадратный
на вид-то он
вполне прямоугольный
Т О М Е Г Е Б Й Ы Н Т А Р Д А В К Т О
ТОМЕГЕБЙЫНТАРДАВКТОВ

Письмо Бегемоту

Я построю тебе вольер
из больших и мягких подушек
я насыплю туда соломы
а на небо повешу солнце

солнце это звезда такая
солнца много бывает на юге
солнцу рады и звери и птицы
солнцем даже матросы довольны

приезжай же
скорей же
в вольер же
дорогой Бегемот Бегемотов!
твои африканские реки
без тебя все равно не иссякнут

мы закинем в солому удочки
мы поймаем синие яблоки
мы подарим их легким страусам —
пусть летят в далекую Африку.

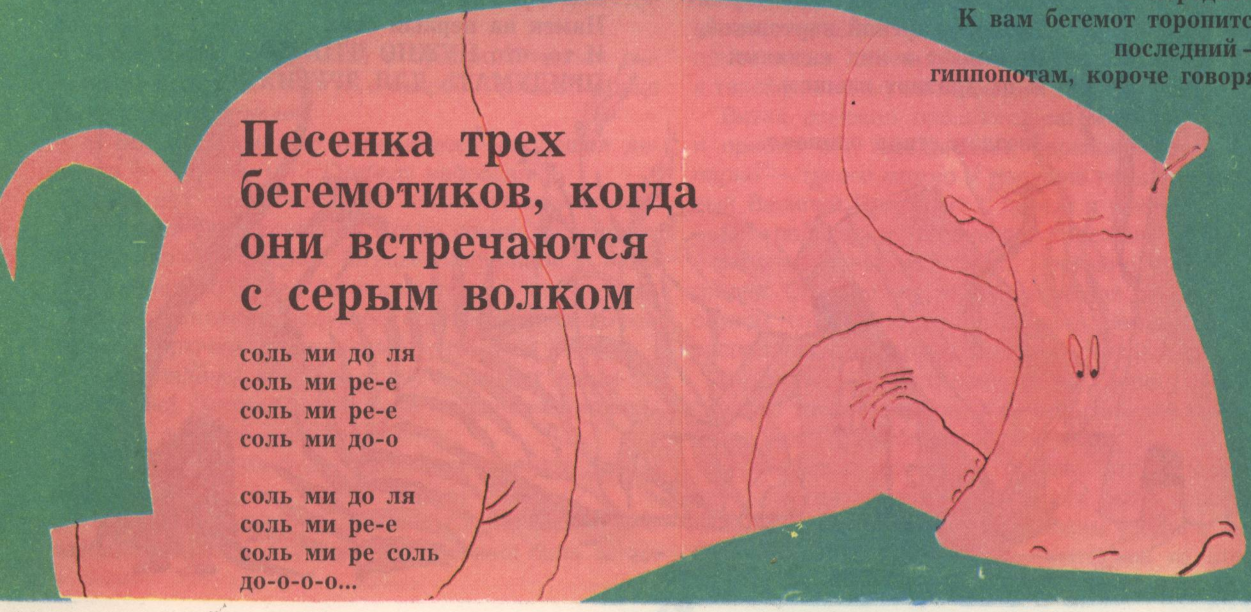
Сонет

Когда от вас последний пароход
умчится вдаль под всеми парусами,
не огорчайтесь! Потому что с вами
останется последний бегемот.

Он принесет малиновый компот
и белого кузнечика в панаме,
расскажет вам о жизни в Суринаме
и даже песню славную споет.

И пусть у бегемота голос робкий,
его не спрятать в спичечной коробке,
не заслонить страницей букваря...

Вы слышите, полы скрипят
в передней?
К вам бегемот торопится
последний —
гиппопотам, короче говоря.



Песенка трех бегемотиков, когда они встречаются с серым волком

соль ми до ля
соль ми ре-е
соль ми ре-е
соль ми до-о

соль ми до ля
соль ми ре-е
соль ми ре соль
до-о-о-о...

Алексей ЗАЙЦЕВ

У обочины...

У обочины дороги
Жил да был в консервной банке
И в коробке папиросной,
И в бутылочке молочной,
И в кофейнике дырявом,
И в скворечнике разбитом
Очень маленький и добрый
Необычный человек.

В банке он устроил баньку,
Спал в бутылочке молочной,
А кофейник приспособил
Под столовую и кухню.
Вы, конечно, догадались,
Для чего ему скворечник?
Он к скворечнику приделал
Настоящий телескоп.

Ночью он глядел на звезды,
Иногда рукой их гладил,
Песни пел, кормил картошкой,
Иногда — швырял в них камни,
Звал обидными словами,
Языком дразнил и фигой,—
В общем, все под настроенье
А совсем не просто так.

Но однажды по дороге
Проходили две лягушки
И куда-то утащили
И кофейник, и скворечник,
А несчастный человечек,
Увидав такое дело,
Взял железную монетку,
Разревелся и ушел.

И с тех пор его не видно
У обочины дороги,
И с тех пор его не слышно
Посреди лесов и речек,
И с тех пор никто не кормит
Звезды жареной картошкой,
Не кидает в них камнями
И не дразнит языком.

Звездам стало одиноко...

Неандерталец

Скалы огромный палец
Маячил в облаках.
Шагал неандерталец
С дубинкою в руках.

И толпы допотопных,
Широких, как зонты,
Растений бесподобных
Стояли вдоль тропы,

И толпы любопытных,
Похожих на коров,
Животных первобытных
Топтались у стволов.

Охотник и скиталец,
Куда, не зная сам,
Шагал неандерталец
По кручам и лесам.

Умылся он росою,
Позавтракал — козой.
Гремел над ним грозою
Зеленый Мезозой!

Сквозь узенькие щелки
На небо он глядел
И, раздувая щеки,
Как ветер он гудел,

А то — свистел, как птица,
А то — рычал, как лев,
И слушал, как родится
В груди его напев.

«Ау!» — кричал он скалам.
«Бу-бу!» — грозил слонам...
Певцом еще не стал он,
Но он оставил нам

Мычанье древней ноты,
Намек на первый стих
И то, что НУЖНО ЧТО-ТО
ПРИДУМАТЬ ДЛЯ ДРУГИХ!

Рисунок А. МАРТЫНОВА.

Александр ДОРОФЕЕВ

БЕРЁЗОВОЕ ПУГАЛО

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Дрозды клевали на огороде клубнику. Они резко и жирно квохтали, подзывая приятелей. Рано утром склевывали ягоды. До половины, со спелого бока.

Толстые коричневые тельца упруго подскакивали в клубничных зарослях. И Витек с криками выбегал из дому. Треща крыльями, стрекоча, дрозды скрывались в древесной листве. И следили оттуда, когда этому крикливому пугалу надоест торчать на огороде. А надоедало, конечно, быстро, потому что и делать тут было нечего, если не клевать клубнику.

Витек отыскал у сарая березовый кол. Прибил к нему перекладину.

«Вот и человек, верно, поначалу был такой же простой — тяп-ляп. А потом вон как изменился»,— думал Витек, роясь в сундуке.

Он отыскал две шляпы и три пиджака. Шляпы — летние, соломенные, мятые. А пиджаки приличные. Один пиджак Витек пожалел для пугала. Другой еще совсем недавно носил дедушка, так что сразу надевать его на пугало было не очень-то хорошо. Оставался третий — черный в полоску, достаточно пугальный.

В облаке нафталинового духа Витек вернулся к березовой крестовине. Пиджак оказался маловат в плечах. Обпиливая перекладину, Витек подумал, что можно ведь подыскать и брюки для пугала. Уж одеть его так, чтобы приятно было со стороны поглядеть.

Витек снова отправился в сундук. Откопал рыженькие брючата. Галстук с искрой. Прихватил еще ворох всякого тряпья.

— Вот куда пила-то подевалась,— подошел дедушка.— Что это тут? Одежду набросал...

— Да вот пугало мастерю! А то клубнику клюют.

— Какая тебе клубника, когда спишь до полдня. Тут чучело не помощник. Птицы-то поумнели. А иные люди — никак! Дрова бы попилил!

Витек, отвлекая дедушку, приложил к себе рыженькие брючки, достававшие чуть ниже колена.

— Погляди-ка, когда-то впору были, вот время-то! Дедушка смотрел на Витька, покачивая головой.

— Да, здорово вымахал...

Витек понял, что будет дальше, и принялся разбирать тряпки.

— Не много нажил,— заканчивал дедушка.— Все разбрасываешься. А у человека должна быть ясная цель в жизни. Эх ты! Так и будешь всю жизнь чучел строить?!

Дедушка вытащил из кучи шляпу и, примеряя, пошел к сараю. И сразу донеслись оттуда жужжание, постукивание, завывание — дедушка точил по заказу общества кружевниц деревянные колокольчики. Они получались, как настоящие! С деревянным же язычком. Березовые эти колокольчики подвешивали на сплетенные кружева. Они, конечно, не звонили — зато постукивали. Когда дедушка вытаскивал из сарая связки колокольчиков, они шелестели, как баранки.

Витек в душе во многом с дедушкой не соглашался. К примеру, сейчас он строил вовсе не чучело, а пугало. Тут большая разница. Чучело — так, пустяки. А у пугала твердая цель в жизни — пугать!

Так думал Витек, прибивая к березовой крестовине березовые руки и ноги. Хотелось колотить, колотить и слушать, как сухой стук бьется средь сосен.

Витек надел на деревянного человека рубашку. Накинул пиджак. Брюки налезли с трудом, цепляясь за сучки. Получился невысокий, помятый, но широкоплечий мужчина. Только из ворота рубахи торчал пока березовый обрубок.

«Вот так Вася! — обрадовался Витек.— Настоящий! Останется что-то в этой жизни после меня. Еще бы деревьев насажать!»

Он накрутил на березовую шею простыню, так что вышла хорошая белая голова, на которой удачно поместилась шляпа. А что же Васе в руку? Метла к такому костюму не подходит. Лопата, грабли, лом...

Витек отыскал прошлогодний желтый портфель и прибил его гвоздиком к березовой руке. Елки-палки — такого можно и дедушке показать. Березовый Василий Платоныч с целью в жизни!

Он подхватил легонького Василия Платоныча и бережно отнес на огород. Поставил у клубничной грядки. Снял шляпу. И, придерживая рукой, стукнул обухом топора по белой голове. Ветхая простыня расползлась, и наружу вылез березовый срез.

Витек невольно оглянулся на дорогу. Еще несколько точных ударов, и пугало Василий Платоныч утвердился у клубничной грядки.

Накрапывал дождь. В облаках плавало рваное небо. Пустая асфальтовая дорога была серо-синей, холодной, как осенняя река. Сосны уходили высоко вверх и там раскачивались, мотались из стороны

в сторону от ветра. Трещали, как сороки, дрозды, носясь меж деревьями. Завывал в сарае дедушкин токарный станок.

Только Василий Платоныч, пугало, стоял недвижно у клубничной грядки, посреди огорода. И даже желтый портфель, приколоченный гвоздиком, не покачивался в его руке.

Пугало вышло невеселое. Рожа какая-то простыночная. Мятая. Пока Василий Платоныч одевался в сторонке, за сараем, выглядел куда веселее. А теперь, приставленный к делу, явился вдруг кособоким, но до безобразия важным мужичонкой.

Витек принес краски. Долго рисовал лицо Василию Платонычу. Но образовались черненькие унылые, раскосые глазки, мягкий розовый носик и желтоватый румянец на щеках.

— Витек! Витек! — прокричал от сарая дедушка.— Обедать, что ли, пора?

Он подошел ближе.

— Фу ты! А я смотрю — с кем ты на огороде возишься-топчешься! Бродяжка какой-то. Во, как опуститься можно — пиджачишко мятый, брючки вкривь-вкось! А шляпа?! Погоди — я другую принесу.

Дедушка сходил в сарай за шляпой и сам надел ее Василию Платонычу.

За обедом Витек все время поглядывал в окно на пугало. Да и дедушка косился на огород.

— Фу ты, поставил его на беду. Так и кажется: на огороде чужие,— заворчал он наконец.— Смотри, обчистят его. И пиджак неплох, и шляпа. А портфель! Я бы и сам его поносил — хорош для колокольчиков.

— Пускай до осени у Василия Платоныча побудет,— попросил Витек.— А потом бери.

— Это он, что ли, Василий-то Платоныч? — нахмурился дедушка.— Придумал! Не хватало чучелам имена давать. Вот обчистят его — имени не спросят. Да и огород потопчут! Все ты, Витек, бездельем маешься. Чучел строишь! Себя, себя, Витек, надо строить — с молодых лет. А то неприкаянным останешься...

После обеда дедушка пошел прилечь-отдохнуть. А Витек заглянул в сарай.

Тут было множество инструментов, приспособлений, непонятных вещиц. Каждая на своем месте.

Витька удивляло, как это дедушка смог для каждого немого инструмента — молотка, пилы, стамески — подыскать свое место. Каждая проволочка висела на специальном гвоздике. Каждый болтик или шурупчик лежал в определенном ящичке, как в своем доме. Витек любил просто так смотреть на все эти молчаливые инструменты. А вообще-то они только с ним не разговаривали. С дедушкой-то вовсю! Одни повизгивали радостно, другие ворчали, третьи все время с дедушкой соглашались — да, да, да. Витек особенно их понимал. Спорить с дедушкой нечего. Ворчи тут или повизгивай, а все равно скажешь в конце концов — да, да, да.

Прав дедушка — ничего толком не умеет Витек. Пугало и то вышло неудачное, кособокое. Хочешь одно — получается другое.

Витек время от времени подходил к Василию Платонычу. Трогал за плоское плечо, ощущая под пиджаком, как и следовало, неотесанную палку. Что-то смущало Витька в огородном этом человеке.

Тяжелая черноватая туча выбиралась из-за сосен. В предгрозовых сумерках Василий Платоныч насупился. Беспокойство и хлопотливость появились в его тряпичном лице. От дождя оно сразу сморщилось, постарело.

Редкие прохожие спешили по своим делам. Остановиться толком не могли — рассмотреть пугало. А Василий Платоныч важно и прочно стоял на земле, как мастер своего дела. Никуда не торопился. И в то же время пугал.

Какая-то старушка, замерев у забора, долго глядела на Василия Платоныча. Помахала ему рукой. Крикнула — эй! эй! Но Василий-то Платоныч глазом, конечно, не повел. Старушка вдруг поняла, что не на того напала, и заспешила прочь, воскликнув: «Нежить!»

Вскоре на дороге показалась белая лошадь, впряженная в повозку, на которой сидел местный старьевщик, молодой мужик по фамилии Соловей. Он то и дело вскрикивал:

— Старье брани да со двора гони!!!

И слова у него как бы прыгали по ухабам — половинка подскакивала кверху, остальное проваливалось. Получалось будто побитое молью заклинание: «Тарье ворани!»

Соловей остановился у ворот, спрыгнул с повозки и направился прямо к Василию Платонычу. Оглядел его, пощупал пиджак, понюхал и поскреб ногтем портфель.

— Хороший парень! — сказал Соловей.— Беру его в товарищи! А тебе — пистолетик со свистком.

Он обнял Василия Платоныча и принялся потихоньку раскачивать.

— Погодите! — сказал Витек.

— Чего такое? — Соловей отступил на шаг, разглядывая пугало.— Эх ты! Здорово на деда твоего смахивает. Копия! Ну хочешь три пистолетика? — Он обошел Василия Платоныча, посмеиваясь.— Хорош! Ну ладно, подумай, а я еще заеду.

Посвистывая, двинулся он к белой лошади, которая в наступающих сумерках казалась просто бледной. Запрыгнув в повозку, Соловей гикнул, свистнул отрывисто в пистолетик и скрылся из виду.

А Витек застыл перед пугалом, с удивлением признавая дедушкины черты.

К вечеру совсем похолодало. Говорят, это полярный ветер проносится над землей — чуть выше сосен.

Невысоко, чтобы не угодить в эту зиму, пролетали две вороны, беседуя между собой, как немые, крыльями. Вскоре вороны расстались. Одна села на сухую бело-голубую и кривую сосну. Другая полетела в просветлевшее на закате небо.

Дедушка, маленький и худенький, вышел из сарая, постукивая колокольчиками. Голова его была засыпана тонким опилочным пухом. Опилки лежали на лице. Витек подошел и обнял его, ощутив под пиджаком воробьиное тельце с острыми лопатками.

— Будет баловаться-то,— отстранился дедушка.— Что успел за сегодня?

Витек насупился, как бы припоминая.

— Опять зря день прожил,— кивнул дедушка.— Так и промелькнет жизнь без толку.

— А за тобой Соловей приезжал на лошади,— брякнул вдруг Витек.— Так я тебя не отдал.

Дедушка махнул рукой, закашлялся, и опилки посыпались с лица. А березовые колокольчики вымолвили разом какое-то деревянное слово.

— Тьфу ты! — добавил дедушка и ушел спать. Он хорошо знал, что будет делать завтра, а что — по-

ДРУЗЬЯ!

Мы можем назвать выигрышные номера календарей-закладок. Это № 7 (серия «Пар»), № 10 (серия «Коллекция»), № 4 (серия «Пушок»), № 9 (серия «Парус»).

Как и в прошлом году, в игре участвовали многие тысячи читателей «Пионера». Правильных ответов пришло тоже немало. И вновь мы проводим «суперфинал» — дополнительную жеребьевку среди победителей. В результате жеребьевки должно остаться ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВЕК, самых удачливых, и эти «победители среди победителей» получат призы-сувениры «Пионера». Их имена — в следующем номере. Остальным — спасибо!

А мы вслед за серией «Парус» начинаем печатать серию «Пар».

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «ПАР»

слезавтра. И спал спокойно, тихо, потому что все на свете выходило у него так вот ловко.

Взошла пятнистая луна. А Витек сидел у дома на скамейке. Хотелось обернуться пугалом. Знать свое место в жизни — стоять уверенно среди грядок долгие годы.

Зайдя в дом, Витек выключил свет и присел у окна. Луна была ясная, без пятен теперь. Поблескивали листья. Мутно белела парниковая пленка. А пугало что-то не видать.

Окно запотело, и луна растянулась по небу светлым столбом. Протарахтел на дороге мотоцикл. Витек отворил дверь на улицу.

Дул сильный ветер, и сосновые лапы ползали по луне.

Вот он — пугало Василий Платоныч! Стоит. Не шелохнется под ветром. Портфель в руке на гвоздике.

Подойдя вплотную, Витек положил ему руку на плечо. Отсырел пиджак. Влажный. Провел пальцем по морщинистой щеке — лицо показалось скользким. Витек неловко щелкнул по носу, отчего на лице образовалась вмятина, и сказал вслух глухим, скучным голосом:

— Ну, хватит баловаться-то! Какой из тебя толк?

Оглянувшись на дорогу, он снял с Василия Платоныча пиджак. Рубашку Василий Платоныч никак не хотел отдавать, цеплялся каждым сучком. В последнюю очередь Витек снял шляпу и размотал простыню с плоским перекошенным лицом. Ноги и руки, что удивительно, отвалились сами собой.

Полная луна все так же светила в окно, и Витек долго не мог заснуть, вертелся так и эдак. Ему казалось, что внутри у него сучковатая березовая крестовина, как у бывшего Василия Платоныча,— тяп-ляп! Хоть бы листики какие распустились...

Утром, глянув в окно, Витек вздрогнул — по огороду с лейкой в руках деловито прохаживался Василий Платоныч. Наклонялся над клубничными кустиками, и лицо его разглаживалось.

Тихо улыбаясь и щурясь на солнце, приостановился он у голой березовой крестовины, вбитой среди грядок. И, как бы померившись ростом, пошел к дому.

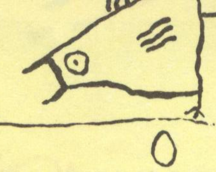
А на крестовину тут же уселся дрозд и долго вертелся из стороны в сторону, подрагивая хвостом — недоумевал вроде, какое простое устройство оказалось в серьезном человеке Василии Платоныче, пугале огородном.

АПРЕЛЬ

Пн	2	9	16	23	30
Вт	3	10	17	24	
Ср	4	11	18	25	
Чт	5	12	19	26	
Пт	6	13	20	27	
Сб	7	14	21	28	
Вс	1/8	15	22	29	

Это паровоз серии «У». Точно такой локомотив в 1923 году восстановили на первом субботнике рабочие Московского депо Рязанско-Уральской железной дороги. В январе 1924 года паровоз «У-127» доставил в Москву траурный поезд с телом В. И. Ленина.

Выпускались такие паровозы в самом начале нашего века.



Андрей УСАЧЕВ

День Летуна

В природе объявлен День Летуна:
«Летят все!
От курицы и до слона!»
Летят крокодилы, собаки, ежи.
Поднялись пингвины и даже ужи.
Пыхтя и ругая воздушные ямы,
На взлет отправляются гиппопотамы.

А стая буренок с утра у ларька:
В честь праздника там продают облака! —
Сырые, сухие и даже сгущенные...
— Нет лучше кормов! — утверждают ученые.

И вот черепаха по небу ползет.
И раки летят — только задом вперед...
И вот постовой, одолев притяженье,
Летит регулировать это движенье!

Летят инженеры, летят доктора,
Шахтеры, вахтеры и профессора.

И школьники, парами выстроясь в ряд,
С учителем Мухиным в небе парят.

И вот пролетает поверх голов,
Махая портфелем, министр Орлов!

На стройный и плавный полет горожан
Глядят делегации дружеских стран...

Один Петушков в этот день не летал,
Хотя объявленья в газетах читал.

Пришли и спросили мы строго его:
— А ты, Петушков, не летал ОТЧЕГО?!

Ужасно смутившись, промямлил Иван:
— Я... просто подумал, что это обман!

— Так что,— говорим,— Петушков, полетишь?
Тут он закричал:
— Кыш, проклятые, кыш!

Но за руки, за ноги взяли Ивана...
Рванулся Иван — и свалился с дивана.

Проснулся Иван и в холодном поту
— Простите,— сказал,— я заснул...
на лету!

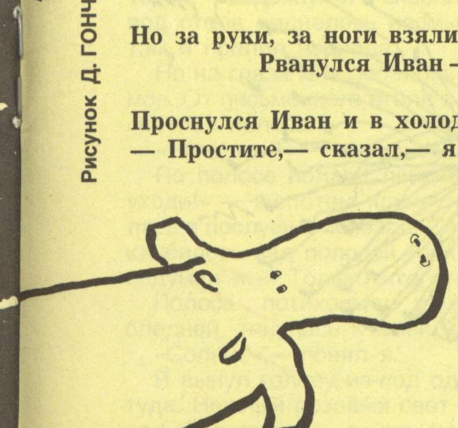


Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Шкатулка

Шкатулка — это штукалка
Для всяких разных штук.
Она побольше коробка,
Но меньше, чем сундук.

Шкатулка — это стукалка
Для всяких разных штук.
И если потрясти ее,
Услышишь: тук-тук-тук...
Наверно, что-то важное
В шкатулочке стучит.
Не зря же прячет бабушка
Шкатулку и ворчит.

Быть может, там сокровища
Несметные лежат.
А может быть, в шкатулочке
Закрыт пиратский клад?

А вдруг там домик маленький
Без окон и двери,
И кто-то в этом домике
Стучится изнутри!

А может быть, там гномики
Живут давным-давно,
И рубят гномы-плотники
В шкатулочке окно?

А может, эти плотники
Не рубят к нам окно.
А может, эти плотники
Играют в домино!

А вдруг волшебный замок там,
И танцы при свечах,
И кавалеры с дамами
Подметками стучат.

Заглядывал я в щелочку:
В шкатулочке — темно...
А если там веселое
Весь день идет кино?

А может быть, там целая
Шкатульная страна!
Но в маленькую щель она,
Наверно, не видна.

А может быть, и сами мы
В шкатулочке сидим
И на большой волшебный мир
Сквозь щелочку глядим?

А может быть, в шкатулочку
С ногами влез поэт.
Втащил с собою тумбочку,
Машинку, табурет.

Захлопнул крышку. И стучит,
Не покладая рук:
«Шкатулка — это шту́калка...»
Тук-тук... тук-тук... тук-тук...

Лев ЯКОВЛЕВ

Стихотворение о том, как я писал стихотворение о том, как...

Вдоль речки, что в овраге,
Бежали две дворняги.
У высохшей коряги
Навстречу вышли раки.
— Вы, раки,— раскоряки! —
Протявкали собаки.
Но раки-забияки
Сказали: — Это враки!
И долго раки в драке
Собакам драли баки.
Финал седьмой атаки
Скрывается во мраке,
Поскольку нужной рифмы
Нет больше в головаке!

Недостатки

У каждого в достатке
Найдутся недостатки.
Не буду их считать,
А буду вычитать.
У каждого в достатке
Отличные остатки.

Урок зоологии

— Отвечай-ка, Комаров.
— Что?
— Сколько ног у комаров?
— Сто.
— Кто гнездится в камышах?
— Рысь.
— Что ты знаешь о мышах?
— Брысь!
— Что ты крошишь, озорник?
— Мел.
— Ставлю двойку. Где дневник?
— Съел!

Спор

Сережа, например, считает,
Что эскимо — вот это да!
Антон кино предпочитает
И ходит каждый день туда.
Семен, конечно же, уверен —
Всего нужней велосипед.
Я спорить с ними не намерен.
Но вам открою свой секрет...
Прекраснее всего на свете
Сначала посмотрев кино,
Кататься на велосипеде
И есть при этом эскимо!

Робот из 3 «б»

Он в одно мгновение
Все решил примеры,
Вызвав удивление
У Петровой Веры.
И Петрова роботу
Заявила шепотом,
Косу теребя:
«Я люблю тебя!»
Это выражение
Он понять не смог
И от напряжения
В нем замкнулся ток.
Треснул трансформатор,
Взвизгнул индикатор,
Столько было грохота!..
Жалко, братцы, робота.

Да или нет

«Поступил ты очень скверно!» —
Говорят мне иногда.
Правы взрослые, наверно,
Только, может, не всегда?..

Вот однажды из буфета
Я достал пакет конфет
И раздал друзьям конфеты.
Скверно это или нет?..

В день рождения для мамы
Я покрасил дома рамы
И закапал весь паркет.
Скверно это или нет?..

А сегодня другу туго —
Ну, не сходится ответ!
Я решил пример для друга.
Скверно это или нет?..

Взрослым просто.
Все им ясно.
Им же очень много лет.
А если дети не согласны —
Скверно это или нет?..

Рисунок А. МАРТЫНОВА.

Борис МИНАЕВ

Светлая полоса

Рисунки Е. ДВОСКИНОЙ.

Я проснулся рано. Родители еще спали.

Я тихо встал с кровати и, стараясь не шуметь, открыл окошко. Во дворе было пусто. Асфальт блестел, наверное, утром шел дождь. Я поглядел в окна напротив. Там тоже все спали. Мне стало холодно, и я опять нырнул под одеяло.

Но глаза не хотели закрываться. Лежать было скучно. Тогда я повернулся на бок, накрылся одеялом по самые брови и сквозь маленькую дырочку поглядел на окружающий мир.

Мир был знакомый. На письменном столе стоял старый потертый глобус.

«Глобус-глобус, повернись ко мне Америкой, а к шкафу Африкой»,— тихонько засмеялся я. Темнело стекло книжного шкафа.

Я сделал щелочку еще меньше. Письменный стол сразу предъявил свои исцарапанные бока. «Эх ты! — солидно пробасил он.— Не бережешь имущество. А родители старались, покупали». «Да ладно тебе»,— вздохнул я и скосил глаза еще ниже, где из-под стола виднелось несмываемое пятно позора — там я пролил чернила.

Но на глаза мне попалось совсем другое, незнакомое. От письменного стола к двери тянулась матовая светлая полоса.

«Чего это?» — заволновался я.

По полосе ползла ленивая черная муха. «Эй ты, уходи!» — шепотом крикнул я ей. Муха встрепенулась и послушно исчезла. Серебристое облачко пыли клубилось над полосой легко и весело. «Красиво,— подумал я.— Только что это все-таки такое?»

Полоса потихоньку расширялась, становилась бледней, тянулась к моей кровати.

«Солнце»,— понял я.

Я вынул голову из-под одеяла и потянулся рукой туда. Нежный розовый свет окутал ладонь. Я пошевелил пальцами, почти невидимая тень от руки скользнула в солнечном блике. Полоса сделала яркой и выпуклой каждую трещинку на паркете. «Ух ты,— подумал я.— Прямо лунная поверхность».

Я прищурил глаза и, сделавшись крошечным, спрыгнул с кровати. Быть крошечным было интересно. Я прошел через всю светлую полосу огромное расстояние до книжного шкафа. По пути на меня напал вражеский самолет-муха. Но я храбро крикнул: «Прочь, козявка!»

«Надо стать еще меньше»,— подумал я и закрыл глаза.

Светлая солнечная полоса заполнила собою все пространство, весь мир. Я шел по ней и пел свою любимую песню: «Махнем не глядя, как на фронте говорят...» Идти было легко. Никого вокруг не было. Только свет, тепло, и все мое тело стало нежно-розовым, просвечивающим.

«Я — свет»,— подумал я и вдруг повернулся и открыл глаза.

Это продребезжал на улице трамвай.

Передо мной белел потолок. На нем я увидел знакомые трещинки и привычно прикрыл левый глаз. Трещины сразу стали Лицом. Лицо смотрело на меня всякий раз, когда я засыпал. Чем больше темнело в комнате, тем страшнее оно становилось, зрачки наливались сумрачной тяжестью, а на щеках проступали мрачные шрамы. Лицо никогда не давало мне вовремя заснуть. Я лежал в темноте и боялся.

Сейчас Лицо было бледным и несчастным.

«Ну, чего ты? — недовольно спросил я.— Чего случилось? Смотри, какое солнце».

«Твои папа и мама умрут»,— печально сказало Лицо.

Я отчаянно повернулся на бок и снова натянул одеяло. Приник к дырочке. Но светлой полосы уже не было. Был просто паркет с трещинами и пятнами. И лежали под самым носом мои старые тапочки.

«Нет,— подумал я.— Это будет нескоро, когда и сам я буду стариком. Мне будет лет сорок — пятьдесят. Все будет другим — и земля, и небо. Все желания людей будут исполняться. Никакой смерти не будет».

И я подумал... За что я люблю «Ласковый май»?

Я люблю «Ласковый май» за...

За тот день или вечер, когда действительно был ласковый май. Мне было 16, а ей, о господи, 24, и от этой разницы она была еще прекраснее в желтой мини-юбке, в очках с толстыми стеклами, вечно в делах, опаздывающая на час, на два... жара, очереди за газировкой, и я жду на Пушке, вплавленный в асфальт, и знаю — придет! И от этого «придет!» такое на душе...

...И еще за то, что когда все кончается, и тебе 16, и уже все кончилось, ни звонить, ни ждать еще чего-то больше невозможно, нельзя, глупо, и ты идешь по улице, уже в ноябре, когда слякотно и знобит, и знаешь, насвистываешь какие-нибудь «Белые розы» или, наоборот, «Йеллоу субмарин» и знаешь: это только начало!

И еще я люблю «Ласковый май»...

И еще я люблю «Ласковый май» за легкий пушок на ее губах, за вкус помады на своих — после, потом, за эту дикую прическу под мальчика, за нахальные глаза на бледно-скромном личике, за то, как она чертыхаясь, то и дело

Я снова повернулся на спину. «Ну что, съел? — сказал я Лицу.— Не будет никакой смерти!»

«А светлая полоса исчезла,— сказало Лицо.— Нет ее. Была и растворилась. Высохла, как лужа. Вот так и жизнь. Сейчас она есть. Мама встанет и будет жарить яичницу. Папа откроет балкон и начнет, пыхтя, поднимать гирю. По радио будет передача «С добрым утром!». Но это только светлая полоса. И она кончится. Эх ты, малыш-голыш!»

На секунду показалось, что это все правда. Глаза стали влажными, и через всю щеку потекла теплая слеза. Лицо стало уродливым, жалким и расплылось в бессмысленные линии.

«Ну вот и тебя не стало»,— подумал я.

Теперь я был совсем один.

«Надо разбудить маму и папу,— подумал я.— И прекратить всю эту ерунду».

И вдруг страшная мысль пришла ко мне: а если они УЖЕ умерли?

Стало трудно дышать.

Вдруг к нам ночью залез вор и зарезал маму и папу? Или они отравились?

Страх заключался именно в чудовищной нелепости этой идеи.

Я медленно встал и босиком подошел к закрытой двери. Там было тихо...

Я вошел к ним в комнату.

Мама, закрывшись полной смуглой рукой, лежала доверчиво щекой на одеяле. Папа, как всегда, накрыл голову подушкой и отвернулся к стене.

По кровати шла светлая полоса. Я прислушался. Родители не дышали.

— Мама! — слабо крикнул я.

Мама тяжело поднялась и села на кровати. Сонным движением запахнула кружева на груди.

— Ты чего кричишь? — низким недовольным голосом спросила она.— Сколько времени?

Я не знал, сколько времени. У меня ужасно стучало сердце. Мне стало стыдно, что я разбудил маму. И холодно — ведь я стоял босиком.

Я перелез через мамины ноги, юркнул в самую середину жаркой светлой полосы и крикнул в ухо отцу:

— Вставай, сонная тетеря!

— Грубиян! — сказал отец и натянул глубже подушку. Теперь оттуда виднелся только кончик носа.

— Ну, чего приполз? — сказала мама и упала на спину.— Иди умывайся.

Между ними было тепло. Прямо по животу ползла светлая полоса.

— Не пойду! — отчаянно сказал я и изо всех сил запрыгал на мягком, пружинистом диване.

— Иди! — строго приказал отец из-под подушки.— После завтрака в тир пойдем.

Я вскочил и заорал:

— Ура! В тир идем!

Мама и папа, как всегда, дружно рассмеялись.

— Француз! — сказала мама и сладко потянулась.

Это они смеялись над тем, как я выговариваю букву «р». Но мне было необидно. Я бегал по квартире и, картавя, кричал «ура». Пробегая через светлую полосу, я чувствовал нежное прикосновение к коже и вздрагивал от печального, полузабытого воспоминания.

...Когда мы пили чай, я, волнуясь, спросил их:

— Мама, папа, вы когда-нибудь умрете?

Они замерли.

— Умрем,— улыбнулся папа.— А ты нас хоть похоронишь?

— Боря, все умирают,— торопливо заговорила мама,— это закон природы, только это будет очень нескоро, не надо бояться, миленький, видишь, какие мы молодые, здоровые?

— Вижу,— ответил я.

В кухне пахло жареными котлетами, орало радио, на столе лежали хлебные крошки и лужица разлитого чая.

— Так похоронишь или нет? Меня? — упрямо спросил папа. Он прищурился, и его взгляд стал жестким.

Я сглотнул комок слез.

— Додик, перестань! — крикнула мать.— Не пугай ребенка, ты же видишь!

Отец сверкнул золотыми зубами.

— Я пошутил,— сказал он.— Никто не умрет. Лет через двадцать врачи что-нибудь придумают против смерти.

Но взгляд у него был такой же прямой и жесткий. Он словно бы задавал мне все тот же страшный, нелепый вопрос.

— Похороню,— прошептал я и положил руки в светлую горячую полосу.

— Боря! — крикнула мать. Но было поздно. Я все-таки заплакал.

...Через десять лет мне пришлось выполнить свое обещание. Я хоронил отца рядом с его матерью, моей бабкой, на Востряковском кладбище. Отец болел раком и умирал мучительной смертью.

Был хороший день. Сквозь листву пробивались лучи света. Много лучей. Меня успокоили, и я перестал плакать. Посмотрел на светлую полосу.

И все вспомнил.

застегивает левый сапог, а он все расстегивается, и она чертыхается, потом роняет сумку в лужу и уже чуть не плачет, а я смотрю на ее синее пальто со странными огромными пуговицами, и...

И...

И за воздух подъездов — гнилой и тревожный,— где мы целуемся и отшатываемся друг от друга, когда внизу грохает лестница.

За свет настольной лампы на письменном столе ее папы — все остальное мы потушили,— когда сижу, как деревянный истукан, на продавленном диване и обливаюсь холодным потом от того, что в любую минуту щелкнет в двери замок и придут родители.

За грустное лицо мамы, когда, явившись в первом часу ночи, жадно поглощаю котлеты.

За непередаваемый запах бензина весной.

За белые розы, которые покупаю и бережно заворачиваю в газету «Комсомольская правда».

За...

Как зовут солиста? Ах да, Юра. Спасибо, Юра! Пой, Юра! Давай, Юра!

За что же я люблю «Ласковый май»?

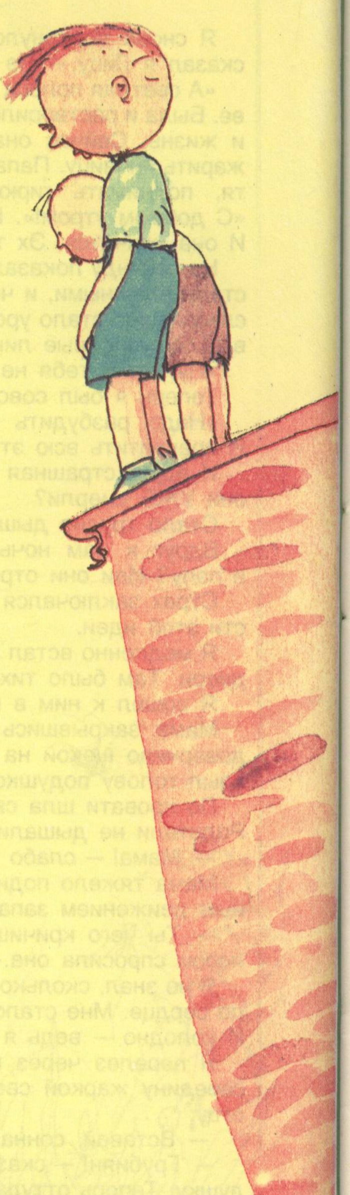
За желание выброситься из окна, если она не позвонит сейчас же.

И — как ни странно — за холодную трезвую мысль в жаркой темноте улицы, подъезда или комнаты: господи, какая же она некрасивая! Но это ничего, это не страшно, потому что можно погибнуть даже за накладной кармашек на ее легкой кофточке, не говоря уж о чем-то более существенном.

...Вот за это. И только за это. Ура, «Ласковый май»!

Борис МИНАЕВ

Олег ГРИГОРЬЕВ



Кривляки

Собрались кривляки кривляться,
Кто смешней скорчит рожу.
Не надо бы мне улыбаться,
Попал в их компанию тоже.
Был я в конкурсе зрителем,
А стал среди них победителем.

Глазок

ЕСТЬ у меня сегодня НЕТ,
Пошел я к другу на обед.
Тихонько постучался,
Никто не отозвался.
Стал молотить, стучать, бренчать —
Никто не хочет открывать.
Шесть раз я позвонил в звонок,
Затмился на двери глазок,
Какой-то подлый в нем секрет —
Там видно все, отсюда нет.
Но двери друг не отворил,
А дома все-таки он был.
Сказал бы просто: — Занят я.
А то какие мы друзья.
ЕСТЬ у меня сегодня НЕТ,
Пойду я к маме на обед.

Назло

Стоят на панели люди,
А мы по карнизу идем,
Ну и хохоту будет,
Если мы упадем!
Стояли люди, стояли,
Лишь продрогли напрасно,—
Мы как назло не упали,
Всех огорчили ужасно.

В одном городишке

В одном городишке,
Испачканном сажей,
Плескались мальчишки
В мазуте на пляже.

Ветер унес
В небеса их штанишки,
Домой нагишом
Побежали мальчишки.

Прохожие шли,
Не заметили даже,
Думали: в черном они
Трикотаже.

В лодке

В лодке плыл я по воде.
На воде я или где?
Я пощупал дно под лодкой,
Оказался шест короткий.
Тут луна и там луна —
Под водой я или на?
Может, я отображенье
Моего лишь отраженья?
Я и сам не знаю, где,
В небе я или в воде.
Между скопища созвездий
Так и плыл я, так и ездил.

Батон

С длинным батоном под мышкой
Из булочной шел мальчишка,
Следом с рыжей бородкой
Пес семенил короткий.
Мальчик не оборачивался,
И батон укорачивался.

Рисунок В. БУРКИНА.

Светлана ВИНОКУРОВА

РАССКАЗ

Где оно осталось

Рисунки А. БАЛДИНА.

Вчера бабушка сказала, что сливы уродилось слишком много и она поедет ее продавать. И домой в этот день не вернется, проведает тетю Олю.

Я так обрадовался, что полвечера лазил по стремянке, весь поцарапался, но насобирал целых два ведра. Наконец-то наше с Витькой давнишнее желание — переночевать в сарае его бабушки — могло исполниться! Ведь его бабушка не была против, это моя не разрешала.

И вот сегодня я помог ей дотащить сливы до автобуса и побежал вместе с Витькой делать плот. Мы еще позавчера спрятали в ничейном саду, где всегда играем, старую калитку из тяжелых серых досок. Засунули ее в кусты крыжовника. Теперь надо было доволочь ее до пруда, прибить с двух сторон по сухому бревну для большей плавучести и начать испытывать.

Пруд был как раз за ничейным садом, неглубокий — мне местами по шейку, но широкий и со стороны деревни удобно заросший высокими камышами. По воде пошли настоящие волны, когда мы столкнули готовый плот с мостков! Даже облака в пруду закачались и пропали.

Витька толще меня, хоть и младше на год. Поэтому мы решили, что испытывать буду я. Но только я шагнул на плот, как он косо пошел вниз, и ноги начало заливать зеленой водой. Она так быстро поднималась, что я на секунду забыл, где я и какая жалкая глубина под моими пятками. Но тут же вспомнил, переступил в центр, и плот выровнялся и всплыл.

Отталкиваясь длинной палкой, я поплыл на ту сторону, а Витька бежал по берегу, спотыкался и кричал «ура». Славик, шестилетний малявка, несся за ним и тоже вопил во все горло.

Но вдвоем у нас ничего не вышло, сколько ни пробовали: Витька не удерживал равновесия и падал, плот сразу вставал на дыбы, и я тоже плюхался.

Когда прибежали Инка с Настей, на плоту был Славик. Он стоял на четвереньках и пищал, вцепившись в доски, а мы с Витькой брызгались и раскачивали плот.

— Баба Нюша котят топит! — закричали нам девчонки.

Ее дом недалеко от пруда. Мы подплыли к берегу и побежали смотреть. Баб-Нюши во дворе не было, мы подошли к самому забору и увидали у задней двери ведро — наверное, из-под умывальника, потому что вода в нем была очень мутная. И бурлила, словно ведро стояло не на затоптанной траве, а на плите и в нем что-то варилось — так сильно там мелькало.

Мы стояли, смотрели и даже не заметили, как в дверях появилась баба Нюша. Она, носатая и почти всегда хмурая, и сейчас тоже была хмурой, а в руке что-то держала.

— Ну-ка брысь отседа,— сказала она.— Чего прибежали?

Мы ее боялись — не знаю, почему. И молча попятились от забора. А она вытянула вперед коричневую руку, и на ее сморщенной ладони зашевелился черный комок, маленький, но уже пушистый.

— Нужно кому? — спросила она, словно про вещь — про варежку словно... И вдруг начала кашлять, прижав к животу пустую руку.

Девчонки еще немного попятились и спрятались за нас...

— Ну! Жалельщики!

Вода в ведре стала уже неподвижной, но, когда котенок упал в нее, снова забурлила. Мы стояли, как заколдованные, и только Славик заплакал и убежал...

С лопатой и ведром баба Нюша заковыляла к елке, которая росла в углу ее сада. Она выкопала ямку, вылила туда из ведра и начала забрасывать землей. В ямке ничего не было видно, кроме мутной воды, и землю баба Нюша кидала прямо в эту воду.

Инка с Настей одинаково заморгали, сели на корточки и принялись рвать кашку, а мы с Витькой пошли к пруду.

— Из кашки венков не выйдет,— сказал Витька.

— Ну,— согласился я...

Чтобы больше не думать про это ведро, надо было быстрей начать думать про что-нибудь другое, и я вспомнил: время-то!

Часы Витька носил в кармане — у них сломалась скобка, за которую просовывают ремешок. Витька достал их и сказал:

— Восемь! Ой, не успеем...

Мы вскочили и понеслись. Чтоб им всем провалиться — и этим девчонкам с их дурацкими сообщениями, и бабке Нюше! У нас с Витькой такой план, и вот сами его срываем...

Мы его придумали, когда заметили, что под горкой каждый вечер какой-то дядька на бело-сером коне прогоняет табун. Я за всю жизнь сидел на лошади один раз, когда бабушка в начале июля брала ее у лесника опахивать картошку. А Витька вообще ни разу. И мы придумали так: четыре дня подряд встречать того дядьку у дороги. Просто стоять, и все, чтоб он нас запомнил. А на пятый познакомиться и попросить покататься.

Сегодня был четвертый!

И мы опоздали. Лошади уже были у поворота к лесу. Мы видели, как он два раза оглянулся, но нас не заметил. И на повороте вовсе остановился и стал прикуривать! В первый раз мы его встретили как раз на том повороте. Но сейчас добежать туда ни за что бы не успели.

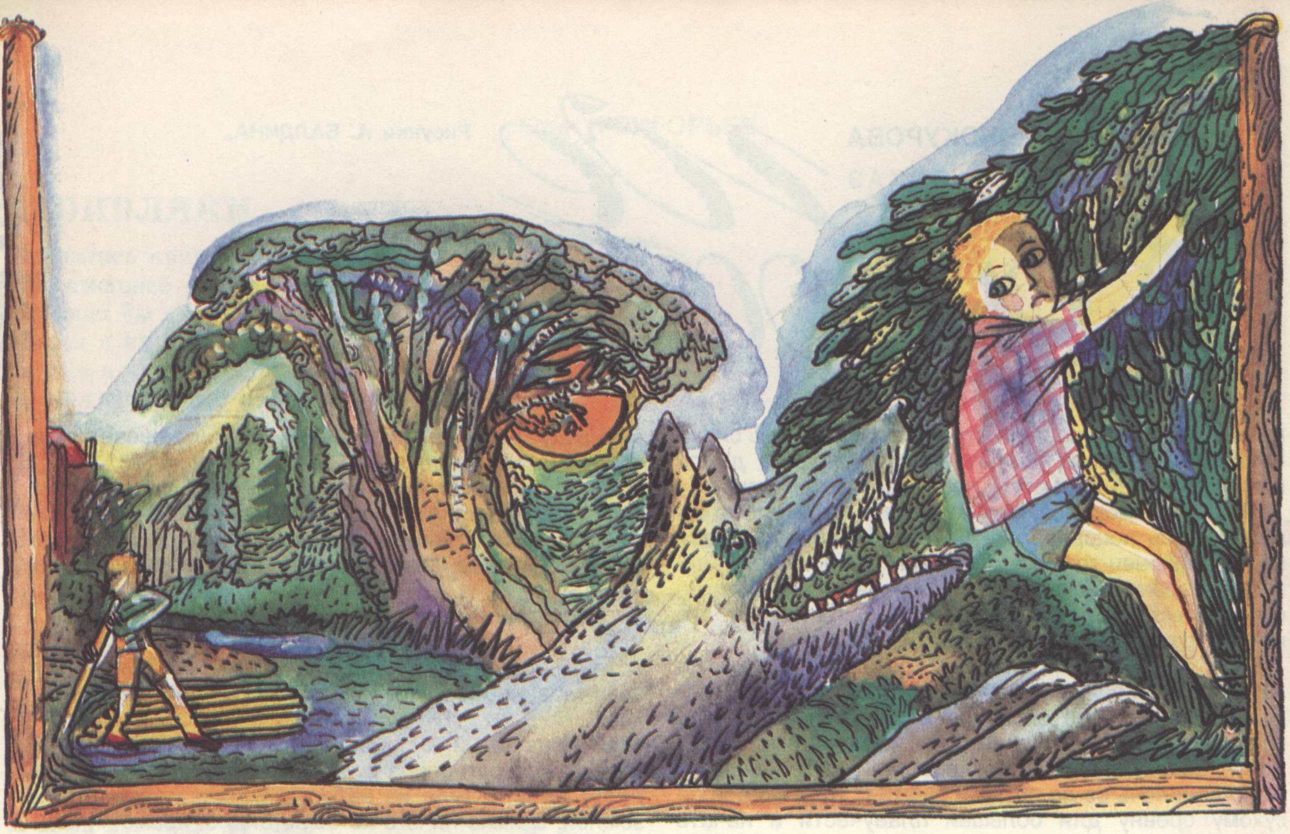
Я знал: он из-за нас приостановился! Точно из-за нас, потому что вчера улыбнулся, повернув к нам лицо, когда проезжал мимо. Сегодня ждал, наверно, что мы опять придем смотреть на его лошадей, а мы не пришли.

— Витька, давай все время его встречать,— сказал я.— Даже если не даст покататься.

— Ха! Еще как даст,— ответил Витька.— Видал, как оглядывался? Все идет по плану!

Я приставил указательный палец к его спине:

— Шнель, партизанен!



Витька отскочил и приготовился бороться, но я не стал. И подумал, что чувствую себя каким-то обманщиком перед тем дядькой, которого даже не знаю, как зовут, а Витька почему-то — ни капельки.

Солнце садилось и делалось все оранжевей. По саду бабы Нюши бегал спущенный с цепи рыжий лохматый Жулик, и Славик что-то просовывал ему сквозь палки изгороди и звал хриплым голосом — видно, долго ревел:

— На, Жулик, на!

Баб-Нюшин сад рядом с нашим, заброшенным. В нем здорово стреляться зелеными яблоками, но ни стреляться, ни плавать на плоту сейчас не хотелось. Я опять вспомнил, как мелькало в ведре, и внутри стало ужасно противно...

Витька вдруг ойкнул:

— Ой, Саш, чего я придумал! Смотри. Вытаскиваем Жулика и конвоируем малышню, как пленных. Они разбегаются, а мы их ловим!

— А кто залез на дерево, тот спасся! Здорово, Витька,— обрадовался я.

Раздвинув палки в изгородке, мы выманили Жулика, привязали к ошейнику обрывок веревки и велели Славику позвать девчонок. Жулик был пес бестолковый, но совсем не злой, и никто его не боялся. Мы с Витькой разыграли на пальцах, кому первому вести Жулика. Выпало мне.

У куста шиповника пленные напали на нас, мы упали в холодную траву, посчитали до десяти и бросились в погоню. Жулик летел, как зверь! Я еле поспевал за ним, сжимая намотанную на ладонь веревку. Инка с Настей карабкались с двух сторон на яблоню, а Славик несся к черемухе, и я побежал за ним. Жулик прыгнул, но не достал: Славик успел долезть до нижней ветки и отдернуть ногу.

После меня пса взял Витька, и мы сыграли еще раз. Жулик так вошел в роль, что Витьке даже не нужно было его направлять. И когда он подлетел к Инке, с перепугу свалившейся с яблони, она обхватила голову руками и завопила так, что мы чуть не оглохли. Чтобы прекратить рев, я сказал, что теперь пленными будем мы с Витькой, а Жулик перейдет к ним.

Пес тряс лохматой башкой и крутился. Девчонки не решились его взять, хотя роль конвоиров им понравилась, и веревку схватил Славик.

Они повели нас. Низкое солнце светило красным на яблони и заросли кустов, руки я держал за спиной, и Жулик жадно дышал мне в ноги. Ветер стих, деревья и кусты были неподвижными и какими-то чужими. И мне вдруг сделалось тревожно. Смешно — словно и правда с Витькой и со мной что-то могло случиться!

У шиповника мы на них напали, освободились и побежали сначала вместе, а потом поодиночке, а Славик стал старательно выкрикивать:

— Раз! Два! Три! Четыре!

На пяти он замолк, и я оглянулся. И увидел, что Жулик вырвался! Славик и девчонки бегут за ним, а он — за мной! Один!

Я резко свернул, споткнулся, через кусты слетел кувырком во впадину высохшего прудика, но сразу вскочил, вылез на другую его сторону и забрался на подвернувшуюся старую яблоню.

Тут я отдышался и вслух назвал себя дураком. Даже по лбу с досады постучал. Надо же было так испугаться! И кого — Жулика!

— Витька! — крикнул я.— Ты где?

— Зде-есь! Иди к нам! Только осторожно!

Сделав на всякий случай крюк вдоль баб-Нюшиного сада, я вышел к ребятам и еле успел впрыгнуть на соседнюю с Витькой черемуху. Потому что Жулик бросился ко мне, как настоящая немецкая овчарка!

Инка с Настей сидели на яблоне, уткнув подбородки в колени. Я посмотрел на Славика. На носу у него светилась розовая царапина. Он всхлипнул:

— Мне домой пора, бабушка заругается...

— Витька, ты чего? Поймать его, что ли, не мог?

— Ага, нашел психа,— ответил Витька.— Сам поймай! Попробуй.

Жулик бегал внизу, взволнованно задрав морду, и лаял. Если б раньше знать, что ему так понравится охота на людей!

Витька вдруг привстал и закричал:

— Колян, привет!

На тропинке стоял Витькин старший брат. Он помахал нам рукой. А рядом с ним были двое, взрослая девчонка и высокий парень, и тоже глядели на нас.

— Какая чере-емуха! — протянула девчонка.

— Успеешь, Тань,— сказал ей высокий.

— А я сейчас хочу,— ответила она и пошла прямо ко мне. Но Жулик бросился к ней, и она попятилась — прямо как балерина по телевизору!

— Это ваша собака, ребятишки?..

— Нет,— ответил я и спрыгнул с черемухи. Весь глупый страх перед Жуликом пропал, будто его и не было. Эта Таня смотрела на меня и Жулика и опасливо улыбалась. У нее были очень кудрявые волосы, светлые, а глаза, наоборот, темные...

Я схватил Жулика за ошейник и потащил к бабНюшиному саду. Один раз оглянулся, но она на меня уже не смотрела, а рвала ягоды, нагнув ветку черемухи...

После ужина Витькина бабушка постелила нам в сарае. Там оказалось так здорово! Лежать было мягко, пахло сеном, накошенным в этом году, а в узком оконце поднималась розовая луна. Мы с Витькой по очереди подпрыгивали, чтоб увидеть ее, она висела низко, над лесом, а окошко было прорублено высоко. Потом Витька попробовал залезть мне на спину, но я не устоял и свалился, и мы с ним поборолись и просто повалялись в сене.

Вдруг он сказал:

— А они в лес ушли. Картошку печь.

От неожиданности я даже сел.

— Ух ты! Вот бы нам с ними...

— Ха! — сказал Витька. Я ужасно не любил, когда он говорил это «ха».

Я снова лег и увидел, как Таня, Олег и Колян сидят у костра, разговаривают и едят печеную картошку. Мы с Витькой тоже пекли картошку, но днем. Ночью я еще ни разу в жизни ее не ел.

И я сказал ему:

— Витька, давай найдем их! Подкрадемся, спрячемся, а потом вылезем.

Я так хорошо представил себе все это, что был на сто процентов уверен в успехе. Что Таня, Колян и Олег нас не прогонят. Еще я подумал, что интересно было бы посмотреть, напугается она нас или нет. Жулика она очень смешно напугалась.

— Ну ты даешь,— ответил Витька.— Глянь, как темно. И все равно прогонят...

Но я его уговорил. Витьку трудно уговорить, когда он чего-нибудь не хочет, но тут я его уговорил.

Фонарик у меня хороший, светит далеко. Но только мы вышли за деревню — Витька попросил его выключить. При нем, говорит, еще страшней. В этом я Витьке завидую — что думает, то и говорит. А я стесняюсь и поэтому часто думаю и говорю поразному...

К черным кляксам кустов мы старались не приглядываться, смотрели вперед, и костер заметили издалека. Сперва крались, а потом долго ползли попластунски. Витька громко сопел, но они ничего не слышали за треском костра и магнитофоном, маленьким таким, портативным. У меня дома тоже есть такой.

Олег был длинный, белобрысый, и анекдоты у него были не то что несмешные, а тоже какие-то слишком длинные... Вот Колян рассказывал хорошо. А Таня слушала, улыбалась и курила. Глаза у нее были еще темней, чем в саду, и я подумал, что вылезать из этих кустов даже не хочу. Но когда Колян стал выкатывать из углей картошку и говорить: это тебе, а это тебе, Витька толкнул меня плечом и громко спросил:

— А мне?!

Колян вытащил на полянку меня и Витьку прямо за воротники и начал смеяться. Куртка у меня была расстегнута, и я вывернулся, оставив ее у Коляна в руках, смеялся он обидно, и вблизи от него сильно пахло тем, что они тут пили. Но домой нас все-таки не отправил! За меня и Витьку заступилась Таня.

Картошка получилась немного сгоревшей, но все равно очень вкусной. Колян с Олегом, взяв мой фонарик, пошли искать сушняк, а мы с Таней остались у костра. И она вдруг спросила:

— Саша, что тут у вас есть интересного?

— Лошади,— ответил я. И рассказал, как мы

с Витькой бегаем встречать того дядьку на белосером коне.

— Никогда живой лошади вблизи не видела! — серьезно сказала Таня.— Вот бы поглядеть.

Я знал, что в соседней деревне, за полем, живет лесник и его лошадь по ночам пасется вокруг деревни сама. Это не слишком далеко, каких-то три километра. Мы с Витькой ходили к ней вечером, но подойти так, чтоб залезть, не смогли. Хлеб она брала, но к боку подойти не давала, отпрыгивала и поворачивалась задом. Наверно, лесник потому и отпускает ее пастись одну — знает, что никому она не дастся. Про нее я тоже рассказал Тане.

И когда пришли Олег и Колян, Таня сказала, что хочет в ту деревню. Посмотреть на ту лошадь. И они ее послушались!

Вместе идти было ничуть не страшно, наша общая с Витькой тень смешно шевелилась слева от нас, а луна давно поднялась очень высоко и была не голубая и не желтая, а какая-то бело-зеленая! И сияла так, что Витька увидел на своих часах секундную стрелку.

— Витька,— сказал я,— а луна-то зеленая.

Колян услышал и заржал:

— Сам ты зеленый, шкет голопузый...

— А что, зеленоватая,— поглядев на небо, сказала Таня. А потом засмеялась: — А ты обзови его тоже! Я разрешаю! — И положила руку мне на голову.

— Очень надо,— пробормотал я, не понимая, чего мне больше хочется — провалиться сквозь землю или улететь на эту проклятую луну...

Поле со стерней кончилось, и началось просто травяное поле с одинокими деревьями. Та деревня, куда мы шли, была в низинке, мы все спускались и спускались, и под музыку было так здоровско идти!

Около дома лесника лошади мы не увидели, и Колян велел нам с Витькой посмотреть, не пасется ли она в другом месте. Мы обошли всю деревню, но вернулись ни с чем — лошади нигде не было.

Колян и Олег сидели на телеге, а Таня стояла у хлева. Она махнула нам, и мы подбежали.

— Там кто-то есть!

Я встал рядом с Таней, приложил ухо к бревну и услышал ее дыхание. И свое. А потом и то, другое, которое за стенкой. Точно, кто-то там шевелился.

Колян и Олег подошли и стали щупать двери.

— Не, изнутри заперто, не открыть,— уверенно прошептал Колян.

— Значит, так ее и не увижу? — сказала Таня.

Олег пожал высокими плечами:

— Сдалась тебе эта лошадь...

А я заметил окошечко. Совсем маленькое. Стекло в нем держалось на загнутых гвоздях, и я попробовал повернуть их. Они повернулись, стекло очутилось у меня в руках, и я поставил его на землю, прислонив к стене.

— Во,— сказал я Коляну.

— Голова! — восхитился он.— А пролезешь?

— Спрашиваешь. Только дай фонарик.

— Тьфу ты, у костра его оставил...

Мне дали спички, подсадили, и я протиснулся внутрь. Тьма там была кромешная. А сердце колотилось так, что первую спичку я сломал. Но вторую зажег и в ее красноватом свете увидел, как по противоположной стенке шарахнулись двое белых козлят и замерли в углу.

Взрослой козы я не заметил. И никакой двери тоже. Кругом были одни тесные бревенчатые стены, а из щелей очень низкого потолка свисали клоки сена и паутина. Спичка потухла. И мне показалось, что я никогда уже отсюда не выберусь... Как можно

быстрей зажег еще одну и разглядел напротив дверцу. Ух, как я обрадовался...

Толкнул ее, она заскрипела — и я увидел лошадь! Она тоже посмотрела на меня и протяжно фыркнула. А слева была та дверь на улицу, про которую Колян говорил, что она заперта изнутри. Она и правда была закрыта на толстую палку. Я вытащил эту палку из железных скоб и открыл дверь.

— Ну! — подскочил Колян.— Здесь?

— Здесь,— выдохнул я.

— Ну давай, выводи! Сейчас выведет!..— сказал он подошедшим Тане и Олегу.

Я хотел попросить, чтобы он помог мне, хотел попросить его или хотя бы Витьку. Но теперь уже было неудобно, и я пошел к лошади один.

Она стала как будто больше, чем была в июле, и когда повернула ко мне голову, в ее огромных глазах я увидел свою горящую спичку. Сначала в левом глазу, а потом в правом.

Уздечки на ней не было, уздечку я узнал бы. Было что-то непонятное из ремешков, и к одному под подбородком оказалась привязана веревка. Я на ощупь отвязал другой ее конец, прикрученный к столбу, и начал гладить лошадь по высокой теплой шее и звать на улицу. Она сильно и горячо ткнулась мне в ухо, тяжело переступила ногами, но вперед не пошла.

Тогда я стал гладить и осторожно шлепать ее по круглому, ужасно живому боку с гладкой шерстью, но она все равно стояла на месте.

— Чего застрял? — услышал я голос Коляна из открытой двери. И, совсем растерявшись, сделал несколько маленьких шагов и потянул за веревку. И тут случилось неожиданное. Она прыгнула мимо меня к двери — и пропала! Только дверной проем стал на мгновение темным. И еще я услыхал глухой короткий топот. И горела ладонь, обожженная вырванной веревкой. И все.

Если б я мог исчезнуть — исчез бы, не раздумывая. Только бы не выходить наружу, к ним...

— Эх ты, она ж нас перекалечить могла! — Колян потряс руками, и я увидел, что он уже очень пьяный.

— Да ладно психовать, отстань от ребенка,— сказала Таня, как-то скучно, плохо сказала.— Пора домой, мальчики, я что-то устала...

Олег громко зевал. Они шли впереди, мы с Витькой — сзади. И смотрели по сторонам: вдруг увидим лошадь? Но не видели. Она была умная и к тому же знала эти места лучше нас. Спряталась где-нибудь и ест себе траву...

— Ты не бойся, я тебя не выдам,— тихо сказал Витька.— Ты зря туда полез, но я никому не скажу, что это ты.

А я и не сообразил, что лесник может начать разыскивать тех, кто к нему забрался. И правда: залезли, открыли дверь, выпустили лошадь... Но мы же ее не украли. Она же утром придет — в первый раз ей, что ли, пастись ночью одной.

Но немного я испугался. И, может, испугался бы сильнее, если б начал про все это думать. Но тут Витька захотел посмотреть, сколько сейчас времени, и очень расстроился, потому что не нашел часов.

— Раззява...— сказал Колян.— Сбегай, глянь у телеги! Мы вон у той скирды обождем.

Я пошел вместе с Витькой. Часы мы с ним увидали одновременно. Они лежали около хлева, на земле, белея кружком циферблата. До чего ж приятно находить то, что потерялось! Витька шепотом закричал «ура», смахнул рукавом пыль со стекла, послушал, как идут, и мы побежали к скирде.

Но Тани, Коляна и Олега там не оказалось.

Неужели не подождали? Ведь Колян обещал! А может, залезли наверх и молчат, чтобы разыграть нас?

Мы с Витькой быстро вскарабкались на скирду и поняли, что никакой это не розыгрыш — скирда была пустая.

Выходит, правда, ушли, не подождали...

Мы посмотрели на дорогу и увидели всех троих: слева от Тани шел Олег, справа — Колян. Только по росту их и можно было различить. Отошли они недалеко, и Витька вскочил и сказал, что догнать их плевое дело, если бегом.

— Бегать еще за ними,— ответил я.— Сами, что ли, не дойдем...

Витька плюхнулся рядом, и мы с ним сидели и смотрели, как они уходят. Хоть бы раз остановились! Хоть бы кто-то, ну кто-нибудь из них спохватился, почему нас до сих пор нет! Я вдруг почувствовал, что запросто могу заплакать. Если б не Витька, может, так бы и сделал. А они все уходили и уходили... И ушли совсем.

Солома на скирде была сырая и жесткая. Я лег на живот и спросил Витьку:

— Слушай, Вить, а чего ты баб-Нюшиного котенка не взял?

— Я? Не знаю... А ты?

— Тоже не знаю. Наверно, растерялся. Дураки, что не взяли.

— Ага.

Небо на востоке заметно посветлело. Мы еще полежали, а потом съехали вниз и пошли. Сразу за деревней начался туман, и чем дальше мы от нее отходили, тем он делался сильней. Коленки быстро промокли от росы. Я задевал пальцами пушистые макушки самых высоких травинок и смотрел по сторонам — кругом ничего уже не было видно! Шагов на тридцать еще было, а дальше уже не было. Будто там все-все кончалось и земля переходила в небо. Или небо в землю. Кажется, пробеги поскорей эти тридцать шагов — и успеешь потрогать место, где они соединяются... Сплошное, мягкое, серое.

— Смотри, Витька, мы как на блюдце,—. сказал я.— Где мы, тут и трава, и все! А за краями словно нет ничего.

— А это что? — Он ткнул пальцем вбок, и я увидел огромное темное пятно, высоко и неподвижно висящее прямо в воздухе.

— Дерево...— шепотом сказал я и остановился. Витька был прав, оно висело далеко за краями круга, в котором мы стояли.

— Ага! А говоришь, нет ничего.

— А вот они не дождались тумана — и ничего не увидели! — сказал я.— Вот бы заблудиться тут насовсем, а, Витька?

— Тьфу-тьфу-тьфу! — поплевал он через левое плечо.— Пошли отсюда, пока правда не заблудились.

Мы пошли, и я оглянулся, чтобы посмотреть на то дерево еще раз. Но его уже не было... Как быстро оно пропало. Нет, все же здорово было бы вернуться и заблудиться там, где оно осталось! Витька зря меня не понял. Ведь все это ненадолго. Потому что скоро поднимется солнце, и тогда начнется настоящее утро...

...И я подумала:

ты взрослеешь, мучаешься от непонимания тех, кто рядом, открываешь свое одиночество в человеческом мире — и не подозреваешь о близких тебе людях только потому, что они жили лет за тридцать или, может быть, за двести до тебя. А ведь в жизни человечества существуют не только «горизонтали»: твое поколение, или поколение твоих папы и мамы, или — бабушек и дедушек. Есть и «вертикальная» связь между людьми! Особенно нужная тому, кого трудно назвать «типичным (то есть похожим на многих других) представителем» своего времени.

Взаимопомощь родственных душ, взаимопонимание через поколения и века — это здорово. И ни к чему приводить примеры! Смотри, читай, думай — обнаружится столько удивительного...

Так что не отчаивайся, если среди тех, кто окружает тебя, ты пока не нашел друга. Ищи его «по вертикали», и мысли, поступки, жизнь найденного тобой для себя человека станут твоим спасением и поддержкой. А когда-нибудь ты непременно найдешь друзей и среди тех, кто окажется рядом с тобой. Люди, которые хотят понять окружающих и сами стараются быть понятыми другими, не настолько редки, чтобы они никогда не встретились.

Желаю тебе счастливых встреч и с теми, кто был, и с теми, кто есть. И с теми, что придут после, кому, может быть, окажется необходим опыт именно твоей жизни, кому однажды, как воздуха в подземелье, не будет хватать никого иного, как тебя. Хорошо бы дорасти до тех, кто дружески протягивает нам руку из прошлого! И не подвести ждущих нас в настоящем и будущем...

Светлана ВИНОКУРОВА

Николай ЛАММ

Портной по имени Лопух

В одной стране,
в стране одной,
а может, даже в двух,
жил удивительный портной
по имени Лопух.

А звали все его Лопух,
представьте-ка,
за то,
что он для комаров и мух
шил шляпы и пальто.

Хотя давно известно нам
от наших мам и пап:
пальто не нужно комарам,
не носят мухи шляп.

А он, позавтракав слегка,
садился за дела.
Была легка его рука,
быстра его игла.

Кричали все ему:
— Постой!
Да ты и впрямь — Лопух!
Но шил,
и шил,
и шил портной,
к чужим советам глух.

И на него со всех сторон
махнули все рукой:
мол, недалек,
и несмышлен,
и неумен портной.

Я тоже так ему кричал,
но, знайте,
только что
я муху в шляпе повстречал
и комара в пальто.

И значит,
что в стране одной,
а может, даже в двух,
еще живет
и шьет
портной
по имени Лопух.

Жил на свете кое-кто

Жил на свете кое-кто
где-то кое-как.
Кое-кто носил пальто,
шляпу и пиджак,

ел овсянку по утрам,
тихо брился сам
и работал где-то там
с горем пополам.

Вечерами он гостей
никогда не звал,
слушал сводку новостей,
бутерброд жевал,

не любил зверей и птиц,
кошек и собак,
не терпел счастливых лиц,
опасался драк,

ненавидел громкий смех,
сам всегда скучал,
на своей работе всех
нудно поучал:

— На паркете не следи!
— Руки чище мой!
— Много чая не клади
в чайник заварной.

Было все ему не то,
было все не так.
Но до смерти кое-кто
прожил кое-как.

А как умер кое-кто —
навсегда, всерьез,—
не пришел к нему никто
и не пролил слез,

не нашлось ни у кого
пары добрых фраз...

А ВЕДЬ ВДРУГ
НА ОДНОГО
СТАЛО
МЕНЬШЕ
НАС.

Рисунок А. МАРТЫНОВА

Олег КУРГУЗОВ

Сухопутный или морской?

Рисунки В. БУРКИНА.

Когда мыши стали ходить по нашему дому пешком, мама сказала:

— Я сомневаюсь в том, что наш кот Лукьян сухопутный!

— А какой же он?! — удивился папа.

— Может быть, он морской котик,— предположила мама.

— Поясни мысль! — сказал папа.

И мама пояснила:

— Если бы он был сухопутным котом, то любил бы мышей. А он без ума от рыбы. Значит, он морской.

Это точно: Лукьян чуял рыбу в любом конце квартиры и несся в этот конец сломя голову. А мышей он не видел в упор. Идет себе по квартире и упирается в мышь... Или наоборот. Идет себе мышь по квартире и упирается в кота... И друг друга они не узнают.

— Что же делать? — спросил я и посмотрел на маму и папу с надеждой.— Может быть, Лукьян все-таки сухопутный?

А папа сказал:

— Сейчас мы устроим ему проверочку!

И тогда мы стали ловить мышей и мазать их рыбьим жиром.

Теперь Лукьян чуял мышь в любом конце квартиры. И несся за ней сломя голову.

Мыши сначала боялись Лукьяна и кричали страшными голосами. А кот ловил их, облизывал и отпускал. И мыши привыкли к Лукьяну.

— Мяу! — сказал кот Лукьян как-то раз.

И мыши побежали к нему сломя головы из разных углов дома. А Лукьян стал их облизывать. Просто так, без рыбьего жира.

А мама посмотрела на них на всех и сказала:

— Кто бы мог подумать, что эти мыши так любят ласку!

— Кто бы мог подумать, что Лукьян так любит мышей! — сказал папа.

А я обрадовался и закричал:

— Ура! Значит, он сухопутный!

Запасайтесь морковкой!

Мама очистила мне морковку.

— Хрум-хрум-хрум,— начал я.

— Здорово у тебя получается! — позавидовала мама. И очистила морковку себе.

— Хрум-хрум-хрум,— начали мы с мамой.

— Чего это вы тут делаете? — удивился папа, заглянув на кухню.

— Морковку жуем,— говорим мы.

И папа очистил себе морковку. Стали мы жевать втроем.

— Хрум-хрум-хрум!

Тут к нам в дверь постучали.

— Чего вы делаете? — спросила соседка.— У нас в квартире от вас шумно.

— Морковку жуем! — говорим мы.

И соседка присела за стол.

— Хрум! Хрум! Хрум! — хрумкали мы вчетвером. Потом к нам зачастили соседи по подъезду.

— Чего вы тут творите?! — изумлялись они.

— Морковку жуем! — отвечали мы.

И они по очереди присоединялись к нам.

...И я подумал:

сколько стоит человек? В детстве я, как и другие, спрашивал родителей. И мне отвечали, как и другим,— нет тебе цены, и за миллион не отдадим, и за миллиард, и за миллиард миллиардов не отдадим, ни за какие коврижки. Я радовался, конечно,— вон какой я дорогой, БЕСЦЕННЫЙ!

Но теперь-то мне ясно стало — это я для родных и очень-очень близких цены не имею. А для тех, кто подальше, имею очень даже определенную цену. Например, продавец мебельного магазина, который дефицитную кровать продает,— он только окинет меня проницательным взглядом и сразу все поймет, даст мне точную оценку. Правильно — с таким, как я, даже и связываться не стоит, навар небольшой...

Или бывший хороший знакомый. Раньше-то я его устраивал, он меня ценил, и довольно высоко (да и я ценил его не ниже). Прошло время — и на горизонте появился новый хороший знакомый, значительно более ценный гражданин. Подумал мой бывший хороший знакомый, взвесил на своих специальных весах нашу ценность (при помощи специальных гирек) — и выбрал, увы, не меня. Погоревал я, помучился, а потом как обрадовался, как запрыгал от счастливой мысли! Просто специальные эти весы и гирьки для меня не подходят! Я их презираю, вот! И никогда ни за что не буду ими пользоваться, не буду взвешивать своих очень хороших знакомых!

А вот редакторы тоже меня оценивают. И это, между прочим, нормально. На что я жить буду, если не продавать свои произведения, свою работу, свою энергию? Мне от другого вопроса жутко — за сколько меня продадут без моего ведома? За червонного туза — твоя карта бита, иди и убей человека — а человеком-то я окажусь? За кошелек с пятеркой и мелочью — в темноте, прижав к мусорному баку? Или просто — потому что не такой, как мы? Или за ничего, чтобы понаблюдать, как человек погибает? И сколько стоит их жизнь, тех, кто мою продает за туза, за пятерку, за зоологическую идею, за ничего? Бесценна? Миллиард миллиардов?..

Лев ЯКОВЛЕВ

— Хрум!!! Хрум!!! Хрум!!! — хрумкали мы все вместе.

У нас с полок стали падать кастрюли. Стол и шкафы ходили ходуном. Оконные рамы хлопали, стекла дребезжали.

Прохожие останавливались возле дома и смотрели на наши окна.

— Эй! Чего вы там затеяли?! — кричали они.

— Морковку жуем! — вопили мы в ответ.— Хрум!!! Хрум!!! Хрум!!!

Во дворе зашумели деревья, тревожно закричали кошки. Еще немного, и мы устроили бы МОРКОВНЫЙ УРАГАН. Да вот только морковка кончилась...

Кто на кого похож

Учитель сказал нам:

— Каждый человек своим поведением напоминает какое-нибудь животное... Один ленивый, как, например, медведь. Другой попрыгунчик, как заяц. Попробуйте нарисовать своих мам и пап в виде симпатичных животных. Это будет хорошая шутка, она развеселит ваших родителей.

Когда я пришел домой, папа лежал на диване, читал газету и зевал.

Я нарисовал его медведем в берлоге.

А тут мама возвратилась из магазина с тяжелыми сумками. И я нарисовал ее верблюдом с огромными тюками.

Мама и папа посмотрели на мои рисунки и рассмеялись. А потом мама спросила:

— Ты рисуешь для школы?

— Конечно! — сказал я.— Это такое задание.

— Ну! — сказал папа.— Зачем же выдавать домашние секреты?! Нарисуй меня лучше в виде бобра, который без устали строит дом. А мама пусть будет беззаботной порхающей птичкой.

Я так и сделал. Папу — бобром, маму — птичкой.

И сдал рисунки учителю.

И тогда папу привлекли к ремонту школы. А маму заставили петь в родительском хоре. Хорошая шутка получилась.

...И я подумал:

то, что пишу, никогда бы не читал сам в детстве. Все это относилось бы у меня к разделу сказок для девочек — слезки, красивости, пейзажи, о которых нам уши прожужжала учительница в школе и которые я благополучно пропускал даже в любимых своих романах — Купера, Уэллса, Конан Дойла, Александра Дюма... Вот это книжки! На каждой странице — похищают, гонятся, стреляют, убивают... Или, например, О'Генри — очень смешно, и тоже воруют, стреляют, или Марк Твен... Да что там говорить! Помню, как-то мне одноклассницы уши прожужжали — Брэдбери, «Вино из одуванчиков»! С неохотой я пошел в библиотеку, раскрыл журнал, может быть, в первый раз в жизни — «Пионер», прочитал две страницы... Ну и мура! Какие-то там бабушки, одуванчики божие, кеды, тапочки — и вокруг них соплей-то, соплей навешано два ведра — как хорошо летом по улицам ходить или как ночью страшно. Простите, это и так понятно, без дураков — что ж еще разжевывать! И вообще, что писать о том, что и так вокруг происходит,— скукота получается, бледное повторение. А вот у первооткрывателей в прерии или у золотодобытчиков, где жизнь все время на краешке ножа, палец на курке пистолета и краснокожие сигают с дерева и скальп, чуть расслабишься, на ходу срезают — вот это жизнь! Вот это книжки — настоящие, старые, толстые, со значками «Библиотека приключений». Разве сейчас какой-нибудь писатель может написать вроде Жюля Верна?

Многое изменилось с тех пор — понравился мне и Брэдбери, и к сказкам детским стал я относиться с уважением, и пейзажам — а вот Жюля Верна и Фенимора Купера читать сейчас не могу. Но осталась моя мечта — написать так же увлекательно, с такой же могучей дозой приключений и вымысла, так, чтобы понравилось такому же мальчику, каким я был когда-то,— который не любил сопли и слезы, а жаждал свободы, смелости и смеха.

Юрий НЕЧИПОРЕНКО

Сергей СЕДОВ,
Андрей АНТОНОВ

Рассказы старого циркача

Эти правдивые истории мы услышали от ветерана советского цирка пенсионера Ивана Петровича Тютькина

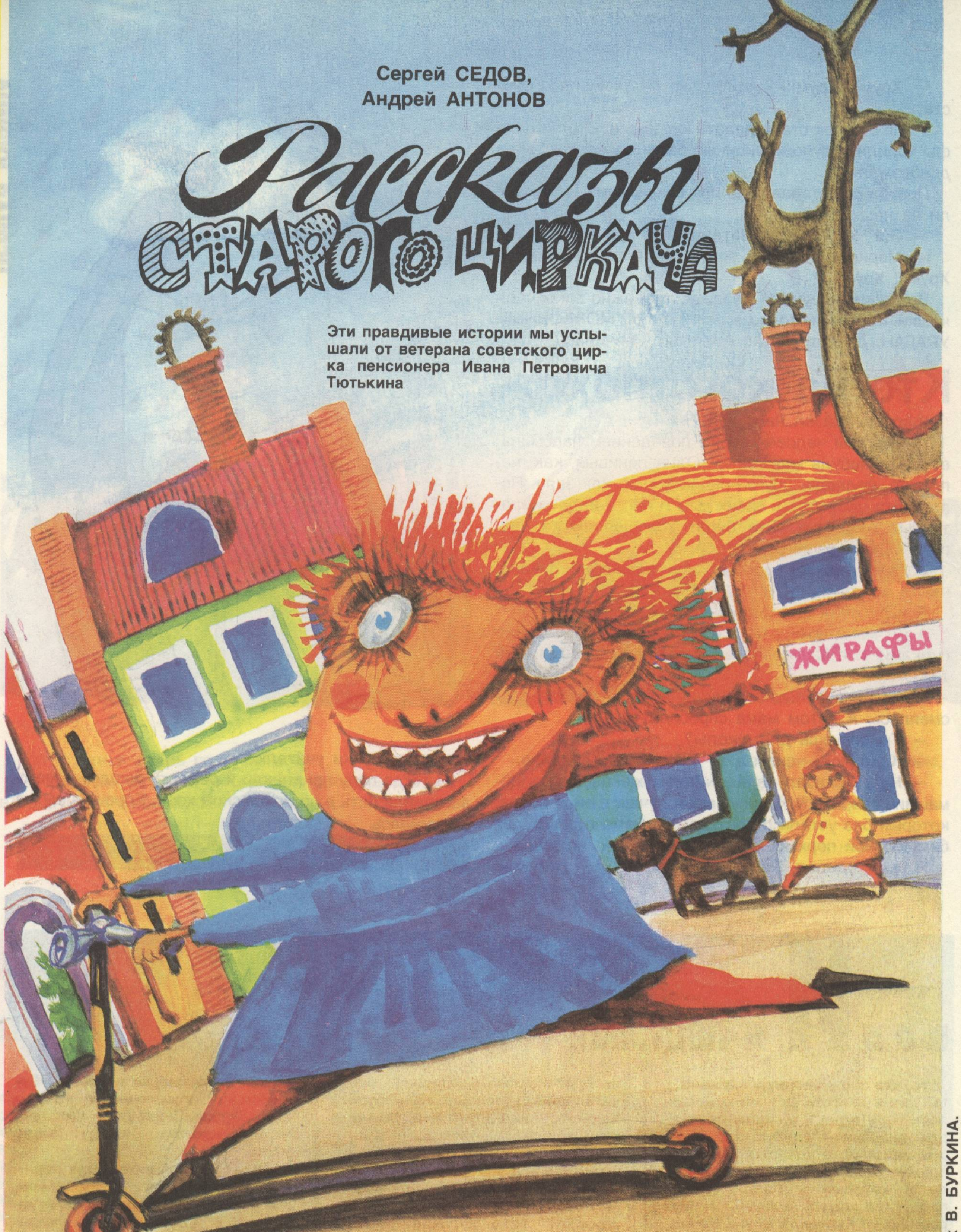


Рисунок В. БУРКИНА.

ИСТОРИЯ 1

Однажды в наш николаевский цирк поступила партия жирафов. Но дело в том, что жирафов никто не заказывал. И дрессировать не умел. В цирке, конечно, были дрессировщики — тигров, собак, голубей, слонов.

Кому же из них доверить жирафов? Думали, думали и решили: дрессировать жирафов по очереди: в один день дрессировщик тигров, в другой — собак, в третий — слонов...

И что же? Все шло хорошо до тех пор, пока жирафы не умерли. Потому что никто не знал, чем их кормить. Вслед за жирафами умерли и слоны, кото-

рые успели полюбить добрых жирафов во время совместных репетиций. Умерли и тигры, и собаки, и голуби, не выдержав разлуки с жирафами и слонами.

Вот поэтому способных, умных и покладистых жирафов, будто созданных природой для циркового дела, и не жалуют в наших цирках — все из-за той старой николаевской истории.

ИСТОРИЯ 2

Однажды в наш николаевский цирк поступила вторая партия жирафов, которых никто не заказывал. Потому что никто не знал, чем их кормить.

— Ну что вы, Николай Иванович,— возмутились мы,— все про жирафов да про жирафов, уже вторую историю! Расскажите нам что-нибудь про воздушных гимнастов или про клоуна...

— Ладно, ладно, ребята,— согласился Иван Петрович Тютькин.— Слушайте дальше...

ИСТОРИЯ 3

Однажды зимой в наш николаевский цирк неожиданно привезли партию жирафов. Хотя их никто не заказывал. Их даже не знали, чем кормить... Поэтому их стали кормить, как слонов, и они умерли от обжорства... Только они умерли, привозят еще одну партию... И кого бы вы думали?

— Может быть, УДАВОВ? — с надеждой спросили мы...

— Нет, ребята,— отрицательно покачал головой Иван Петрович Тютькин,— это были не удавы... Это были... (он посмотрел на нас глазами старого циркового артиста) жирафы...

ИСТОРИЯ 4

Так вот, опять никто не знал, чем кормить этих жирафов... Знали только, что их нельзя кормить, как слонов. И тогда их стали кормить, как голубей. И они умерли от недоедания... Ну, конечно, в цирке поднялся шум. Жирафы гибнут! Уже четвертая партия! За них валютой платят! Кто придумал кормить их, как слонов и как голубей? Надо было их кормить, как тигров! Тут как раз и привезли следующую партию.

— Ну. хватит,— сказали мы.— Теперь их будут кормить, как тигров, и они снова умрут. Да, Иван Петрович, мы угадали?

Иван Петрович рыдал...

— Да,— всхлипывал он,— да, и эти... Все погибли, все... Нажрались мяса и околели... Потом мы уже узнали, что их нужно было кормить сеном, как коров. Но жирафы кончились... Нам их больше не присылали. Но скажу вам по секрету, никого я не любил так, как этих милых, длинношеих...

Мы еле успокоили Николая Ивановича. А сами втайне радовались, что жирафы кончились, ведь нам так хотелось послушать историю про воздушных гимнастов и про клоунов...

ИСТОРИЯ 5

Как-то под Новый год в наш николаевский цирк привезли партию жирафов.

— Как жирафов! — закричали мы.— Они же кончились!

— Да вот, значит, не кончились,— улыбнулся Иван Петрович...— Так вот...

ИСТОРИЯ 6

Так вот, привезли, значит, жирафов. На этот раз сам директор цирка Адольф Виссарионович принимал участие в их кормлении. Сам пробовал сено...

Все шло хорошо. Только жирафы все-таки умерли — от гриппа. Это Адольф Виссарионович их заразил. Он потом и сам умер. Цирк распустили. Пришлось мне вместе с воздушными гимнастами и клоунами перебираться в другой город, в другой цирк. А Николаев так и остался в моей памяти: город, где я в первый и последний раз увидел жирафов...

— А куда переехали вы потом? — спросили мы.

— В Париж, ребята!

— А там?

ИСТОРИЯ 7

Во французских цирках жирафы — обычная вещь, как в наших, русских — слоны.

И Я ПОДУМАЛА:

если бы меня спросили — какое оно, по-твоему, лицо времени? — нарисовала бы шестиклассника, остановившегося, задумавшись, на улице Свободы. Есть такая в уральском городке Кунгуре. Одним концом она упирается в тюрьму строгого режима в монастыре XVII века. Другим — в обрывистый берег стремительной речки. Да-да, совсем как в сказке, вправо пойдешь — гибель свою найдешь, влево пойдешь — друга потеряешь... Значит, один остается путь — прямо. А для него нужнее всего — терпение, спокойствие, умение слушать и понимать других и свою собственную душу. Ведь «понимание — это отблеск творчества» — заметил один мудрый человек.

Сейчас точно знаю: самое трудное время в моей жизни — двенадцать лет. Именно тогда я трижды думала о самоубийстве и писала прощальные письма маме, бабушке и подруге Лене Белоцерковец. Именно тогда выбрала человека, который спустя годы стал моим мужем. Именно тогда поняла, кем хочу стать, когда вырасту. И еще. Потом лет десять подряд мне казалось, что я совсем не меняюсь. Именно тогда, в сотый раз перелистав толстый семейный фотоальбом в потертой бархатной обложке, впервые задумалась: кого во мне, двенадцатилетней, больше — родовитых уйгуров Мирсадыковых или крепостных крестьян Грачевых из-под Малоярославца, польских шляхтичей Грозовских или украинских кулаков Приходько?

С тех пор прошло двадцать лет. «Делать жизнь с кого?» — сегодня такового вопроса, слава Богу, нет. Жизнь, полная непредсказуемых, «пограничных» (на грани непоправимой беды) ситуаций, заставляет каждого идти нехожеными дорогами: справа — обрыв, слева — отвесная скала (на ней чуть заметной ниточкой приводящая в тупик ТРОПА ВОЙНЫ). Пожалуй, девочке труднее выстоять перед искушением праздничным вариантом жизни: бары, фирменные мальчики, дискотека — балдеж до утра, долгие разговоры ни о чем... А ведь именно сегодня решается, каким он будет, ТВОЙ ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ. Не останутся ли от него лишь горьковатый привкус чужих сигарет да надоевшая от бесчисленных повторений мелодия.

Лола ЗВОНАРЕВА

Тут «Черной курице» пришел конец.

ВНИМАНИЕ!

Сегодня у нас необычайное событие: «Кораблик» попал в «Треугольник НЛО», и команда всем известного парусника стала пилотировать таинственную тарелку Невероятных Литературных Открытий. ИТАК, СЛОВО КОМАНДЕ.

Инна АНПИЛОГОВА, 13 лет. «ЗДРАВСТВУЙТЕ!».

Люда ОЗЕРОВА учится в восьмом классе одной из московских школ.

Класс разбойников

Однажды на уроке химии ученики 7 класса «В» должны были писать контрольную. В этом классе учился мальчик Вова Синицын, который все время что-нибудь придумывал. Перед уроком, когда в классе никого не было, Вова взял клей и намазал им учительский стул. Начался урок. Учитель дал ребятам контрольную, а сам сел проверять тетради. Прошло минут пятнадцать. Учитель захотел встать со стула и вдруг почувствовал, что не может подняться. Учитель очень удивился и с силой рванулся. Стул отстал только вместе с задней частью брюк.

Были и другие проделки, которые заканчивались скандалом на всю школу... Учителя называли 7 «В» «классом разбойников».

А потом произошло вот что.

Вова Синицын, Костя Белоусов, Дима Краснов и Коля Гусев гуляли недалеко от школы. Вдруг они услышали шум. Рядом с ребятами опустился какой-то аппарат, открылась дверца, и из него вышли люди, а точнее, дети. Выяснилось, что это инопланетные дети — с планеты Девоншоп, и их зовут Савтак, Гамлей и Зовес. Они рассказали землянам историю города Сотевак. Дети в этом городе никогда и ни в чем не слушали взрослых. И вот несколько дней назад все взрослые ночью тайно покинули город. Утром дети проснулись и через некоторое время увидели, что в городе нет никого

Алеша ЯЦЕНКО, 7-й класс. «ГОРОД».

из взрослых. Они обрадовались. Но прошло несколько дней... и без взрослых дела пошли совсем плохо. Ребята решили идти в другие города и просить помощи. Но им отказали, так как все знали, что дети эти очень непослушные. Дети знали, что есть во Вселенной планета Земля, и они отправили на Землю за помощью Савтака, Гамлея и Зовеса.

— Вы согласны лететь с нами? — спросил Зовес, закончив рассказ.

— Да! — воскликнули ребята из «класса разбойников».

И вот друзья в городе Сотевак. Вова Синицын вошел в класс. Сначала он решил познакомиться с учениками, открыл классный журнал и сел на стул. Урок начался хорошо. Дети слушали, но потом стали шуметь и кричать. Ничего не помогало: ни доброе слово, ни строгое. Вова с трудом дотянул до конца урока. Прозвенел звонок. Вова начал вставать со стула, но, к своему удивлению, почувствовал, что встать не может. Он позвал на помощь друзей-землян. Друзья еле оторвали его от стула. Ученики-инопланетяне долго смеялись: конечно же, это они намазали стул клеем... Вова сразу вспомнил свой родной класс и свои проделки...

И так продолжалось несколько дней. «Учителя» просто не знали, что делать с непослушными детьми, и они пошли искать родителей и настоящих учителей. В конце концов взрослые вернулись, и дети стали их слушаться.

А земляне улетели домой. На следующий же день они пошли в школу и вели себя там очень тихо. Учителя были потрясены 7 «В» и стали с тех пор называть его «самым лучшим классом в школе».

Эдуард УСПЕНСКИЙ

КРАСНАЯ РУКА, ЧЕРНАЯ ПРОСТЫНЯ, ЗЕЛЕНЫЕ ПАЛЬЦЫ

(СТРАШНАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ БЕССТРАШНЫХ ШКОЛЬНИКОВ)

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Окончание. Начало в №№ 2, 3.

В одном пионерском лагере начинают происходить странные вещи. Летает какая-то Красная Рука, а может, и не летает, но странные-то вещи происходят. За расследование разных странностей берется юрист-практикант Виктор Рахманин. Он обращается через «Пионерскую зорьку» к ребятам с просьбой рассказать об известных им таинственных случаях. Он получает много писем. Одно из них приводит Виктора в Кирекшанский детский дом, где он узнает много новых страшных историй. Практикант возвращается к месту службы, в Зеленгород, куда из Кирекшанского детского дома вскоре приходит телеграмма, что у них опять случилось нечто необыкновенное. Рахманин и капитан Матвеенко отрабатывают новые версии.

Похороны Молока

На другой день Матвеенко вызвал Рахманина в Зеленгород.

— Ну что, студент, едем в Кирекшу?

— Зачем?

— Надо же узнать, что случилось с директором. Почему он скис.

— А может, он и не скис совсем. Может, это шутка,— возразил Рахманин.

— Вот и узнаем, кто так остроумно шутит. Эти шутки как раз для милиции.

— Хорошо. А что вы скажете начальству? Все расскажете про Красную Руку? Про Девушку с Пятном на платье? Про Черный Тюльпан?

— Нет, эти истории не для слабонервных. Вернее, наоборот,— поправился Рахманин. Эти истории для слабонервных. А наше начальство, оно, как бегомоты,— никаких нервов, одни инструкции. Просто у милиции всегда есть дело в радиусе двух тысяч километров от основного места работы. А у меня одна драгоценность есть — музейная икона... изъятая, палехская. Она полгода у меня в кабинете в диване лежит. А по ней давно какой-нибудь музей подмосковный плачет. Вот и поспрашиваем в Кирекше в церкви и в краеведческом музее, не у них ли она украдена.

— А меня вы кем оформите?

— Сопровождающим. Мы поставим ей цену больше трех тысяч. А для такой стоимости охранник нужен. Да еще и машину возьмем.

Нет, Рахманин не рвался в эту командировку. Никакой радости от нее он не видел и осматривать убитых не привык. Но и отказывать Матвеенко не хотел. Было бы нечестно оставить его одного в такой поездке.

— Хорошо,— сказал Рахманин.— Только порой мне кажется, что я от всего этого начинаю сходить с ума. Вы ничего не знаете о Черном Трамвае?

— Нет.

— А за мной, кажется, его присылали.

— Расскажите.

— В одном городе жил юридический студент. Его звали Виктор,— начал Рахманин.— Однажды он узнал, что в городе есть Красная Рука и Стеклянная Кукла. Он стал за ними следить. Как-то раз он шел по городу и стал ждать трамвая. Вдруг видит, что на остановке никого нет, все люди куда-то ушли. Тут к остановке подходит Черный Трамвай. Весь старинный и весь залит темнотой. Во всех окнах темнота, и в кабине водителя темнота. Двери открылись, и Виктор туда не вошел. Трамвай, скрипя зубами, уехал. А если бы он вошел, то больше Виктора никто бы не встретил. А если бы кто-нибудь его встретил, то он был бы с красным лицом или рот у него был полон синих зубов.

— Про Женщину с Красным Лицом мы проходили,— сказал Матвеенко.— А что это за Человек с Синими Зубами? И, пожалуйста, дайте мне подробности про Желтые Шторы. Я пока ничего о них не знаю.

— Я вам в дороге расскажу.

— Очень хорошо. Завтра с утра выезжаем. С рассветом. Около пяти или шести.

Сюрприз в Кирекше

(Встреча с человеком, которого уже похоронили)

Выехать около пяти или шести не удалось. Выехали около двенадцати. Им дали синий милицейский «Москвич» с упитанным усатым водителем с очень милицейской фамилией — Лютый.

— Так что мы знаем про Желтые Шторы? — спросил Матвеенко, когда машина с запутанного Зеленгородского шоссе выбралась на оборонную бетонку и пошла считать плиты.

— Да все то же! — ответил Рахманин.— Слушайте.

Матвеенко с водителем Лютым стали внимательно слушать.

— «ИСТОРИЯ ПРО ЖЕЛТЫЕ ШТОРЫ.

Однажды семья, где были папа, мама, мальчик и девочка, решила купить шторы. А у них недавно умерла бабушка. Перед смертью она говорила: «Покупайте какие угодно шторы, только не желтые».

— Очень милая картина,— вмешался Матвеенко.— Лежит бабушка и умирает. Кругом врачи, родственники. Ее спрашивают, что вы хотите сказать остающимся. Она говорит: «Покупайте какие угодно шторы, только не желтые».

— Ну и что? — возразил Рахманин.— А есть вариант этой истории, что бабушка после смерти позвонила по телефону. И сказала про шторы. Значит, они ее очень беспокоили. Слушайте...

Семья ходила, ходила по рынку, но ничего, кроме желтых занавесок, там не было. Тогда они подумали, подумали и купили эти занавески. Пришли домой и повесили их в детской комнате.

— Нашли где вешать! — прокомментировал водитель Лютый.

— А что, нельзя было? — спросил Матвеенко.

— Конечно, нельзя. Эти шторы там всех передушат.

— Ты-то откуда знаешь?

— Кто ж этого не знает. У нас в городе это сколько раз было.

— Где это у вас в городе? — еще больше поразился Матвеенко.— И куда же это ваша милиция смотрела?

— У нас в Виннице. А милиция известно куда смотрит — на показатели. Такие преступления не раскрываются, показателей не дают. Поэтому их и не замечают.

— И что дальше было? — спросил Матвеенко.

— На следующую ночь родители спали и дети спали. Вдруг Желтые Шторы разбудили мальчика: «Мальчик, вставай». Мальчик встал. «Мальчик, пойди умойся». Мальчик умылся. «Мальчик, иди позавтракай». Он позавтракал. «Мальчик, подойди к окну, посмотри, как во дворе играет твоя сестра». Он подошел. Тут Желтые Шторы схватили его и выбросили в окно».

— Я так и думал! — крякнул Лютый.

— Послушайте,— спросил Матвеенко,— а кто слышал, как Шторы с мальчиком разговаривали?

— Откуда я знаю! — ответил Лютый.— Кому надо, тот и слышал.

— Может быть, девочка слышала,— предположил Рахманин.

— Почему ты так решил?

— Потому что на другой день ее убрали.

— Кто убрал?

— Шторы эти самые, занавесочки,— сказал Виктор.

— Как свидетельницу,— добавил Лютый, не отрываясь от баранки.

— Наверное,— согласился Рахманин и продолжил: — На следующую ночь Шторы разбудили девочку: «Девочка, девочка, вставай». Девочка встала. «Девочка, девочка, умойся». Она умылась. «Девочка, девочка, подойди к окну. Посмотри, не играет ли там твой брат». Девочка подошла, тут же Желтые Шторы схватили ее и выбросили в окно. Тогда родители утром пошли в милицию. Милиция пришла и стала исследовать Шторы. От них нельзя было отрезать ни кусочка. Они выскальзывали из-под ножниц как живые. И родители вспомнили про старуху на базаре, которая продавала эти Шторы. Ее поймали, и она сказала:

— Эти Шторы не простые. Их можно разрезать скальпелем, который внутри кремлевской звезды.

Тогда милиция залезла на кремлевскую башню, достала из звезды скальпель. Только им дотронулись до Штор — произошел взрыв и Шторы, и нож исчезли».

— Просто «Очевидное-невероятное»,— сказал Матвеенко.— Откуда у тебя эта история? Это что-то новое.

— Меня моя соседка порадовала, Нина Николаевна. Еще она историю про Человека с Синими Зубами знает.

— Я тоже эту историю знаю. Она у нас в Виннице началась.

— Вот не знал, что Винница такой потусторонний город,— сказал Матвеенко.

— Сами вы потусторонний, Анатолий Петрович,— отпарировал Лютый.— Про этого Человека с Синими Зубами столько разговоров было. Он тогда появился у нас, когда на старом кладбище танцплощадку построили.

— Точно,— согласился Рахманин.— И во Владимире так же было. Как сделали танцульки на костях, так все и началось.

— Что началось?

— Все началось. Этот Человек появился.

И Лютый рассказал Матвеенко «Историю про Человека с Синими Зубами».

«В одном городе жила-была одна девушка. Она была очень красивая. У нее умерла мать и осталась только бабушка. Однажды девушка пошла на танцы. Бабушка ей сказала: «Если тебя будет приглашать мужчина с синими зубами, не танцуй с ним». Она пришла на танцы, танцевала с разными мужчинами, а потом ее пригласил мужчина с синими зубами. Девушка пошла с ним танцевать. Танцы кончились, и мужчина сказал, что он проводит ее до дома. Они сели в машину и поехали. А у этой девушки был один знакомый с мотоциклом. Он все время ехал сзади. Машина Человека с Синими Зубами шла уже со скоростью сто пятьдесят километров в час. Знакомый еле успевал за ними. Девушке было очень страшно. Вот они выехали за город на шоссе. И стали ехать совсем быстро. И тогда из окна машины Человека с Синими Зубами вылетела Черная Простыня и полетела к мотоциклисту. Она стала его душить. Он стал с ней бороться, потерял управление, вылетел в кювет и разбился. А эту девушку никто больше не видел».

— А кто же видел все эти подробности? — спросил Матвеенко.

— Люди видели.

— И что же, никто не запомнил номера маши-

ны? Ведь нечасто люди на танцы в машинах приезжают,— приставал к Лютому капитан.

— Может, кто и запомнил,— отвечал Лютый,— только говорить не хотят. Неизвестно, может, у этой летающей Простыни братья и сестры есть... Наволочки и полотенца разные.

— Да,— сказал Матвеенко,— если у нас так милиция рассуждает, то остальным гражданам сам бог велел дрожать от страха.

— А что? — согласился Рахманин.— Я уже понемногу начинаю.

А машина летела и летела среди потрясающей красоты лесов и пейзажей. Лютый твердой рукой обгонял рейсовые автобусы, грузовики и даже легкие «Жигули», несмотря на их более мощные моторы и нахальных, неуступающих водителей.

Проехали Покровск, проползли через Владимир, и вот уже на горизонте замаячило поместье — интернат Кирекша. Не останавливаясь, поехали сразу к кладбищу.

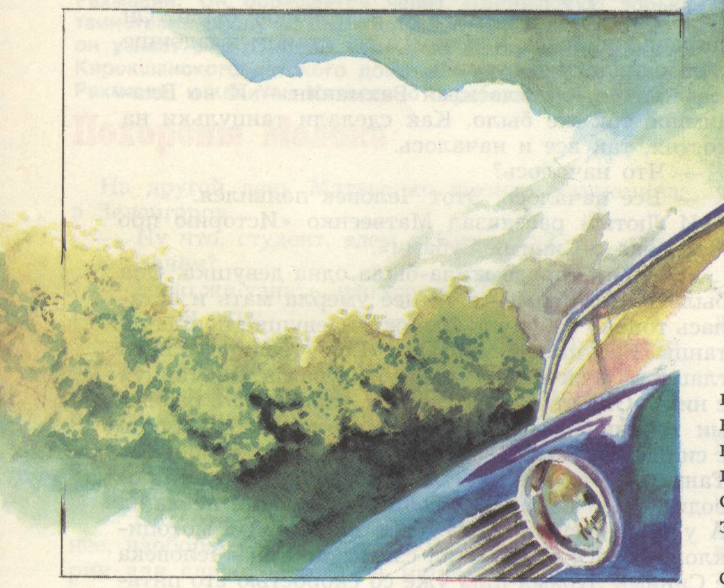
Еще издали заметили большое скопление людей, трубы оркестра. Подъехали ближе, вышли из машины и встали рядом, низко опустив головы.

Все уже заканчивалось. Слышались рыдания. Несколько не очень трезвых молодых людей засыпали и ровняли могилу.

Матвеенко сказал, что им здесь больше делать нечего и лучше ехать в интернат.

Так они и сделали. Но интернат был пуст. Дети опять были в поле, а старшие не вернулись с похорон.

— Вот что,— сказал Матвеенко Рахманину. Ты пока здесь оставайся, а мы съездим в краеведческий музей.



— Можно, я с вами? — спросил Рахманин.

— Нельзя,— сказал Матвеенко.— Ты поработай здесь.

И Рахманин понял, почему. Если бы они вместе уехали, им бы вместе пришлось возвращаться, вместе вести опрос свидетелей, и в результате вся зеленгородская милиция на следующий день знала бы от милиционера Лютого, чем уже более месяца занимаются Матвеенко и Рахманин за государственный счет, какой ерундой. Рахманин сам должен был разобраться во всем. Он понял это и сказал:

— Хорошо, поезжайте. Только не забудьте меня здесь. Мне это место совсем не нравится.

— Ладно, не кисни,— сказал Матвеенко.

— Хорошо, не буду,— ответил Рахманин. Хотя прекрасно понимал, что один уже недавно скис. Но вовсю светило солнце, и было совершенно нестрашно.

Рахманин стал прогуливаться около входа в учительскую, чтобы поговорить с кем-то из учителей.

Однако дом был пуст. Ребята, наверное, продолжали работать в поле, а взрослые собрались где-нибудь на поминках.

— Дурацкая ситуация! — подумал Рахманин.— Люди сидят, пьют, беседуют. А ты приходишь и спрашиваешь: «Кто видел покойного в последний раз? А не было ли на его шее следов от удушья?» Тебе говорят: «Не было. Он был здоров как бык. Вот справка о его смерти». Ты снова спрашиваешь: «А вскрытие проводилось?» Тебе говорят: «А по морде не хотите?»

Время уходило и уходило. Никто из взрослых не появлялся.

Рахманин поднялся в учительскую комнату, в ту самую, в которой он спал в прошлый раз. Сел на диван, стал рассматривать документы. Ничего не было особенно интересного. Все: журналы, книги, выписки, решения — все было такое скучное, среднесиротское. Рахманин сам не заметил, как заснул. Будто заколдованный.

Проснулся он весь мокрый и встревоженный от скрипа двери. Она медленно плыла в пространстве комнаты. Кто-то тихо входил.

Рахманин напрягся на диване: что-то происходит... что-то случается. Вот показалась белая рука, вот в комнату вошел похоронный костюм. В костюме был человек — Александр Павлович Молоко.

Рахманин дико вскрикнул, заметался по комнате. Потом вскочил на подоконник и сиганул вниз.

— Не возьмете!

Он недолго путался в кустах под окном... бежал. Во время бега жить не так страшно. Ему казалось, что этот страшный человек в костюме бросится и поплывет по воздуху за ним, схватит его своими страшными малоподвижными белыми руками,

и тогда... что будет тогда, Рахманин не знал, но и не очень стремился узнать.

Он пробежал мимо хозяйственных построек во дворе и выскочил на главную аллею.

Как раз появилась милицейская машина с любимым Лютым и спокойным Матвеенко. Они остановились около Виктора.

— Ну что? Как дела? — спросил Матвеенко.— Все в порядке?

— Более чем,— ответил запыхавшийся Рахманин.

— Ты провел опрос свидетелей?

— Да, да,— отвечал Рахманин.— Конечно. Самого покойника чуть не допросил, да нервы сдали. Поехали отсюда.

Матвеенко очень хотелось узнать подробности. Но при Лютом он не стал.

Машина двигалась в сторону Москвы по чудесным российским пейзажам, мимо дубовых рощ, грибных перелесков, широких рек и заросших речушек, порою над огромным песчаным карьером, порою чистым придорожным лесом, а позади поднималось облако на полнеба. Оно чернело, наливалось грозой, и облако это было Александром Павловичем Молоко.

— Анатолий Петрович,— спросил Рахманин,— на кого это облако похоже?

Матвеенко обернулся и посмотрел:

— На колотушку для картошки.

Больше почти до самой Москвы они не разговаривали.

Где-то, когда уже ехали по Москве, Лютый «порадовал» их еще одной историей.

— Чего только не бывает на свете. Вот у нас под Термезом одна змея влюбилась в военного.

— Где это у вас под Термезом? — перебил Матвеенко.— Ты же у нас из Винницы.

— Под Термезом, где я служил. Хотите расскажу?

— Давай рассказывай,— велел Матвеенко.

— Был у нас один новичок из Кемерова. Все время в карауле стоял, больше всех.

— Что, любил стоять? — спросил капитан.

— Бог его знает. То ли любил стоять, то ли не-

спорил, когда его в караул ставили. А может, то и другое. Только, как ни проедешь мимо, он на посту с карабином столбом стоит. И вот в него змея влюбилась, маленькая такая гюрза. Она все время на него смотрела. А однажды скользнула ему на плечи и шею обвила. Он испугался, стал ее сдергивать. Она его ужалила. Пошли на пост его менять, а он уже мертвый.

— Ну и что? — сказал полудохлый Рахманин.— Может, солнечный удар был у него.

— Да?! — возразил Лютый.— Полгода не ударяло в самую жару, а тут осенью ударило!

— А может, его скорпион укусил?

— А то наши врачи не знают, кто его укусил,— возражал упрямый Лютый.— Змея его укусила... змея.

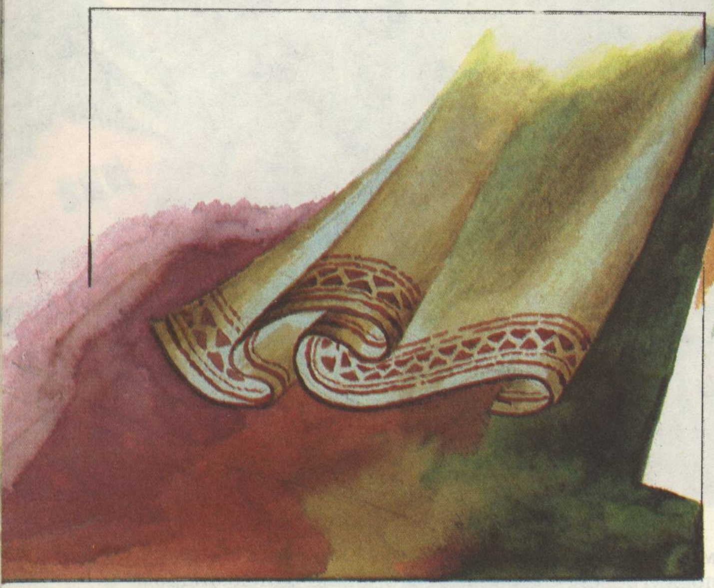
— Ладно,— вмешался Матвеенко.— А может, он на нее наступил? Откуда вы взяли, что она влюбилась?

— Да оттуда и взяли, что мы эту змею сто раз видели.

— Ничего себе! Это где?

— Она у него на могиле поселилась. Все время лежала. Мы своими глазами видели. Как ни придешь, она там! И раз — сразу в камни!

Нельзя сказать, чтобы эта лав-стори обрадовала Рахманина. У него все время перед глазами стояла такая картина: маленькое солдатское



кладбище, все в камнях и скалах, рядовая солдатская бетонная могила, и на ней маленькая мультипликационная змейка с холодными бриллиантиками вместо глаз.

Круг сужается. Вернее, круг расширяется

Как только Рахманин приехал в Москву и вошел в квартиру, раздался телефонный звонок. Какой-то дохленький, но междугородный.

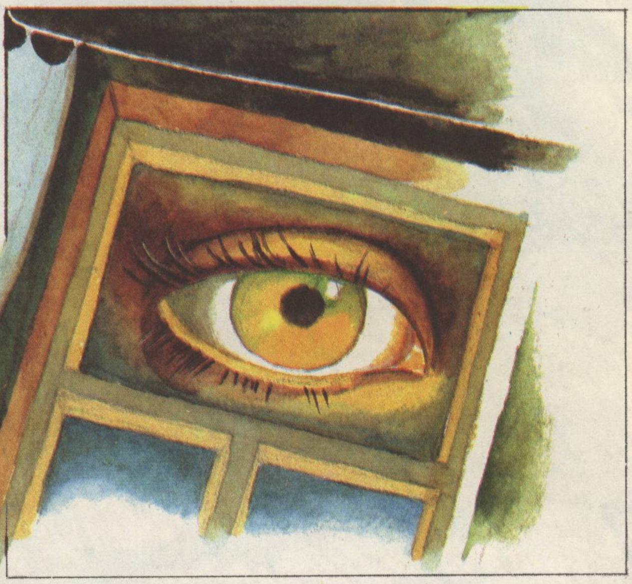
Звонили из Торжка. Виктор долго выяснял, кто звонит, действительно ли дядя Мирон Бирюков или какие-нибудь Синие Уши.

Звонил в самом деле дядя Мирон. Он сказал, что Александра Серафимовна померла. Ее похоронили. И что для Рахманина есть «старинушка». И приглашал приехать.

— Спасибо, дядя Мирон. Может быть, я у вас появлюсь.

Уже много лет подряд Рахманин с одним приятелем дружили с Александрой Серафимовной. Они приезжали в Торжок на машине раза два в год, привозили консервы, гречку, стиральный порошок, всякие там ведра-обои, все, что просила их тетя Серафимовна. А она взамен собирала для них у старух по улице старые вещи: фотоальбомы, пластинки, старые шкатулки. Конечно, за плату. Постепенно у рахманинского товарища, тоже Виктора, собралась целая коллекция.

Рахманин решил ехать. Надо было удрать из этой сужающейся Москвы с ее черными трамваями и «прокисающим молоком». Он позвонил автоприятелю, но тот был неготов к скорому старту.



Тогда Рахманин, предупредив Матвеенко, выехал один.

В Торжок он приехал рано утром, весь жеваный и мятый. Рахманин не стал ждать автобуса и пошел пешком через весь город в старую купеческую его часть.

Начиналась осень, и в воздухе висела влага. Молчаливые, плохо одетые люди проходили мимо него торопливыми шагами. На каждой остановке стояла маленькая толпа.

Как ни странно, в Москве люди больше любят ходить пешком. Для москвича пробежать паутройку остановок не труд, а удовольствие. В маленьких городах, наоборот, человек полчаса упорно будет стоять на остановке, чтобы потом в крайне упакованном виде ехать две с половиной минуты до какого-нибудь Шестого микрорайона или Газового комбината волокнистой пленки.

Потянулись навстречу старые купеческие дома.

Один высокий дом в конце улицы был огорожен новым забором из старых досок. И как-то странно он колебался в воздухе.

Подойдя ближе, Рахманин заметил, что дома уже нет. Он в развалинах, а колеблется слабый призрак этого дома, тень его.

— Ничего себе новости!

Он остановил прохожего, который в отличие от других не бежал с большой скоростью, а вел кудато собаку:

— Скажите, что с этим домом?

— С этим домом? А ничего... взорвали, дураки. Кино будут строить.

— Почему же дураки? Кино ведь хорошо.

— Потому дураки, что через два квартала уже есть кино. А дому-то еще стоять бы и стоять.

— А что это над домом такое? — спросил Виктор.

Прохожий с удивлением посмотрел на него.

— Колышется,— объяснил Рахманин.

— Сам ты колышешься,— буркнул про себя прохожий и перешел на другую сторону улицы со своей собакой.

«Что-то со мной неладно»,— подумал Рахманин.

Дядя Мирон, оказывается, давно не спал. Он обрадовался Рахманину, поставил чайник, достал три сорта варенья, хлеб, масло.

— Александра Серафимовна тебя не дождалась. Она много чего насобирала у старушек. Вот смотри, тебе отложено.

— Дядя Мирон,— сказал Рахманин,— я же ведь ничего не привез, что вы заказывали.

— А нам ничего и не нужно,— сказал дядя Мирон.— У нас все есть. Ты приехал, уже и хорошо.

Виктор с удовольствием стал рассматривать «улов». В этот раз Александра Серафимовна постаралась. Целый угол был завален старинными вещами. Одна вещь была лучше другой. Чего стоил один роскошный кожаный альбом с желто-коричневыми фотографиями. Вся история купеческой семьи была изложена в нем, как в учебнике.

Крепкий, жесткий старик с булавочными глазами в тройке и пожилая властная женщина с поджатыми губами в платье до земли — основатели династии. И фамилия, и имена у них были очень купеческие — Марья Васильевна и Петр Тимофеевич Расторгуевы.

Потом шли их взрослые дети, опирающиеся на тумбочки разных конфигураций. Потом уже их дети со своими женами и детьми, уже снятые на улице. А потом уже их дети в гимназических фуражках или в дорогих тройках с некоторой интеллигентностью и высокомерием на лицах.

Очень понравилась Рахманину шкатулка из толстого граненого стекла, обрамленного металлом. Ее почистить — цены ей нет. Были еще две лампады синего цвета очень тонкой работы, в безумной грязи и сале.

Но больше всего поразил Рахманина какой-то старинный то ли знак, то ли вензель, то ли орден очень и очень аккуратной работы. Никогда раньше он не видел ничего похожего. Это изделие напоминало или старинный герб иностранного дворянского рода, или герб страховой компании, или товарный знак компании, торгующей научными приборами. Потому что основу его составляла лента Мёбиуса.

Эта вещь так понравилась Рахманину, что он решил, что все остальное: и альбом, и шкатулку, и лампады — отдаст автодругу, только бы знак остался у него. В знаке совершенно четко проступал какой-то смысл, были заложены определенные пропорции и связи.

— Что это, дядя Мирон? — спросил Рахманин.

— Должно, знак какой-то. Тетя Саша его принесла от одной бабушки. Как раз прежде, чем помереть.

— А что за бабушка? Откуда? Как фамилия?

— Я и не помню уже. Ее дом позади школы. Который с заколоченными окнами.

— Окна сейчас заколотили, потому что бабушка умерла?

— Нет, они всегда заколочены были. А бабка вроде и не умирала вовсе.

— А чего же она такую красивую вещь отдала?

— Может, и не отдала, может, тетя Саша сменяла ее на что полезное. Потом в нашем возрасте вещи уже и не очень нужны. Чай, к примеру, полезнее. А чая лекарственного в городе нет.

Он помолчал. Потом продолжил, как всегда, медленно:

— Об этой бабке странное говорят. Будто она видит то, что не положено.

Рахманин вспомнил призрак дома над домом в утреннем свете и подумал: «Совсем как я».

Он вцепился в дядю Мирона:

— Чего же она такое видит, дядя Мирон?

— Не знаю, что. Люди говорят...

— Но ведь люди про что-то говорят.— Может, она клады под землей видит. Может, в голове у нее телевизор на восемь программ.

— Это у тебя в голове телевизор на восемь программ,— рассердился дядя Мирон.— А в нашем возрасте все по-другому. Если человек что-то видит, что не положено, значит, у него ВИДЕНИЯ!

Этот ответ дяди Мирона ничего не прояснил, но, с другой стороны, как бы дискуссию закончил. Спрашивать дальше было уже, пожалуй, и нетактично.

Рахманин решил попытать дядю Мирона на предмет Красной Руки.

— Дядя Мирон, а вот не случалось у вас в городе чего-нибудь жутко необычного?

— Чего же такого необычного?

— Красная Рука к вам, например, не прилетала или Гроб на Колесиках не приезжал?

— Не слышал ничего,— оторопел дядя Мирон.

— А Белые Перчатки не появлялись?

— Какие такие Белые Перчатки?

— Они по ночам прилетают и играют на пианино.

— Зачем?

— А бог его знает, зачем. Прилетят, например, в клуб деревообделочной фабрики ночью и играют там до утра Баха или Шуберта... Или Бетховена там.

— Не слыхал я про эти Перчатки,— сказал дядя Мирон.— А вот про Обезьяну из Пианино слышал.

— Расскажи, дядя Мирон.

Пока дядя Мирон собирал мысли для рассказа, Рахманин задумался: «А действительно, что же на самом деле играют эти Перчатки? Не могут же они исполнять «Кирпичики» или «Ах, Одесса, жемчужина у моря...». При случае надо обязательно позвонить в Покровск».

Тем временем дядя Мирон начал:

— Это бывалошная история... Одни люди из купцов хотели купить пианино. И старый мастер сказал им: «Любой инструмент покупайте, только не покупайте с красным пятном». Пошли они в магазин... А там каких только пианинов нет: и черные, и белые, и красные... Только все дорогие. А одно пианино стоит черное с красным пятном и совсем недорогое...

— Где же это вы в Торжке такой магазин видели,— спросил Рахманин,— чтобы в нем любые пианино были?

— Я же тебе сказал, мил-человек, что история эта бывалошная,— ответил дядя Мирон.— А в бывалошное время в Торжке все было. Были даже такие пианины, что сами по себе играли, без людей. Электрические.

— Извини, дядя Мирон. И что дальше было?

— Дальше принесли они это пианино домой, поставили в угол и стали красное пятно тереть. Трут они его, трут... а оно все краснее и краснее становится. И вот вдруг крышка открывается, выходит из-за пианино обезьяна, задницу себе лапами закрывает и говорит: «Всю задницу мне натерли!»

Рахманин неуверенно рассмеялся, чтобы не огорчать дядю Мирона. А тот вдохновился и предложил еще один рассказ.

— Ты про Винт в Полу когда-нибудь слышал?

— Нет,— ответил Рахманин.— Расскажите, пожалуйста.

— Ладно, слушай. Одна старая женщина, когда помирала, сказала своей дочери: «Ты что хочешь делай, только Винт в Полу не трогай. А то будет большая беда». И умерла. А дочка все время об тот Винт спотыкалась. Однажды она взяла газовый ключ и гайку отвинтила. Как раз была полночь.

Только часы пробили... И вдруг... Ты слушаешь?

Рахманин уперся взглядом в окно и замер. За окном, поглядывая в разные стороны, пролетел большой желтый Стеклянный Глаз размером с крупную тыкву.

Рахманин стряхнул с себя видение:

— Да, конечно. И что?

— И вдруг в дверь к дочери постучали. Она в гляделочку посмотрела и видит: за дверью стоит женщина с нижнего этажа, вся в крови... И в руках люстру держит.

Рахманин подошел к окну и увидел, как этот Глаз-тыква улетал вдаль над улицей, над прохожими, над редкими машинами, покачиваясь и посматривая по сторонам. И как он скрылся в дымке над рекой, над мостом. И никто не обратил на него ни малейшего внимания.

— Ну и как история? — спросил дядя Мирон.— Веселая?

— Куда уж там,— ответил Рахманин.— Смех, да и только.

Потом он сказал:

— Дядя Мирон, я по городу пройдусь. Билет куплю на Москву. Может, чего принести к обеду надо?

— Чего там, к обеду. Суп у меня есть из колбасы. Ничего не надо. Хлеба купишь, и ладно.

— А пол-литра, дядя Мирон?

— Если деньги есть, отчего не купить. Купи, Виктор Николаевич.

Старым стал дядя Мирон, а выпивку уважал по-прежнему.

Рахманин зашел в маленькую ванную и стал с мылом отмывать загадочный знак старой зубной щеткой. Знак с каждой минутой проявлялся, как хорошая цветная фотография. Он оказался многоэмалевым, тонкой, почти невозможной работы. На нем были написаны какие-то формулы и отлиты что-то означающие фигуры, как на средневековых гербах. Рука с мечом, перерубающая цепь, змея с красными глазами, цветные цветы и многое другое. Вещь была очень красивая, просто музейная.

Виктор сунул знак во внутренний карман и вышел на улицу.

И обалдел!

Прямо над улицей по воздуху плыла Пятиметровая Кобра. Она извивалась, смотрела в разные стороны и беззвучно планировала примерно в пяти метрах над мостовой. И никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

— Я, наверное, рехнулся! — решил Рахманин.— Галлюцинации плавают.

Все вокруг было как обычно. Влажный осенний день. Скачут школьные малыши, возвращающиеся после занятий. Идет лошадь с телегой, полной пустых ящиков. Грохочут редкие машины.

Рахманин подошел к дому-призраку. Интересно, стоит ли он на месте или тоже улетел в даль улицы.

Дом стоял на месте. Более того, если утром он был колышущийся, сомнительный, то сейчас стоял яркий, цветной, как нарисованный на целлофане. Очень он напоминал фазу мультипликационного фильма. Не хватало только раскрашенных, залитых жильцов.

На какое-то время Рахманин почувствовал себя то ли рентгенологом, то ли рентгеновским аппаратом. Он осмотрел наличники, крышу, балкон с чугунной решеткой. И вдруг заметил на стене второго этажа темный квадрат: то ли маленький сейф, вделанный в стену, то ли жестяную коробку от конфет.

— Да это же клад.

Он понял: если эта часть стены рухнула после взрыва и еще не вывезена, клад можно отыскать. Но он понял и другое: если этот дар — видеть сквозь стены — у него всерьез и надолго, это есть еще более ценный клад. Правда, он не знал еще, нужна ли ему эта вновь обретенная способность. Как не знал бы сельский житель средней полосы СССР, нужна ли ему способность понимать теорию Эйнштейна.

Следующим зданием на улице была почта. В ней — междугородка. В междугородке написаны коды всех мелких городов соседних областей. В том числе код города Покровска.

Но сначала Рахманин позвонил Матвеенко.

— Как дела, Анатолий Петрович? Все живы?

— Все. Никто не скисал, ничто не скисало. А как у тебя дела?

— Я тоже пока еще не скис. Но на грани.

— Смотри не скисай там,— попросил Матвеенко.— А то практику не зачту.

— Бог зачтет, Анатолий Петрович. Посмотрите, нет ли там в моих отчетах телефона комиссионки Покровска.

— Как нет, есть, конечно. Сейчас я тебе его скажу. А зачем тебе?

— Хочу одну деталь уточнить.

— Давай, студент, уточняй и возвращайся. Без тебя здесь скучно стало. Никаких новостей.

— Зато здесь у меня никакой скуки,— ответил Рахманин.— Одни новости.

Рахманин сразу позвонил в Покровск:

— Здравствуйте, Светлана Ильинична. Не пугайтесь, это из милиции. Я Рахманин, я у вас был.

— Ничего себе не пугайтесь,— сказала директриса.— Я милиции-то больше всего и боюсь.

— Больше всего? Больше пианино фирмы «Блютнер» с Белыми Перчатками?

— Нет, этих Перчаток я все-таки больше опасаюсь.

— Ага, вспомнили. Так вот, скажите мне, что эти Перчатки по ночам играли? Какую музыку?

— Я говорила вам: какую-то черную.

— Что значит черную? — переспросил Рахманин.

— Бог его знает. Только уборщица сказала, что черные лучи шли во все стороны. А потом эти Перчатки выскочили и отлупили ее как следует.

— Как отлупили, как в боксе?

— Нет. Они просто столкнули ее с лестницы. Она так и упала вниз до утра.

— Спасибо, Светлана Ильинична. А Красная Рука у вас больше не появлялась?

— Слава богу, не было.

— До свидания.

— Всего хорошего.

Какие-то странные мысли зашевелились в мозгу у Рахманина. Ему показалось, он понял, что эти фантомы-призраки-сгустки инородной материи не очень охотно контактируют с людьми. И вовсе не хотят их доставать.

Вроде бы ему ясно сказали, что эти Перчатки избили уборщицу. Ее даже с лестницы сбросили до утра. А он вдруг делает вывод, совершенно противоположный.

«Я почти твердо уверен в этом,— думал Рахманин.— Но почему?»

У Рахманина была одна черта, именно она привела его в юристы. Иногда он заранее твердо знал, как будут развиваться события. Он не мог объяснить, почему он это знает, но почти всегда оказывался прав.

Сейчас он попробовал понять, откуда взялось его решение, что эти монстры не хотят, а может быть, просто не могут обижать людей. Он представил себе картину: ночь, пустое здание, странные Белые Перчатки играют на пианино. Белые — значит, любят чистоту. Играют не на бильярде, не в домино, не в карты, а на пианино. Чтобы играть на пианино, даже черными лучами, учиться надо.

Играют эти интеллигентные Перчатки, а тут сторожиха тетя Поля или там тетя Клуша подходит и, скрипя всеми досками старого дома, в замочную скважину подглядывает. Неизвестно еще, что эта тетя выкинет, а вдруг милицию позовет с пистолетами.

Другие Перчатки могли тетю Полю запросто придушить, бутылкой по голове стукнуть и слинять. А эти всего-навсего ее с лестницы спустили. И еще эта тетя Параскева и дальше по ночам работала. Правда, без пол-литры не соглашалась. Но с пол-литрой-то запросто. Не иначе как она с этими Перчатками помирилась, а то и подружилась вовсе. Сидела себе и балдела, музыку слушала. Торчала то есть. Вот бы с Параскевой поговорить.

Но дальше события развивались так, что стало не до Параскевы. Как только Рахманин вышел на улицу, он едва не врезался в Черную Простыню, спокойно двигавшуюся по тротуару, как пиратский парус.

Слава богу, что у него была профессиональная реакция. Он не остановился, не отпрыгнул в сторону, а, наоборот, попер на Простыню, как извозчик на буфет, будто он ее не видел.

Ни в коем случае нельзя было подавать вида, что он ее видит. Тогда бы она поняла, что замечена им, и неизвестно, что бы она после этого предприняла.

Простыня проскользнула мимо его лица, как молочная пенка при наливании молока в чашку, как тень от ветки дерева, не оставив ни малейшего ощущения прикосновения, и пофланировала дальше по улице.

Рахманин пошел за ней. Она двигалась в том же направлении, что Глаз и Кобра. Двигалась не спеша, обходя, обтекая прохожих, иногда на сотую долю секунды задерживаясь у больших витринных стекол.

Странно, она была черная, но солнечные лучи проходили сквозь нее свободно, тени она не отбрасывала.

Дальше Простыня резко повернула в глуховатый переулок налево, и, если бы Рахманин последовал за ней, сразу бы стало ясно, что он за ней следит.

Поэтому Рахманин прошел перекресток, чтобы купить сигарет и жвачки в газетном киоске.

Потом он долго курил в глуховатом переулке, сидя на поваленном дереве, и ждал. Он был уверен, что кто-либо из этой цветной организации опять проследует в ту же сторону.

И точно, по переулку шла девушка... Нет, Стеклянная Кукла в человеческий рост. Не шла, а парила над асфальтом, словно ее несло воздушным течением. Проплывая мимо Рахманина, она все время поворачивалась к нему лицом. И в конце концов вышло так, что дальше она уже плыла спиной вперед. Но Рахманин даже четвертью глаза не повел в ее сторону. Мало ли, кого только не заносит порой в наши русские музейные города.

Пройдя следом за Куклой метров пятьсот по переулку, Рахманин снова остановился покурить. Дальше его повели огромные Зеленые Пальцы, летевшие вместе, как спаянные, но не связанные большой зеленой ладонью.

Они вплотную подвели Рахманина к красному фабричному зданию дореволюционной постройки. Скорее всего это был гвоздевой или замковый завод или молотковая фабрика. Он весь был обнесен старым кривоногим забором со старой кривоногой колючей проволокой.

Пальцы залетели за спину здания и скрылись где-то в высоких пыльных кустах в середине того же кривоногого забора.

Забор был обложен глухой крапивой и репьем. В одном месте через крапиву шла твердая, вся перекрученная тропинка. Рахманин пошел по ней и сразу оказался у роскошной полутораметровой дыры в заборе.

Дальше он увидел глухую огромную стену с одной-единственной полузаваленной дверью. Наверное, это был вход в котельную. Тяжелая железная дверь была прикрыта до половины кустами пустырника.

Рахманин не собирался туда заглядывать. Но вдруг услышал шум позади себя на тропе. Шла группа людей.

«А если это не молотковый завод, а секретный почтовый ящик? — подумал Рахманин.— А если здесь производят не кувалды, а штыки для армии? Меня же арестуют к чертовой матери и сдадут в милицию».

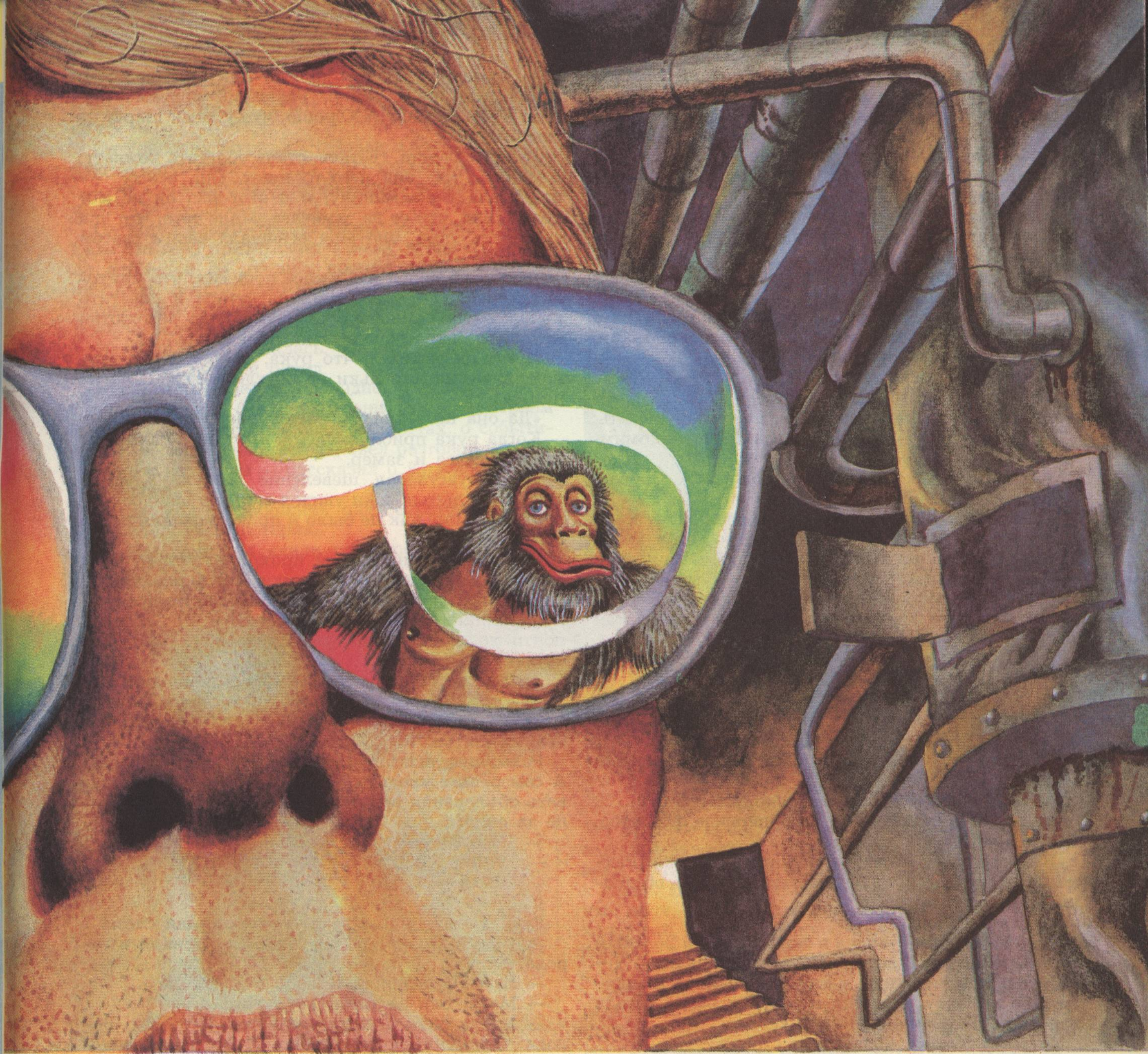
Он шагнул к двери в подвал и, почти прижавшись к стене, стал опускаться по лестнице вниз. Получилось так, что последней в подвале оказалась его голова.

Когда он чуть-чуть привык к подвальному полумраку, его охватил ужас. Подвал напоминал слегка подсвеченный аквариум, в котором плавали...УЖАС...КАРАУЛ... И надо было бы бежать оттуда... к чертовой матери, без оглядки... А Рахманин почему-то сделал наоборот. Он деловито пошел вдоль трубы по стене, осматривая и шатая заржавленные вентили.

А все фигуры в подвале, наоборот, вдруг замерли. И Стеклянная Кукла, и Девушка с Красным Пятном, и Большая Обезьяна с Бритвой, и Черная Простыня, и Желтый Глаз, и Пятиметровая Кобра, и многие, многие другие.

Дойдя до старого угольного котла, который не работал уже больше тясячи лет, Рахманин деловито бросил туда несколько лопат угля и пошел к выходу. На всякий случай взяв лопату с собой.

У самого выхода он случайно ткнулся голо-



вой в какого-то не успевшего обскользнуть его монстра и почувствовал упругое и твердое сопротивление.

Монстр, очевидно, задержался на пути Виктора не случайно, не случайно затвердел на тысячную долю секу́нды, он что-то хотел то ли узнать, то ли показать Рахманину. И Рахманин понял, что есть очень большая сила в этом бредовом сгустке материи.

Но сделал вид, что ничего не понял. Он брезгливо замахал руками, как человек, в лесу случайно налетевший на большое полотно паутины, что-то пробурчал сердитое типа:

— Запустили помещение! Вас бы самих сюда, черти! — И, снова присев и упершись носом в дверь, выскользнул из подвала. На свет божий.

Путь за колючую проволоку был открыт. И Рахманин с облегчением пулей вылетел с территории фабрики, как сельский мужик, случайно забежавший в дамский туалет на вокзале.

С волосами, стоявшими дыбом, шагал он на улицу дяди Мирона, а над ним в двадцати метрах над землей, чуть-чуть сзади летела Черная Простыня.

Она была над ним, пока он стоял в винном отделе, пока покупал хлеб, пока ехал в автобусе на вокзал за билетом. И никто во всем городе, кроме Рахманина, ее не видел. А он делал буквально все, чтобы ее совсем не замечать.

Рахманин понял, что он на крючке. Что он «под колпаком», а вернее, «под простыней» у всей этой относительно честно́й компании, и что вечером надо ждать гостей.

И опять что-то подсказывало Рахманину, что это не смертельно опасно.

Рахманин все время прокручивал в голове картину, которую сфотографировала его подкорка в подвале. Что это было? Бал привидений? Сговор чудовищ? Музей призраков или его собственный бред?

А может быть, это был коллективный поход в театр? Или исполнялся какой-то особый концерт для Белых Перчаток с оркестром? В самом конце зала он заметил что-то похожее на сцену

в сельском клубе, какой-то помост. И на нем, кажется, извивалась и текла лента Мёбиуса.

И, кажется, с нее стекала в зал какая-то информация. В ленте определенно была какая-то масса. Весь зал замер мгновенно с появлением Рахманина, а лента еще две или три секунды двигалась, меняя цвет.

«Интересно,— думал Рахманин,— почему я стал их замечать? И, самое странное, почему я почти перестал их бояться?»

И тут он вздрогнул. Прямо перед ним на первом сиденье автобуса сидел зеленый контур человека. Когда у людей от резкой перемены позы идут круги перед глазами, иногда они бывают такого непрозрачно-зеленого цвета.

У человека, за которым следят агенты ЦРУ, или КГБ, или другой государственной разведки, порой возникает желание подойти к агенту и сказать: «Здравствуйте, я — Петров. Давайте познакомимся».

Рахманину тоже захотелось подойти к контуру и сказать что-либо подобное:

— Здравствуйте. Ну, как дела, все зеленеем?

Но никто к агентам ЦРУ почему-то не подходит и ни о чем их никогда не спрашивает. Не стал этого делать и Рахманин. А на остановке он молча прошел через Зеленого Человека, как проходят люди через луч света в темном царстве или в автоматах метро.

Личное знакомство

— Дядя Мирон,— спросил Рахманин у хозяина за обедом,— у тебя нервы крепкие?

— Нет,— ответил дядя Мирон.— У меня нервы никуда.

— А с виду ты такой спокойный.

— Это с виду. Я, как чего нервное вспомню, целую ночь потом не сплю.

В печке гудел огонь, начинались сумерки. Рахманин и дядя Мирон неспешливо ели за обеденным столом в комнате...

И вот началось.

Вдруг Рахманин увидел в окне большой Зеленый Череп размером с двухпудовую картофелину. Череп подлетел вплотную к стеклу, заглянул глазницами в комнату, покачал головой и резко взмыл в высоту. Рахманин понял — сейчас!..

— Дядя Мирон, выпей еще стопку.

— А ты чего же не пьешь?

— Я же непьющий.

— Хорошо это,— согласился дядя Мирон.— Сколько я через нее бед в жизни получил и несправедливостей... А уж денег потратил! Вот сейчас не надо бы пить — утром плохо будет. Так ведь тянет. Выпить-то хотца.

Дядя Мирон выпил.

За окном появилась Черная Рука. В этот раз она не просто летала в горизонтальном положении, она пыталась пальцами открыть форточку. У нее это не получилось. Она улетела вверх.

Несмотря на самоуспокоения, Рахманину становилось жутковато. Он втянул голову в плечи.

— Что-то холодно, дядя Мирон.— Он намотал на шею шарф.

— Чего там холодно, жарко!

...Прошла минута... Еще одна...

Дверца печки отворилась, и из нее в комнату влетела уже не Черная — Красная Рука. Она была раскаленной.

Теперь ее заметил и дядя Мирон.

— Э-э-э! — Он захлебнулся словами. Он показал Рахманину жестом то, что Виктор давно уже видел. Как ни странно, Рахманин подумал про себя в эту секунду: «Хорошо, что у меня шарф не синтетика».

Рука медленно, светясь, стала облетать комнату. Казалось, что она чего-то ищет. Она все ближе подлетала к Рахманину, и в этот раз он не мог делать вид, что ее не замечает. Мало того, что она светилась сама, она еще освещала своим светом комнату.

Рахманин сидел и в ужасе понимал, что приходит конец. Он уже решил нагнуться и схватить кочергу для самообороны. Хотя было абсолютно ясно: его битва обречена на поражение.

И тут он заметил, что рука, пролетая над столом, даже ни капельки не обуглила лежащую на нем газету.

«Да она не такая уж раскаленная!»

Когда рука приблизилась к его лицу, Рахманин закрыл глаза и замер.

Он почувствовал шевеление воздуха у лица, сквозь закрытые веки увидел свет, но ожидаемого жара не было, как не было и прикосновения пальцев к шее.

Рахманин слышал, как прохрипел что-то дядя Мирон, и стукнула дверца печки. Потом все стихло. Он открыл глаза. В комнате все было по-прежнему. Никаких следов пожара или огня. Со стула почти до пола свисал дядя Мирон. Он был без сознания.

Рахманин кинулся к нему, стал приводить его в чувство. Дядя Мирон стонал и долго не мог ничего осознать. На горле у него были видны явные следы ожогов.

Рахманин вызвал «неотложку» по телефону. А сам решил уходить. Не хватало ему только давать объяснения врачам о Красной Руке и о Черепе за окном.

— Дядя Мирон, как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Жив пока.

— Горло не болит?

— Вроде нет. Как бы отпустило.

Руки у него тряслись, по щекам текли слезы.

— Дядя Мирон, есть у тебя родственники в городе?

— Есть. Племянник Володя с женой.

— Могут они за тобой поухаживать?

— Могут, чего с ними сделается. Особенно Володя. Он меня любит шибко. И гостить у меня любит. Они с женой неладно живут.

Телефон у племянника был только рабочий, но жил он недалеко. Рахманин решил к нему зайти по дороге на вокзал.

— До свиданья, дядя Мирон. Не рассказывай особо о том, что мы с тобой здесь видели.

— А чего мы здесь видели? — сказал старик.— Ничего и не видели.— Но одной рукой он все-таки прикрывал горло, а другой пытался закрыть дверцу печки на задвижку.

— Спасибо тебе за все. Если что будет не так, звони. Мы к тебе с Виктором сразу на машине приедем. Жалко, что Александры Серафимовны уже нет.

— Жалко,— согласился дядя Мирон.— Она тебя шибко любила. Все говорила: «Что-то москвич долго не едет».

Виктор взял свой чемоданчик-портфель, взял из кучи перед печкой старый журнал «Человек и закон» и вышел.

В небе за ним никто не следовал.

До отхода поезда было два часа. Город погружался в темноту.

Виктор быстро нашел дом племянника. Передал Володе, что дядя Мирон заболел, и пошел на почту.

Он упаковал журнал «Человек и закон» в плотную бумагу, вложил туда герб-знак-символ и отправил в Москву, на свою фамилию до востребования.

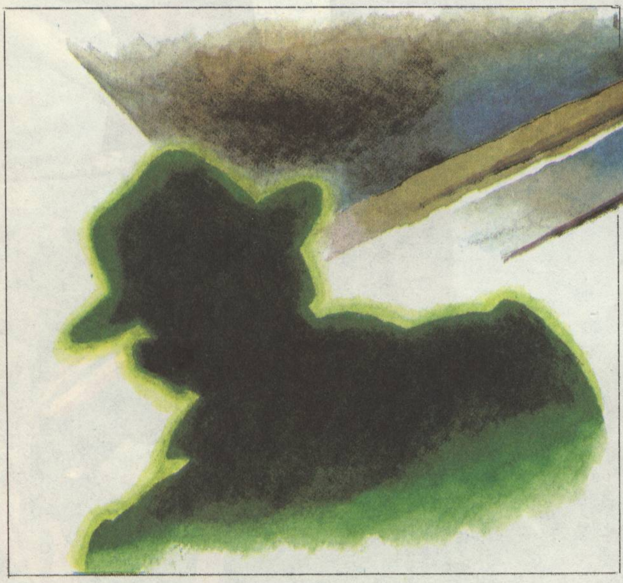
Он хотел узнать секрет своего монстровидения. Если это герб притягивает к нему чудовищ, пусть он останется до лучших времен на Московском почтамте. А если дело не в нем, Рахманин всегда сможет его получить и будет держать дома как ценную реликвию.

История заканчивалась. По крайней мере заканчивался первый раунд.

Последний подарок преподнес Рахманину железнодорожник, с которым они ехали в первом вагоне. Они долго беседовали о газетах, о событиях. И Рахманин, как всегда, свел разговор к невероятным историям — рассказал о Красном Пятне в Покровске.

Тогда железнодорожник под секретом поведал Рахманину свою историю.

— Мы однажды ехали по Ярославской ветке.



Все как положено. Вдруг напарник показывает мне, на лобовом стекле какая-то пленка появилась. Будто капля нефти попала и все растекается. Она все больше и больше проявлялась, и разные цвета проступали.

— Как в цветном телевизоре.

— Похоже. Стали черные цвета выступать и другие. В общем, получился такой плакат — лицо женщины и руки вперед. Мол, стойте! Женщина просто молит. Мы с напарником стали тормозить. Сильнее и сильнее.

— И что же получилось?

— Получилось, что мы правильно сделали. Смотрим, дети по путям идут. Мы загудели что было сил. Они испугались и с рельсов спрыгнули. Перед самыми колесами. Мы снова ход набрали, смотрим, а женщины на стекле нет.

Антракт лет на восемь

Матвеенко сам приехал к Рахманину.

— Давай рассказывай.

Рахманин рассказал ему все, начиная с дома-призрака в Торжке и кончая женщиной на стекле и Зеленым Человеком в автобусе.

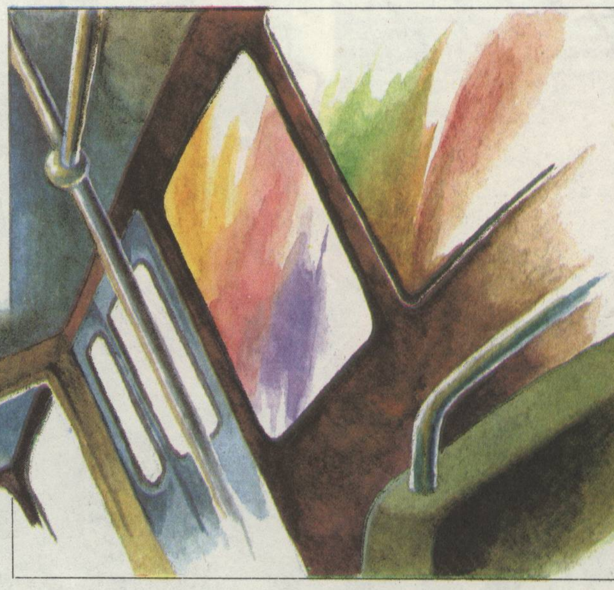
— Я понял: никого они не убивали. Их жертвы умирали сами от страха.

— Я тоже так решил,— сказал Матвеенко.— И очень за тебя боялся. Только на то и надеялся, что ты не из пугливых. Редко я встречал таких выдержанных людей.

— Я и был на грани. Нервы обострились до безумия.

— Но почему Рука дядю Мирона обожгла?

— Не обжигала она его,— возразил Рахманин.—



Тут дело вот в чем. Я когда-то читал, что у многих людей невероятная сила воображения. В средние века пытали одного человека. Он был привязан к столу. Палач показал ему раскаленный железный прут, а к ноге приложил другой, совершенно холодный. Так вот от прикосновения вздулся волдырь, как при ожоге.

— Я читал об этом,— сказал Матвеенко.

— Так и дядя Мирон. Он был уверен, что Рука раскалена. И что пальцы раскалены. Вот и проступили у него пальцы ожогом. А у меня ничего нет.— Он распахнул рубашку на груди.— А видеть эти сгустки материи я начал от невероятной взвинченности. Нервы были напряжены до предела... А может, этот герб имеет какую-то силу. А может, то и это. В общем, если захочешь, все замечать начнешь.

— Или с ума сойдешь,— добавил Матвеенко.

— Верно,— согласился Рахманин.— Так что я решил в этот мир больше пока не заглядывать. Может быть, лет через восемь — десять. А эту штуку,— он показал Матвеенко квитанцию на герб-символ,— я положу в сейф, пусть полежит пока.

— Приходи ко мне работать после вуза. А? — попросил капитан Анатолий Петрович.

— Может быть. Скорее всего,— ответил Рахманин.

Все. Надо было расставаться.

Когда они подошли к остановке трамвая, Матвеенко спросил, забираясь в вагон:

— Слушай, а Зеленый Человек, которого ты иногда видишь, он с тросточкой или нет?

КОНЕЦ

Клюся

Жил-был клюся. Ел сено, пил воду, мотал хвостом.

Жила-была девочка. В школу ходила, по дому помогала, к клюсе забегала.

Бывало, обнимает клюсину голову и начинает:

— Клюся мой, клюся! Ушки домиком, губы волосатые!

— Клюся мой, клюся! Глазки добрые, реснитчатые!

— Клюся мой, клюся! Ноздри — пятаки, шея вольная!

Ласкает так девочка клюсю, а ему — радость. Кому ж не понравится, когда любовь и дружба царит?

Однажды девочка осмелела и решила на клюсе прокатиться. Вскарабкалась и уселась, будто на большой волосатый барабан.

Барабан был живой, он шевелился, двигался, дышал, щекотал девочке ноги. Девочка держалась за рыжую шею и вдыхала крепкий теплый запах пота. Ей страшно нравилось, что сидит она высоко-высоко и голова ее плывет чуть ли не под самой крышей.

Девочка подумала, что детство бесконечно, а время застыло, как ледок на реке. И можно ни о чем не грустить, ни над чем не ломать себе голову, не плакать, обидевшись, подолгу мучительными, сжигающими душу слезами. Детство бесконечно. Вот как здорово!

А за воротами клюсиного дома — лужок, потом ветлы — старые растрепанные деревья, а за ними — река, в которой летом можно купаться сколько влезет, барахтаясь и визжа. А можно и не барахтаться, а стоять по грудь в воде и вглядываться в проплывающие травинки, маленькие стремительные рыбки, легкие прутики и дощечки, покрытые налетом водорослей. И от долгого смотрения на воду голова начинает медленно кружиться и видится, что вот-вот из-под воды покажется русалка с бледным лицом и грустным чарующим взглядом. Вот тогда, визжа, суетясь, ошалело ополоумев, можно броситься на берег. А на берегу отдышаться, растянуться в теплой шелковой траве и затихнуть, слушая, как бьется, колотится в груди сердце.

И чтобы клюся фыркал рядом, хрупал травой, помахивал слышно хвостом — хлест-хлест...

Да кто ж он такой — клюся этот?

Комон, фарь — вот он кто!

Конь, конечно.

А клюся, комон, фарь — конь по-старинному. Сейчас эти слова почти не употребляются. Зря: нечто в них есть приятное, лошадиное, дружеское.

...Так где же все-таки живут наши друзья — клюся да девочка? Может, в деревне на Клязьме-реке? Может, за Уральскими горами? Но вполне вероятно, что и в городе Чебоксары. Почему в городе? Да потому, что именно в Чебоксарах есть детская конноспортивная школа. И принимают туда ребят с одиннадцати лет. И может в этой школе сразу учиться более ста человек. А клюся там живет не один, клюсей там около двадцати. Да еще пара пони. И жеребята, конечно.

Смотрю я на фотографии из чебоксарской детской конноспортивной школы и будто слышу:

— Клюся мой, клюся! Ушки домиком, губы волосатые!..

И морды, как валенки,— добавлю я. Ведь правда?

И. АНДРИАНОВА

ЧИТАЙ В МАЕ:

Детский журнал «Воробьевы горы», путешествие к географическому центру страны, Адамам и Евам 1990 года.

Сдано в набор 05.02.90.
Подписано к печати 19.02.90. А 09412.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 1879.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Вниманию взрослых авторов!

Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

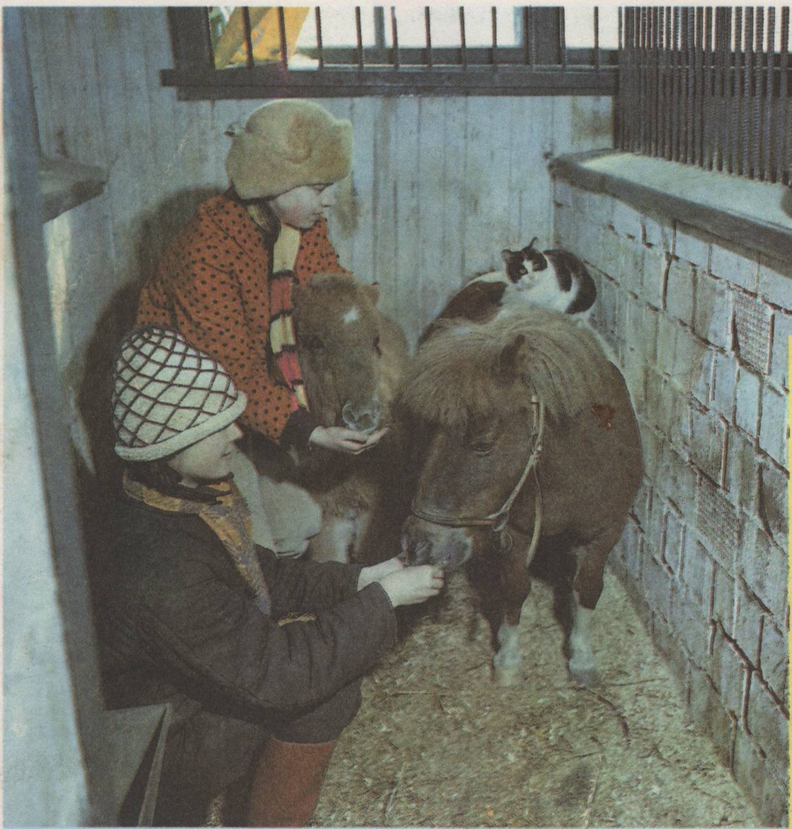
Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

30 коп.

Индекс 70694.



Знаешь, кто такой КЛЮСЯ? Быстро открывай III обложку и читай!

Фотографии А. ЖМУЛЮКИНА

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 4. 1—64.